

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГАОУ ВО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Санников Денис Викторович

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Кузнецова Ольга Анатольевна

Пермь – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
Глава 1. Теоретические основы цивилистического исследования охраны частной жизни в условиях цифровой среды	21
§ 1.1 Частная жизнь гражданина и концепция технологического детерминизма: философско-этические и юридические вызовы	21
§ 1.2 Эволюция идеи о неприкосновенности частной жизни и ее нормативная регламентация в условиях цифровой трансформации	42
§ 1.3 Элементы гражданско-правового режима частной жизни в условиях цифровой среды	57
Глава 2. Цифровой образ гражданина как элемент частной жизни в условиях цифровизации общества	75
§ 2.1 Цифровой образ гражданина: анализ понятийно-категориального аппарата	75
§ 2.2 Идентификационная информация, составляющая цифровой образ гражданина	93
§ 2.3 Тайная информация о гражданине, содержащаяся в цифровой форме	110
§ 2.4 Коммуникационная информация и ее место в структуре цифрового образа гражданина	130
Глава 3. Гражданско-правовая защита частной жизни в условиях цифровизации общества	140
§ 3.1 Посягательства на частную жизнь гражданина и его цифровой образ как основание их гражданско-правовой защиты	140
§ 3.2 Гражданско-правовые способы защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования проявляется в следующих аспектах.

Социально-политический аспект. Цифровизация общества по праву считается трансформацией революционного характера, связанной с преобразованием всех сфер жизнедеятельности общества. Технологическая революция, предопределившая цифровую трансформацию общества и, как следствие, цифровую институционализацию, выступила в роли «триггера» системы нематериальных благ: новая цифровая среда вступила в очевидное противоречие с нецифровым бытием личности. Одним из последствий этого явления для частной жизни гражданина выступает утрата ее приватности: в условиях тотальной цифровизации гражданину становится сложнее сохранять в тайне сведения, относящиеся к его частной жизни, в том числе персональные данные, которые обретают новые формы выражения (биометрические персональные данные; геолокационные персональные данные; хеш-ID пользователя; cookie-файлы; данные, собираемые сервисами Яндекс.Метрика и Google Analytics и др.).

Важным направлением современной отечественной правовой политики является цифровизация всех сфер жизни общества, что получило широкое отражение в актах стратегического характера¹. Проблема управления идентификационными персональными данными и их верификации признается на международном уровне, что подтверждается разработкой Комиссией ООН по праву международной торговли Проекта положений о трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг², а также принятием Регламента № 2016/679

---

¹ *О Стратегии* развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023); *Паспорт* национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04 июня 2019 г. № 7. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» и др.

² URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.9/WG.IV/WP.160> (дата обращения: 16.03.2023).

Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (далее – Общий регламент о ПД)³.

Все это предопределяет уязвимость человека в условиях новой цифровой среды и актуализирует соответствующие научные исследования.

Законодательный аспект. Отечественный законодатель уже предпринял значительные шаги по созданию нормативной платформы цифровой экономики и адаптации существующей нормативной базы под соответствующие нужды. Однако эти первые шаги не коснулись системы нематериальных благ личности в целом и частной жизни гражданина в частности. В Распоряжении Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"», ныне утратившем силу, отмечалось, что одним из вызовов развитию цифровой экономики России является «проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде»⁴. Однако обозначенная проблема пока законодательно не решена.

Доктринальный аспект. Сравнительно недавнее столь существенное слияние человека с цифровой средой, а также «правовой вакуум» вокруг частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества значительно влияют на состояние разработки цивилистического учения по теме исследования. Компоненты научной теории частной жизни гражданина в

---

³ *О защите* физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных): регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принят в г. Брюсселе 27 апреля 2016 г.) // Official Journal of the European Union. № L 119. 04.05.2016. P. 1.

⁴ *Об утверждении* программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2023) (документ утратил силу).

условиях цифровизации общества, в том числе доктрина цифрового образа, цифрового следа и цифровой тени, находятся на начальной стадии своего формирования. В частности, в настоящее время в российской науке гражданского права не сформулировано доктринальное понятие частной жизни, учитывающее существующую «цифровую» частную жизнь; не выявлены особенности гражданско-правовой охраны частной жизни в условиях цифровой среды; не сформировано учение о цифровом образе гражданина, в том числе о его составных компонентах – цифровом следе и цифровой тени, их понятиях, критериях дифференциации. Большие сложности и дискуссии в научной доктрине вызывает пользовательский аккаунт в социальной сети, являющийся средством объективации цифровых персональных данных: ученые и правоприменители квалифицируют его в качестве и базы данных, и составного произведения, и сложного мультимедийного объекта, состоящего из нескольких простых. Геолокационные персональные данные практически лишены научного внимания со стороны ученых-юристов.

Правоприменительный аспект. В отечественной правоприменительной практике встречаются споры, касающиеся частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества, в том числе связанные с защитой прав на персональный образ; на персональные данные, выраженные в цифровой форме (например, геолокационные персональные данные); на пользовательский аккаунт в социальной сети (особенно в части его принадлежности конкретному лицу и в части наследования) и т.д. Однако в отсутствие специального правового регулирования этих и некоторых иных вопросов, сопряженных с частной жизнью гражданина в условиях цифровизации общества, заявителям не удастся эффективно защитить принадлежащие им права, несмотря на бесспорность их нарушения.

Все указанные обстоятельства свидетельствуют о важности, актуальности и своевременности теоретической разработки цивилистических

проблем охраны частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества.

Степень научной разработанности темы с учетом относительной новизны вопросов охраны частной жизни в условиях цифровой среды нельзя признать высокой.

Имеющиеся диссертационные исследования, посвященные частной жизни гражданина, представлены в достаточно большом объеме, но не учитывают цифровую трансформацию и связанные с ней явления. Правовым проблемам частной жизни гражданина было посвящено множество разноотраслевых диссертаций, среди них работы А.Х. Хуаде («Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни». Кисловодск, 2015), О.В. Максимовой («Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни». Омск, 2013), К.Б. Курбонова («Гражданско-правовые проблемы права на неприкосновенность частной жизни». Душанбе, 2012), Ю.А. Дунаевой («Частная жизнь как объект антикриминальной безопасности». Н. Новгород, 2011), Т.О. Праницкой («Конституционно-правовой механизм обеспечения неприкосновенности частной жизни». Белгород, 2010), М.А. Ступаловой («Правовое регулирование частной жизни осужденных к лишению свободы». Н. Новгород, 2009), С.Е. Кузахметовой («Принцип неприкосновенности частной жизни: теоретико-правовой аспект». Саратов, 2008), И.П. Галыгиной («Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни». Томск, 2006), И.А. Каниной («Частная жизнь в сфере права». Тамбов, 2006), П.Н. Макеева («Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни». М., 2006), Р.Б. Головкина («Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России». Н. Новгород, 2005), О.У. Калабаева («Проблемы охраны тайны частной жизни в уголовном судопроизводстве». Ижевск, 2005), Е.А. Филимоновой («Конституционное право российских граждан на неприкосновенность частной жизни». Волгоград, 2005), И.А. Шевченко

(«Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни». Красноярск, 2005), В.В. Воронко («Право на неприкосновенность частной жизни по гражданскому законодательству Российской Федерации». М., 2004), Н.А. Карпуниной («Охрана частной жизни как принцип российского уголовного процесса». Самара, 2004), М.С. Дунаевой («Основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства в частную жизнь граждан». Иркутск, 2002), В.П. Жеребкина («Уголовно-правовая охрана частной жизни». Саратов, 2003), А. Климчик («Свобода информации и право на частную жизнь в международном праве». М., 2003), Е.Е. Калашниковой («Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни». М., 2001), Г.Б. Романовского («Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни». Санкт-Петербург, 1997) и др. Все эти разноотраслевые исследования, безусловно, способствуют научному познанию частной жизни гражданина в целом. Однако несмотря на объективное существование цифровых условий при подготовке по крайней мере нескольких последних по дате написания диссертаций, указанные условия в этих работах не учтены.

Изучению цифрового образа посвящены научные статьи таких авторов, как Д.Е. Богданов, Е.В. Богданов, А.А. Карцхия, В.О. Пучков, Э.В. Талапина и др. Цифровой след и цифровая тень упоминаются в научных работах А. Боровикова, А.В. Гапанович, Л.А. Бояркиной, В.В. Бояркина и др. Анализ юридической литературы, посвященной обозначенной тематике, позволил сформулировать два основных вывода: 1) тематика цифрового следа более популярна, чем тематика цифровой тени, однако находится она в центре внимания ученых-криминалистов, то есть исследуется преимущественно в уголовно-правовом ключе; 2) ни цифровой след, ни цифровая тень не упоминаются в контексте научных разработок цифрового образа гражданина или его частной жизни в целом. При этом криминалисты, оперируя термином «цифровой след», вкладывают в это понятие несколько иное содержание, чем представители частноправовых наук.

Среди исследований геолокационных персональных данных следует особенно отметить научную статью К.А. Ивановой, а также работы З.З. Ложис, М.О. Орлова, Р.В. Чупахина, С.В. Шуралевой и др. Сбору избыточных данных посвящена совместная научная работа Б.А. Едидина и К.В. Крымской.

В целом комплексная научная теория гражданско-правовой охраны частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества в российском праве не разработана.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель работы заключается в формировании единого научного представления о гражданско-правовой охране частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества, включающего обновленное доктринальное определение частной жизни, учитывающее цифровую среду; гражданско-правовые квалифицирующие признаки частной жизни; элементы гражданско-правового режима частной жизни и их особенности, связанные с цифровой средой; а также формирующуюся доктрину цифрового образа личности, в том числе с позиции его гражданско-правовой защиты.

Исходя из указанной цели, в работе поставлены и решены следующие **задачи**:

– определение понятия «частная жизнь» гражданина через призму концепции технологического детерминизма, а также связанных с ней философско-этических и юридических вызовов;

– изучение эволюции идеи о неприкосновенности частной жизни и ее гражданско-правовой нормативной регламентации в условиях цифровой трансформации;

– выявление элементов гражданско-правового режима частной жизни в условиях цифровой среды;

– характеристика цифрового образа гражданина, в том числе анализ соответствующего цивилистического понятийно-категориального аппарата;

- рассмотрение идентификационной информации, составляющей цифровой образ гражданина;
- исследование тайной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме;
- анализ коммуникационной информации и определение ее места в структуре цифрового образа гражданина;
- выявление посягательств на частную жизнь гражданина и его цифровой образ как оснований его гражданско-правовой защиты;
- определение гражданско-правовых способов защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации.

Объект и предмет диссертационной работы. Объектом диссертационного исследования являются гражданские и некоторые смежные правоотношения, связанные с реализацией такого нематериального блага, как частная жизнь гражданина, в условиях цифровизации общества. Предмет диссертационного исследования составляют отечественные и зарубежные научные труды, законодательство, законопроекты, материалы судебной практики по теме работы.

Методологическая основа диссертационного исследования обусловлена целью и задачами работы и сформирована преимущественно на диалектическом научном познании правовых явлений. Диалектическое мировоззрение, учитывающее всеобщую взаимосвязь явлений, обеспечило настоящее исследование комплексным подходом к частной жизни гражданина, учитывающим генезис идеи о неприкосновенности частной жизни, ее историческую динамику и законодательное развитие, взаимосвязь с иными нематериальными благами, изменившиеся условия цифровой трансформации. В ходе исследования были применены основные законы диалектики и в особенности закон перехода количественных изменений в качественные, что имеет непосредственное отношение к трансформации частной жизни в условиях цифровизации общества.

Использовались общенаучные методы научного исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, сравнение, сопоставление и другие приемы формальной логики. В работе также применялись исторический, системный и функциональный подходы.

Кроме того, в диссертации был применен широкий инструментарий специально-юридических методов исследования, в том числе: догматический – при выяснении правового содержания такого нематериального блага, как частная жизнь гражданина; историко-правовой – при изучении эволюции идеи о неприкосновенности частной жизни и ее нормативной регламентации в условиях цифровой трансформации; сравнительно-правовой – при анализе особенностей реализации субъективного гражданского права на цифровой образ, в том числе геолокационные персональные данные, в иностранных юрисдикциях; межотраслевой – при выяснении примерного перечня сведений, относящихся к частной жизни, подробно изученных представителями конституционно-правовых и уголовно-правовых наук; метод юридического толкования (лингвистический, системный, исторический, юридико-технический и др.) – при уяснении действующего правового регулирования охраны частной жизни гражданина.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные работы таких ученых-юристов, как: С.С. Алексеев, И.З. Аюшеева, М.В. Баглай, С.В. Баринов, К.А. Барышева, Д.Н. Бахрах, Н.В. Безнощенко, Д.Е. Богданов, Е.В. Богданов, А. Боровиков, Л.А. Бояркина, В.В. Бояркин, С.Л. Будылин, Д.О. Буйнов, Л.А. Воскобитова, Э. Гаврилов, А.В. Гапанович, А.А. Германова, Л.В. Голоскоков, С.П. Гришаев, О.А. Данилова, Е.Н. Ершова, А.К. Жарова, Д.С. Захаренко, К.А. Иванова, О.С. Иоффе, В.Б. Исаков, Б.Н. Кадников, А.А. Карцхия, Д.А. Керимов, Е.Г. Комиссарова, К.А. Корсик, Ю.А. Крохина, О.А. Кузнецова, О.Е. Кутафин, Н.П. Лепешкина, Д.А. Ловцов, М.Н. Малеина, А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.А. Микрюков, К.С. Митягин, Л.А. Морозова, В.С. Нерсисянц, В.А. Новиков, Л.А. Новоселова, Ю.С. Овчинникова, М.М. Панарина, И.Л. Петрухин,

Ю.С. Пилипенко, И.А. Покровский, В.О. Пучков, В.Е. Родыгина, Г.Б. Романовский, В.Б. Рушайло, А.И. Савельев, И.С. Самощенко, Д.В. Сараев, А.И. Семикаленова, Н.В. Сыропятова, В.С. Толстой, Е.М. Тужилова-Орданская, Е.А. Флейшиц, В.Э. Фридман, Т.Я. Хабриева, Л.А. Чеговадзе, А.Ю. Черданцев, Н.А. Шебанова и др.

Использовались некоторые работы зарубежных ученых: Balkin Jack M., Benatti F., Bender S., Bergmann S., Bourke Ch., Calo R., Casey E., Castells M., Gatt L., Huth M., Ryan M., Knetsch J., Lane J., Luna F., Polito P., Ruda-Gonzalez A., Stodden V., Nissenbaum H., MacQueen H., Waelde Ch., Laurie G., Brown A., Rushkoff D., Webster F. и др.

Нормативно-правовая основа диссертации охватывает такие нормативно-правовые акты, как Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ (часть первая), Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также иные кодифицированные и некодифицированные нормативно-правовые акты, связанные с темой исследования. Использовались документы стратегического планирования (в том числе «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» и др.), а также Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)».

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена правоприменительными актами Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ряда нижестоящих судов. Кроме того, в работе были использованы правоприменительные акты, принятые Европейским судом по правам человека, а также иностранными судами (Германия, Франция). В работе присутствуют ссылки на 51 правоприменительный акт.

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту. Диссертационная работа представляет собой исследование проблем гражданско-правовой охраны частной жизни в условиях цифровизации общества, в котором впервые дано доктринальное определение частной жизни, учитывающее концепцию технологического детерминизма и существующую цифровую частную жизнь гражданина; установлены ее гражданско-правовые квалифицирующие признаки; выяснены элементы гражданско-правового режима частной жизни в условиях цифровой среды; предложены классификации сведений, относящихся к тайне частной жизни (идентификационная / тайная / коммуникационная информация; текстовая; визуальная; аудиовизуальная информация; общая / специальная информация); сформировано представление о цифровом образе гражданина и его структурных компонентах; выявлены особенности идентификационной, тайной и коммуникационной информации, содержащейся в цифровой форме; проанализированы наиболее распространенные виды посягательств на частную жизнь гражданина и его цифровой образ; дана оценка существующим гражданско-правовым способам защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации, а также предложен новый способ защиты частной жизни гражданина (компенсация нематериального вреда).

Проведенное исследование позволило сформулировать характеризующиеся научной новизной **положения, выносимые на защиту:**

1. Установлено, что концепция технологического детерминизма является социально-философским обоснованием нового подхода к формулированию правового понятия «частная жизнь», учитывающего дифференциацию частной жизни лица на «цифровую» и «нецифровую». Под частной жизнью предложено понимать нематериальное благо гражданина, направленное на удовлетворение его социально-психологической потребности в цифровом и нецифровом личном пространстве и обладающее следующими гражданско-правовыми квалифицирующими признаками: объективация преимущественно через информацию, в том числе

выраженную в цифровой форме; гражданско-правовая охрана путем установления запрета в отношении каких-либо действий с указанной выше информацией без согласия гражданина; руководящее поведение гражданина в отношении обозначенной информации, в том числе в цифровом пространстве.

2. Выяснено, что эволюция идеи о неприкосновенности частной жизни и ее гражданско-правовая нормативная регламентация прямо коррелирует с соответствующими этапами научно-технического прогресса и прошла три мировых исторических этапа нормативной регламентации частной жизни, зависящие от новых технологий: первый – этап технологий фотографирования (конец XIX в.); второй – этап цифровых технологий (середина XX в.); третий – этап аддитивных технологий (80-е гг. XX в.). Доказано, что Россия переживает второй этап становления законодательства, регламентирующего неприкосновенность частной жизни, связанный с развитием цифровых технологий; законодатель сконцентрирован преимущественно на цифровизации имущественных отношений и уделяет недостаточное внимание необходимости изменения правовых норм, регламентирующих цифровизацию личных (неимущественных) отношений, а также нематериальных благ.

3. Доказано, что элементами гражданско-правового режима частной жизни гражданина выступают юридические средства регуляции различной информации, включающей информацию ограниченного доступа, в том числе и конфиденциальную информацию. Тайна частной жизни – это совокупность относящихся к информации ограниченного доступа сведений, к которым, в частности, относятся сведения о персональных данных, об абонентах и оказываемых им услугах связи, о страхователе и застрахованном лице, состоянии их здоровья, а также имущественном положении этих лиц и др., а также тайны – усыновления, связи, исповеди, врачебная, адвокатская, нотариальная, банковская, аудиторская, налоговая и др.

4. Сведения, относящиеся к тайне частной жизни, в условиях цифровизации общества могут быть классифицированы по следующим основаниям: 1) *по содержанию*: идентификационная информация (цифровые персональные данные, хранящиеся в информационных системах, в том числе пользовательских аккаунтах; cookie-файлы; цифровое изображение гражданина; 3D-модель органов и тканей человека; и др.); тайная информация (банковская тайна, нотариальная тайна, тайна усыновления, налоговая тайна, врачебная тайна и др., хранящиеся в информационных системах); коммуникационная информация (данные геолокации; переписка в социальных сетях/мессенджерах/электронной почте и др.); 2) *по форме восприятия*: текстовая информация (логин и пароль к аккаунту; паспортные данные; ИНН, СНИЛС и др.); визуальная информация (цифровое изображение гражданина, 3D-модель органов и тканей человека и др.); аудиовизуальная информация (видеофайл и др.); 3) *по функциональному назначению*: общая (например, паспортные данные) и специальная (например, сведения, относящиеся к налоговой тайне).

5. Установлено, что цифровой образ гражданина – это нематериальное благо, полученное в результате реализации права на неприкосновенность частной жизни, включающее цифровой след и цифровую тень и состоящее из идентификационной, тайной и коммуникационной информации. Доказано, что элементами цифрового образа выступают цифровой след и цифровая тень, представляющие собой персональные данные, размещенные в информационных системах, функционирующих в сети Интернет, которые различаются по такому признаку, как волеизъявление обладателя персональных данных на размещение соответствующей информации, а также последующие операции с ней. В отличие от цифрового следа, цифровая тень представляет собой совокупность информации, идентифицирующей гражданина, но собранной информационными системами без явно выраженного согласия такого гражданина либо вопреки ему.

6. К идентификационной информации, составляющей цифровой образ гражданина, следует относить цифровые персональные данные, в том числе биометрические персональные данные, и цифровое изображение гражданина. Наиболее распространенным средством объективации цифровых персональных данных выступает пользовательский аккаунт (в социальных сетях, мессенджерах и т.д.), который представляет собой объект обязательственных правоотношений, возникающих между пользователем и администратором соответствующей информационно-коммуникационной системы и обусловленных пользовательским соглашением. Уникальность пользовательского аккаунта обусловлена невозможностью разграничения имущественных и личных (неимущественных) отношений, возникающих в связи с его использованием, что предопределяет необходимость квалификации цифровых персональных данных, объективированных в пользовательском аккаунте, в качестве нематериального блага. Ввиду возникающей в практике проблемы наследования пользовательских аккаунтов обосновывается необходимость включения пользовательского аккаунта в наследственную массу на общих основаниях в качестве исключения из правила о недопустимости передачи по наследству нематериальных благ.

7. К тайной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме и составляющей цифровой образ гражданина, следует относить сведения, подпадающие под гражданско-правовые режимы охраняемой законом информации и хранящиеся в соответствующих информационных системах, в том числе сведения, составляющие банковскую тайну и хранящиеся в онлайн-банкинге; сведения, составляющие нотариальную тайну и хранящиеся в Единой информационной системе нотариата; сведения, составляющие тайну усыновления и хранящиеся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния; сведения, составляющие налоговую тайну и хранящиеся в личном кабинете налогоплательщика – физического лица; сведения, составляющие врачебную тайну и хранящиеся

на региональных порталах медицинских услуг, а также в частных информационных системах (как правило, в форме мобильных приложений). В правоотношениях, обусловленных тайной информацией о гражданине, содержащейся в цифровой форме, участвует особый субъект – оператор информационной системы, на которого должна быть возложена реализация системы управления информационными рисками. В работе предложен новый вид тайной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме, – цифровая тайна, состоящая из сведений, обеспечивающих аутентификацию и идентификацию гражданина для получения доступа в пользовательские аккаунты информационных систем (электронная цифровая подпись, логины и пароли от аккаунтов, биометрические характеристики и т.д.). Сохранение в тайне сведений, составляющих цифровую тайну, должно быть возложено на операторов соответствующих информационных систем.

8. К коммуникационной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме и составляющей цифровой образ гражданина, относятся сведения о местоположении, которое в условиях «удвоения мира» может быть физическим и виртуальным, а также сведения, обусловленные личными сообщениями в социальных сетях, мессенджерах, электронных почтах и т.д. Можно выделить два вида геолокационных персональных данных: идентифицирующие конкретного лица и анонимные, но идентифицируемые. С учетом того что действующее законодательство предъявляет требования по защите конфиденциальности данных о местоположении только по отношению к идентифицирующей конкретного лица информации и только к начальному сборщику данных, доказана необходимость обеспечения гражданско-правовой охраны и анонимных, но идентифицируемых данных о местоположении, а также необходимость предусмотреть правовой режим геолокации в целом.

9. Выделены наиболее распространенные виды посягательств на частную жизнь гражданина в условиях цифровой среды и его цифровой образ: сбор избыточных данных; таргетированная реклама; раскрытие

персональных данных клиентов с помощью информационных систем; незаконный сбор и хранение биометрических персональных данных; незаконное использование 3D-моделей органов и тканей человека; избыточная и необоснованная коммуникация в цифровой среде; хранение общедоступной информации, составляющей цифровой след, неограниченное количество времени и др.

10. Доказано, что универсальным способом защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации должна выступать компенсация нематериального вреда, направленная на выполнение компенсационной и превентивно-воспитательной функций. В работе сделан вывод о необходимости легализации такого способа защиты, как компенсация нематериального вреда (наряду с компенсацией морального вреда), который позволяет использовать модель строгого стандарта ответственности (независимо от вины правонарушителя) и возмещать причиненный вред, независимо от факта наличия физических или нравственных страданий.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сделанные в нем научные выводы и положения в совокупности представляют собой единое комплексное учение о гражданско-правовом режиме частной жизни гражданина в условиях цифровизации общества, которое может стать составной частью российской цивилистической доктрины.

Некоторые из сделанных выводов могут дополнить такие разделы науки гражданского права, как объекты гражданских прав; нематериальные блага и их защита; правовой статус сведений, составляющих охраняемую законом тайну; правовой режим персональных данных; способы защиты гражданских прав и др.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается тем, что в нем сделаны конкретные предложения по совершенствованию действующего российского законодательства, в том числе:

– гражданское (или иное отраслевое) законодательство не нуждается в легальной дефиниции частной жизни, являющейся по своему содержанию социальным понятием, лишенным юридического содержания. Надлежащим способом раскрытия правового содержания частной жизни является введение в гражданское законодательство открытого перечня сведений, относящихся к тайне частной жизни;

– поскольку удовлетворение такой социально-психологической потребности гражданина, как потребность в личном пространстве, связано с таким нематериальным благом, как «частная жизнь», то логичнее оперировать именно этим термином при перечислении охраняемых законом нематериальных благ в рамках п. 1 ст. 150 ГК РФ взамен имеющегося – «неприкосновенность частной жизни»;

– п. 3 ст. 152.2 ГК РФ, посвященный такому способу нарушения режима тайны информации о частной жизни лица, как ее использование при создании произведений науки, литературы и искусства, оказался невостребованным судебной практикой, что предопределяет целесообразность отказа от этой нормы, признав п. 3 ст. 152.2 ГК РФ утратившим силу;

– в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ должно быть сформулировано правило и об охране сведений, относящихся к тайне частной жизни и выраженных в цифровой форме, например: «Если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации независимо от формы ее выражения о его частной жизни ...»;

– п. 1 ст. 152.2 ГК РФ нуждается в совершенствовании в части дополнения перечневого наполнения сведений, относящихся к тайне частной жизни, и может быть изложен в следующем виде: «1. Если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации независимо от формы ее выражения о его частной жизни, в частности сведений о его

персональных данных (в том числе о происхождении, о месте его пребывания или жительства; об абонентах и оказываемых им услугах связи; о страхователе и застрахованном лице, состоянии их здоровья, а также имущественном положении этих лиц); о личной и семейной жизни; сведений, составляющих охраняемую законом тайну (усыновления, связи, исповеди, а также врачебную, адвокатскую, нотариальную, банковскую, аудиторскую, налоговую и др.));

– п. 2 ст. 152.2 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Стороны обязательства не вправе разглашать ставшую им известной в связи с участием в обязательстве информацию о частной жизни гражданина, являющегося стороной или третьим лицом в данном обязательстве, если соглашением не предусмотрена возможность такого разглашения информации о сторонах и о третьих лицах»;

– изложить абз. 3 ст. 1112 ГК РФ в следующей редакции: «не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага, если иное не предусмотрено законом», а в законопроект о социальных сетях включить общие правила о пользовательских аккаунтах;

– необходимо дополнить ст. 12 ГК РФ таким способом защиты, как компенсация нематериального вреда.

Основные результаты работы могут также быть применены в учебном процессе при чтении, в частности, учебных курсов по гражданскому, семейному, договорному, банковскому, цифровому праву и использоваться в правоприменительной деятельности судов при рассмотрении споров, возникающих при защите частной жизни гражданина или информации о ней.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы опубликованы в 10 научных статьях, в том числе 5 – в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Отдельные положения диссертации были предметом обсуждения на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе:

международном научно-практическом круглом столе «Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики» (21.10.2022, г. Минск), всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Республики Марий Эл «Право и правосудие на страже общества и государства» (27–28.10.2022, г. Йошкар-Ола); XII Пермском конгрессе ученых-юристов (28–29.10.2022, г. Пермь); VII международном научно-практическом конвенте студентов и аспирантов «Преемственность и фронтиры правовой доктрины и практики в современных условиях» (25–26.11.2022, г. Казань); IX международной научно-практической конференции «Защита частных прав: проблемы теории и практики» (20–23.12.2022, г. Иркутск), международной научно-практической конференции «Безопасность личности, общества, государства в условиях геополитических и социальных трансформаций» (16.02.2023, г. Пермь), XXV всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (07–08.04.2023, г. Пермь), всероссийской научной интернет-конференции «Актуальные проблемы российского частного права» (06.02–10.04.2023, г. Омск); всероссийской научно-практической конференции «Право и бизнес в изменяющемся мире» (02–03.06.2023, г. Псков), XIII Пермском конгрессе ученых-юристов (27–28.10.2023, г. Пермь).

Структура диссертационного исследования predetermined поставленной целью и соответствующими ей задачами, ограничением исследования рамками объекта и предмета, а также избранным методологическим инструментарием и включает в себя введение, три главы, разделенные на девять параграфов, заключение и список использованных источников.

Глава 1. Теоретические основы цивилистического исследования охраны частной жизни в условиях цифровой среды

§ 1.1 Частная жизнь гражданина и концепция технологического детерминизма: философско-этические и юридические вызовы

Концепция технологического детерминизма. Цифровую трансформацию, являющуюся следствием технологической революции, справедливо квалифицируют триггером применительно к системе нематериальных благ гражданина⁵. Действительно, новая цифровая среда вступила в очевидное противоречие с нецифровым бытием личности. Описанное явление даже получило соответствующее научное наименование – феномен альтернативного бытия человека в цифровой среде⁶.

Актуализация философско-этического аспекта обсуждаемой проблематики обусловлена тем, что цифровая среда оказывает непосредственное воздействие и на систему социальных институтов, и на потребности личности, и на жизненные стратегии, что позволяет говорить о происходящей в обществе цифровой институционализации⁷. При этом ядром соответствующей философско-этической проблематики становится постановка вопроса о возможности адаптации личности к постоянно меняющимся обстоятельствам, обусловленным в том числе цифровизацией. В интерпретации Э. Тоффлера это социальное состояние получило метафорическое обозначение – «шок от будущего»⁸. В развитие этой идеи D. Rushkoff замечает, что цифровизация общества приводит к тотальной

---

⁵ Богданов Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 678.

⁶ Очеретяный К.А. Бытие в цифре: модусы цифрового существования // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 299–302.

⁷ См. об этом: Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 155–161.

⁸ См. об этом: Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

информатизации публичного и частного пространства, что в свою очередь способствует утрате личностью своей истинной сущности, обесцениванию нецифрового бытия⁹.

Научным ответом на научно-технический прогресс стала концепция технологического детерминизма, иначе именуемая концепцией автономной технологии. Выясняя причины ее популярности, В.М. Рогозин справедливо отметил, что сторонники инженерной идеологии исходят из того, что выяснение законов технологической эволюции позволит найти эффективные способы воздействия на технологии¹⁰. В самом общем виде под технологией понимается систематизированное применение научных знаний для решения разнообразных прикладных задач¹¹. В отличие от технологии, техника понимается как своеобразный артефакт, сопутствующий применению соответствующей технологии. При этом концепция технологического детерминизма исходит из представления о неотделимости техники от технологии. Уязвимость данной концепции заключается в игнорировании всеобщей связи явлений, естественных законов природы; ошибочном представлении о превосходстве человека над природой; удвоении мира на основе метафизического философского концепта, отрицающего изменчивость и взаимную обусловленность всего.

Изучению технологического детерминизма посвящено исследование С.Г. Бариновой. В своей работе она предлагает весьма удачное определение технологического детерминизма как «современную западную социально-философскую концепцию, согласно которой технические средства производства (машины, механизмы, компьютеры, роботы и т.д.), а также научно обоснованные технологические знания представляют собой решающий фактор, однозначно определяющий все стороны общественной

---

⁹ См. об этом: *Rushkoff D. Present Shock: When Everything Happens Now.* Penguin, 2013. 296 p.

¹⁰ *Розин В.М. Философия техники.* М.: NOTA BENE, 2001. С. 14–15.

¹¹ См., например: *Гэлбрэйт Дж. К. Новое индустриальное общество.* М.: Прогресс, 1969. С. 180; *Шевченко В.Н. Социально-философский анализ развития общества.* М.: Знание, 1984. С. 123; *Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология.* М.: Прогресс, 1976. С. 203.

жизни, характер и направление социального развития»¹². Исследуемая социально-философская концепция имеет два противоположных научных направления: технологический эвдемонизм и технологический алармизм. Согласно первому направлению научно-технический прогресс рассматривается как фактор, снимающий социальные противоречия в обществе. Второе же направление, напротив, исходит из негативной оценки научно-технического прогресса, усиливающего социально-экономические противоречия и сопутствующие им негативные явления.

Исследовательский потенциал концепции технологического детерминизма для изучения частной жизни гражданина в условиях цифровой среды может быть выражен следующим образом:

– исходная установка технологического детерминизма, обосновывающая необходимость удвоения мира, предопределяет новое представление о сущности частной жизни лица: наряду с его нецифровым бытием, подчиняющимся законам материалистической диалектики, появляется цифровое бытие, основанное на метафизическом концепте;

– нецифровая частная жизнь гражданина в некотором смысле объективна в отличие от цифровой частной жизни, которая согласно концепции технологического детерминизма, полностью управляема и в этом смысле субъективна;

– в отличие от нецифровой частной жизни гражданина, его цифровая частная жизнь утилитарна: концепция технологического детерминизма обосновывает причину изобретения законов технологий с целью покорения природы и общества для достижения «потребительских» результатов.

Терминология, употребляемая в «цифровом» смысловом ключе, не отличается определённой и однозначностью: наряду с общеизвестным и

---

¹² *Барينو* С.Г. Технологический детерминизм и технологический тип детерминации // Вестник КрасГАУ. 2010. № 9. С. 195.

употребляемым в нормативно-правовых актах термином «цифровизация» в научной литературе используется понятие «диджитализация», что в сущности можно толковать в синонимичном смысловом значении. Употребляя термин «диджитализация», ученые справедливо замечают, что одним из последствий этого явления для частной жизни гражданина становится утрата ее приватности¹³. Этико-правовой вызов концепции технологического детерминизма может быть сформулирован следующим образом: может ли цифровая жизнь гражданина претендовать на статус частной? В зарубежной и отечественной научной литературе обращается внимание на проблему обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифрового общества: отмечается, что с усложнением общественных отношений, в том числе с их тотальной цифровизацией, гражданину становится сложнее сохранять в тайне сведения, относящиеся к его частной жизни, в том числе персональные данные¹⁴.

С развитием технологического детерминизма все большую популярность получает концепция уязвимости человека в условиях новой цифровой среды. Современное общество, нередко именуемое информационным¹⁵, сетевым¹⁶ или цифровым, стоит на пороге новых вызовов и угроз, одной из которых выступает цифровая уязвимость личности. Стоит отметить, что изучение исследуемой проблематики –

---

¹³ Богданов Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ. С. 678.

¹⁴ См. об этом: Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Определение модели ответственности за вред, причиненный использованием технологий искусственного интеллекта в российском и зарубежном праве // Образование и право. 2023. № 6. С. 217–224; Богданов Д.Е. Влияние аддитивных технологий на определение модели деликтной ответственности оператора онлайн-платформы // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 7 (164). С. 76–85; Di Ciommo F. Privacy in Europe After Regulation (EU) N 2016/679: What Will Remain of the Right to Be Forgotten? // The Italian Law Journal. 2017. Vol. 3. № 2. Pp. 623–646; Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H. Privacy, Big Data and the Public Good: Frameworks for Engagement. Cambridge University Press, 2014. 344 p. и др.

¹⁵ См., например: Webster F. Theories of the Information Society. Psychology Press, 2002. 304 p.

¹⁶ Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Wiley, 2010. 597 p.

концепции уязвимости личности – характерно для зарубежной научной мысли¹⁷, хотя на этот счет имеются и отдельные отечественные разработки¹⁸.

На современной международной политической арене заметно стремление развитых стран к получению негласного статуса лидера в обеспечении неприкосновенности частной жизни. Так, именно в таком смысловом ключе разработан и принят Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза¹⁹. Однако указанный нормативный акт не является прямым доказательством обеспечения конфиденциальности сведений, касающихся частной жизни лица. Поэтому концепция уязвимости личности в условиях цифровой среды сохраняет свою безусловную актуальность.

Заметим, что в научной литературе можно встретить тезис о том, что правовая регламентация неприкосновенности частной жизни представляет собой не что иное, как прямое доказательство уязвимости каждой личности относительно сведений о его частной жизни, в том числе персональных данных²⁰. В условиях цифровой среды состояние уязвимости личности показывает тенденцию к росту: возникает своеобразный конфликт хранителей соответствующей информации и их носителей. В зарубежной научной литературе таких хранителей предлагают именовать информационными фидуциариями, подчеркивая доверительный характер связи, возникающей при раскрытии тайной информации о частной жизни

---

¹⁷ См., например: *Gatt L.* Preface. The contradictions of the privacy law // *European Journal of Privacy Law & Technologies*. Special issue. 2020. Pp. VII–X; *Luna F.* Elucidating the Concept of Vulnerability: Layers Not Labels // *International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*. 2009. Vol. 2 (1). Pp. 121–139.

¹⁸ См., например: *Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // *Российское право: образование, практика, наука*. 2017. №4 (100). С. 7–12.

¹⁹ *О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных...*

²⁰ См., например: *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Правовые аспекты обработки персональных данных в сфере транспортного обеспечения физических лиц // *Бизнес, менеджмент и право*. 2019. № 2. С. 45–49; *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Обеспечение безопасности персональных данных, получаемых субъектом предпринимательской деятельности // *Правовое обеспечение модернизации экономики и бизнеса в условиях цифровизации: монография*. М.: Проспект, 2023. С. 111–116; *Calo R.* Privacy, Vulnerability, and Affordance // *DePaul Law Review*. 2017. Vol. 66. Pp. 591–604; *Malgieri G. & Niklas J.* Vulnerable data subjects // *Computer Law & Security Review*. 2020. Vol. 37. 105415.

лица (например, о его состоянии здоровья)²¹, усиливается состояние информационной небезопасности²². Таким образом, можно резюмировать, что в условиях цифровой трансформации происходит актуализация уязвимости личности и информационной безопасности.

Доктринальные определения правового понятия частной жизни.

Несмотря на значительное число научных разработок, посвященных понятию частной жизни гражданина, в основе предлагаемых авторами дефиниций частной жизни лежат схожие методологические приемы, что обуславливает возможность дифференциации соответствующих научных подходов.

Представители *первого* подхода, определяя частную жизнь, предлагают перечень ее признаков выявлять преимущественно через сферы жизнедеятельности, которые относятся к частной жизни. К примеру, М.В. Баглай, не называя эти сферы жизнедеятельности, замечает, что к частной жизни относятся «те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других»²³.

По мнению И.Л. Петрухина, частная жизнь сама по себе является отдельной сферой, которая включает в себя и семейную жизнь, и родственные и дружеские связи, и домашний уклад, и другие личные отношения (в том числе домашний уклад, интимные отношения, привязанности, образ мыслей, увлечения, творчество)²⁴. В этом определении сделан акцент на таких уникальных составляющих частной жизни, как домашний уклад, образ мыслей, творчество. Однако вместе с тем при анализе указанного определения становится очевидно, что сфера частной жизни в некотором роде необъятна, поэтому все составляющие ее компоненты не могут уместиться в рамках одного доктринального определения.

---

²¹ См. об этом: *Balkin Jack M.* Information Fiduciaries and the First Amendment (February 3, 2016) // *UC Davis Law Review*. 2016. Vol. 49, № 4. Yale Law School, Public Law Research Paper №. 553.

²² *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Общие положения информационной безопасности: понятие, категории доступа, содержание и сфера применения // *Правовое обеспечение модернизации экономики и бизнеса в условиях цифровизации: монография*. М.: Проспект, 2023. С. 97–103.

²³ *Баглай М.В.* Конституционное право РФ. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 181.

²⁴ *Петрухин И.Л.* Личные тайны (человек и власть). М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. С. 11.

В аналогичном ключе в свое время высказался Европейский суд по правам человека, который подчеркнул, что в понятие частной жизни могут быть включены такие составляющие, как половая идентификация, пол, сексуальная ориентация, половая жизнь. Однако все перечисленное – это лишь отдельные элементы частной жизни, которыми она, разумеется, не исчерпывается²⁵. Кроме того, как верно подметил С.В. Баринов, элементный состав частной жизни крайне нестабилен, поскольку детерминирован общественно-политическим строем, уровнем развития правовых знаний и иными причинами²⁶.

Еще одним сторонником первого методологического подхода, анализируемого нами, является И.А. Шевченко, в интерпретации которого частная жизнь раскрыта через такой родовой признак, как «свобода правомерного поведения и мысли». При этом отмечено, что такая свобода связана с определёнными сферами жизнедеятельности человека, а именно: интимной, личной, семейной, деловой, – и дополнено, что частная жизнь – это не только названная свобода в указанных сферах жизнедеятельности, но и информация об этих сферах²⁷. Недостатком такого определения видится характеристика неизвестного через неизвестное: так, обращение к «личной» сфере жизнедеятельности не позволяет понять определяемое понятие, поскольку ставит вопрос о том, что такое «личная жизнь», особенно с учетом известного тождества этих сфер жизнедеятельности (частной и личной) в советский период развития российского законодательства и доктрины. Сказанное актуально и для таких терминов, как «интимная жизнь», «семейная жизнь», «деловая жизнь».

---

²⁵ *Микеле де Сальвия*. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 537.

²⁶ *Баринов С.В.* К вопросу об определении понятия «частная жизнь» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 28–30.

²⁷ *Шевченко И.А.* Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 8.

В исследовании, проведённом Н.П. Лепешкиной, привлекает выяснение социальной сущности частной жизни. В итоге размышлений указанный автор приходит к выводу о наличии у частной жизни таких составляющих, как «внутренняя духовная сфера, сфера межличностного общения и связей, сфера поведения и имущественная сфера»²⁸. Проблема этого и многих других определений частной жизни заключается в том, что как термин «частная жизнь», так и понятие «сферы жизнедеятельности» отличаются сугубо социальным происхождением, относятся к разработкам не правовых, а социальных наук. Однако присутствие в законодательстве термина «частная жизнь» требует формулирования такого понятия, которое, с одной стороны, отражало бы сущность исследуемого явления, а с другой – не выходило за рамки, в которых присутствует гарантия неприкосновенности. Иными словами, все то, что нейтрально для права в отношении содержания частной жизни, не должно попадать в его определение, функциональное предназначение которого – обеспечивать правовую определенность.

Под частной жизнью С.П. Гришаев предлагает понимать вообще все сферы жизни человека, которые, по мнению индивида, не должны быть преданы огласке. С.П. Гришаев называет эти сферы, оставляя при этом их перечень открытым: семейная, бытовая, сфера общения, отношения к религии, увлечения, отдых и др.²⁹. Следуя этой логике, любая сфера жизнедеятельности человека является составной частью его личной жизни. Перечисление сфер жизнедеятельности, которые, по мнению того или иного исследователя, относятся к частной жизни, происходит случайно, без опоры на социальные исследования сфер жизнедеятельности. В итоге стираются границы этого и так неюридического понятия – «сфера жизнедеятельности».

---

²⁸ Лепешкина Н.П. Неприкосновенность частной жизни, что это? // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 37–39.

²⁹ Гришаев С.П. Право на неприкосновенность частной жизни. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2012.

Все это не способствует внесению ясности в изучение научного правового понятия «частная жизнь».

Заметим, что распространённость перечневого определения частной жизни, предполагающего перечисление сфер жизнедеятельности, обусловлена историко-политическими особенностями, а именно принятием широко известного Определения КС РФ № 248-О по жалобе супругов на нарушение их конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Суть возникшего юридического конфликта заключалась в следующем: супруг был осужден к пожизненному заключению, по причине которого находился под стражей. Супруга, брак с которой был заключен в момент нахождения супруга в местах лишения свободы, ходатайствовала к администрации соответствующего места лишения свободы о предоставлении им длительного свидания с целью зачатия ребенка. Однако с учетом нахождения её супруга в исправительной колонии особого режима в строгих условиях и на основании соответствующих норм УИК РФ заявителям было отказано. Такой отказ был расценен как посягательство на частную жизнь. Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, КС РФ заметил, что такое наказание, как ограничение свободы, предполагает существенное изменение привычного образа жизни, возникновение морально-психологических последствий в отношении человека, заключенного под стражу. Однако подобные меры являются реакцией государства на противоправное поведение соответствующего лица и принимаются в интересах всего общества и его членов. Благодаря специальным условиям, в которых находится осужденный и которые, безусловно, предполагают ограничение его прав, происходит достижение целей наказания, перечисленных в УК РФ. При этом КС РФ дополнительно ссылается на решение Европейского суда по правам человека, в котором, в частности, отмечается, что любое заключение под стражу неотъемлемо сопряжено с ограничением личной и семейной жизни

осужденного³⁰. В анализируемом Определении КС РФ фактически даны определения и частной жизни, и права на частную жизнь. Так, под правом на неприкосновенность частной жизни КС РФ предложил понимать две взаимосвязанные возможности: 1) контролировать информацию о самом себе, 2) препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. При этом отмечено, что указанные возможности предоставлены человеку и гарантированы государством. Вслед за определением права на неприкосновенность частной жизни КС РФ отдельно поясняет, что входит в содержание самой частной жизни. Родовой признак частной жизни определён как область жизнедеятельности, а среди видовых названы следующие: связь с отдельным человеком и только с ним; неподконтрольность со стороны общества и публичной власти, если человек находится в рамках правопорядка. В своем Определении КС РФ обращает внимание и на трактовку частной жизни, находящей отражение в постановлениях Европейского суда по правам человека. Вероятно, такой акцент предопределён тем, что ЕСПЧ подходит к решению вопроса о содержании частной жизни с несколько иных позиций: исключительно через призму защиты лица от публично-властного вмешательства³¹. Из этого следует, что КС РФ подходит к содержанию понятия «частная жизнь» с более широких позиций, чем ЕСПЧ.

Второй подход к определению частной жизни главным образом предполагает перечисление тех сфер жизнедеятельности человека, которые, напротив, не относятся к частной жизни гражданина. В качестве примера использования такого методологического приема приведем определение частной жизни, предложенное Ю.Е. Сысоевым, который выделяет такой

---

³⁰ См.: *Постановления ЕСПЧ*: от 27 апреля 1988 года «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» ("Boyle et Rice v. United Kingdom"); от 11 июля 2000 года «Дикме против Турции» ("Dikme v. Turkey"); от 28 сентября 2000 года «Мессина против Италии» ("Messina v. Italy"). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ *Постановление ЕСПЧ* от 28 мая 1985 года «Абдулазис, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» ("Abdulaziz, Cabales et Balkandali v. United Kingdom"). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

родовой признак этого понятия, как «обстоятельства жизни человека», а далее перечисляет те сферы жизнедеятельности, которые не относятся к частной, – служебная, трудовая, общественная и политическая³². В этом определении смущает как родовой признак, так и перечисленные сферы, не относящиеся к частной жизни. Так, термин «обстоятельства» понимается как «условия», что способствует слишком широкой трактовке частной жизни. Что касается сфер жизнедеятельности, то здесь возникает следующая проблема: неясно, существует ли какой-то общепринятый перечень таких сфер (как личных, так и, напротив, неличных); стоит ли в определении частной жизни предлагать закрытый перечень таких сфер. К группе ученых, использующих рассматриваемый методологический прием, относится и Г.Б. Романовский, который предпринял попытку формулирования именно правового понятия частной жизни, на что он сам указывает. При этом автор считает, что частная жизнь – это все сферы жизнедеятельности, за исключением профессиональных и общественных³³.

Наконец, *третий подход* доктринального определения частной жизни заключается в установлении ее родового и видовых признаков без непосредственной привязки к сферам жизнедеятельности. Именно этот доктринальный подход видится нам наиболее перспективным, поскольку позволяет по-научному взглянуть на изучаемый объект. К примеру, Б.Н. Кадников раскрывает частную жизнь через естественные и приобретённые в процессе сознательной жизни права и свободы, а также через конфиденциальные сведения, которые неприкосновенны в силу закона³⁴. Анализируя это определение, мы обнаружили следующую методологическую неточность, имеющую принципиальное значение для познания частной жизни: феномен частной жизни находится в увязке с

---

³² Сысоев Ю.Е. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

³³ Романовский Г.Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 10.

³⁴ Кадников Б.Н. К вопросу о понятии частной жизни человека // Международное публичное и частное право. 2007. № 1. С. 67–69.

такими понятиями, как «право на частную жизнь», «право на неприкосновенность частной жизни», «неприкосновенность частной жизни». Очевидно, что перечисленные термины находятся в одном понятийном ряду, что, однако, не свидетельствует об их тождественности.

При определении частной жизни важно исходить из того, что она по своему родовому признаку является нематериальным благом и сама по себе не может быть квалифицирована в качестве субъективного гражданского (либо иного отраслевого, например конституционного) права. Так, определяя частную жизнь через указанный выше родовой признак – нематериальное благо, Г.Б. Романовский отмечает, что это благо, принадлежащее гражданину от рождения, заключается в таких сторонах «его внутренней жизни и сферах общения, которые сознательно им сохраняются в тайне от иных субъектов и подлежат безусловной защите»³⁵. Ученый также обращает внимание на пределы осуществления права на частную жизнь, в качестве которых обозначаются существо самого нематериального блага (частной жизни) и права и свободы других лиц³⁶.

П.Н. Макеев при формулировании понятия частной жизни исходит из ее трех родовых признаков, которые, по его мнению, одновременно присутствуют: 1) естественные и приобретенные по закону права и свободы; 2) сведения; 3) тайны³⁷. В таком подходе привлекает акцент на главных элементах правового режима частной жизни: правах и свободах, гарантированных Конституцией РФ; сведениях о частной жизни, поскольку гарантированная неприкосновенность устремлена именно на них; тайнах, поскольку суть гражданско-правовой охраны частной жизни сводится к режиму неприкосновенности сведений, относящихся к тайне частной жизни.

Таким образом, поддерживая сторонников третьего методологического подхода к формулированию понятия частной жизни, мы вынуждены

---

³⁵ Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ-Пресс, 2001. С. 80.

³⁶ Там же.

³⁷ Макеев П.Н. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7–8.

констатировать, что ни одно из проанализированных доктринальных определений частной жизни не может быть признано актуальным, поскольку не учитывает концепцию технологического детерминизма и обусловленную ею объективно существующую цифровую частную жизнь гражданина. Представляется, что без специального внимания к этому аспекту понимание частной жизни выглядит неполноценным, поскольку не учитывает объективные обстоятельства эволюционирования частной жизни. Если частную жизнь гражданина условно разделить на традиционную (нецифровую) и цифровую, то следует констатировать, что с усилением цифровизации, объективно ожидаемой в ближайшем будущем, значение цифровой частной жизни будет неуклонно возрастать. Думается, что с усилением уязвимости личности в условиях цифровой среды цифровая часть жизни гражданина будет требовать все большего внимания со стороны законодателя.

Легализация дефиниции частной жизни. Несмотря на разность в методологических приемах, избранных для характеристики частной жизни, большинство ее исследователей сходятся во мнении о необходимости закрепления в законодательстве легальной дефиниции этого понятия³⁸. Несмотря на то что «потребность в личной жизни лежит за пределами права, но последнее выражает, закрепляет эту потребность и обеспечивает ее удовлетворение»³⁹, формулирование легальной дефиниции частной жизни представляется крайне затруднительным. По этому поводу В.А. Новиков, заметивший, что режим неприкосновенности частной жизни предполагает «состояние правовой защищенности», пишет: «дать юридически точное определение "частной жизни" сложнее, так как это очень емкое понятие, которое охватывает все стороны жизни человека, за исключением его публичной деятельности на работе, службе, в общественных

---

³⁸ См., например: *Новиков В.* Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // *Уголовное право.* 2011. № 1. С. 49; *Баринов С.В.* К вопросу об определении понятия «частная жизнь».

³⁹ *Петрухин И.Л.* Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юрид. лит., 1989. С. 7.

организациях»⁴⁰. Проблема этого и подобных определений частной жизни, которые сконцентрированы на отграничении неких личных сфер жизнедеятельности от служебно-трудовых, заключается в том, что проведение подобного разграничения в некотором смысле сложно реализуемо. Думается, что вывод о том, что, находясь дома, человек реализует свою «личную» жизнь, а находясь на работе, является частью публичного пространства, не абсолютен. К примеру, некоторые ученые относят к частной жизни и образ мыслей⁴¹. В этом смысле можно заключить, что, попадая в публичное пространство, частная жизнь человека не заканчивается. Поэтому провести грань между частной и публичной жизнью человека можно только условно.

С.В. Баринов справедливо отмечает, что не стоит ожидать появления в ближайшее время ни легальной дефиниции частной жизни, ни уж тем более отдельного нормативно-правового акта, посвященного ей, ни даже Постановления Пленума ВС РФ ввиду ограниченности правоприменительного потенциала соответствующих норм и скудной судебной практики.

Понятие «частная жизнь» является собирательным, «рамочным»: оно призвано объединять многочисленные проявления человеческого бытия, сведения о которых гражданин вправе сохранять в тайне, препятствуя их распространению любым законным способом. Многогранность частной жизни предопределяет наполнение этого понятия весьма разнообразными элементами. При этом очевидно, что частная жизнь чрезвычайно индивидуальна: каждый человек вкладывает в это понятие разные составляющие ввиду уникальности его собственной жизни.

Как справедливо отмечается в научной литературе, «поскольку границы сферы частной жизни не поддаются точной формализации, диапазон

---

⁴⁰ Новиков В.А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.

⁴¹ Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). С. 11.

действия нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, можно определить лишь применительно к конкретной ситуации, что и должны делать органы правосудия»⁴². Сказанное, однако, не умаляет необходимости специальных научных разработок, посвященных поиску родового и видовых квалифицирующих признаков частной жизни.

Гражданско-правовые родовидовые признаки «частной жизни».

Прежде всего, стоит заметить, что родовым признаком частной жизни является нематериальное благо. Такая законодательная квалификация частной жизни требует обращения внимания на понятие «нематериальные блага». В основе этого понятия находится категория «блага», имеющая философско-этическую этимологию. Базовые философские суждения относительно этой категории тезисно могут быть выражены следующим образом: 1) блага являются таковыми только в силу того, что удовлетворяют те или иные потребности человека⁴³; 2) разнообразие благ прямо коррелирует с разнообразием потребностей личности; 3) все многообразие благ принято подразделять на материальные, духовные и нравственные; 4) на достижение благ направлен целеустремлённый вектор человеческой жизнедеятельности⁴⁴, поскольку блага ассоциируются с «ощущением удовольствия»⁴⁵. По замечанию Н.А. Темниковой, термин «благо» представляет собой социальную характеристику объекта, имеющего пользу для человека⁴⁶.

На протяжении длительного времени термин «нематериальные блага» находился в центре внимания ученых-цивилистов: предпринимались многочисленные попытки сформулировать универсальное понятие

---

⁴² Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П., Экиштайн К.А. Права и свободы человека и гражданина. М.: Эком, 2000. С. 119.

⁴³ См. об этом: Менгер А. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 119; Селиванов Ф.А. Благо. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. С. 4.

⁴⁴ См. об этом: Иванов Е.А. Социальная философия для юристов. Очерк истории: учеб. пособие для студ. юрид. вузов и ф-тов. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 43.

⁴⁵ Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Избранные произведения. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. С. 135–136.

⁴⁶ Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка в семейном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 41.

нематериальных благ и выявить их родовидовые признаки. К примеру, И.А. Покровский, называл нематериальные блага «элементарными благами», отмечая их естественное происхождение и абсолютную защиту⁴⁷. При определении понятия «нематериальные блага», М.Н. Малеина сделала акцент на их особой функциональной роли – выступать объектом субъективного личного неимущественного права⁴⁸, а Т.В. Трофимова – объектом гражданских прав⁴⁹. Ряд ученых связывают нематериальные блага с ценностями, носящими неимущественный характер и присущими личности⁵⁰. Несколько иной подход предложен В.С. Толстым, по мнению которого нематериальные блага связаны с материальной возможностью выбирать определенный круг решений, руководствуясь автономией⁵¹. Интересным видится родовой признак нематериальных благ, предложенный Н.А. Темниковой, – условия существования индивида, его физиологической и социальной жизнедеятельности⁵². Аналогичный взгляд отражен в работах А.Б. Арзуманян: под нематериальными благами ученая понимает «идеальные и материальные составляющие существования человека»⁵³. Применительно к такому нематериальному благу, как частная жизнь гражданина, интересна научная позиция Д.В. Сараева, квалифицировавшего нематериальные блага в качестве «общественно полезных свойств субъекта права»,

---

⁴⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права М.: Статут, 1998. (серия «Классика российской цивилистики»). С. 121.

⁴⁸ Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.

⁴⁹ Трофимова Т.В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 6.

⁵⁰ См. об этом: Палькина Т.Н. Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10; Ермолова О.Н. Нематериальные блага и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 5.

⁵¹ Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. М.: Изд-во Акад. повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 216 с.

⁵² Темникова Н.А. О понятии «нематериальное благо» в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С. 82–86.

⁵³ Арзуманян А.Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 8.

индивидуализирующих его и защищающих от внешнего воздействия⁵⁴. Очевидно, что охрана частной жизни предназначена в том числе для защиты субъекта от внешнего воздействия. Формулируя доктринальное определение нематериальных благ, Р.П. Тимешов сделал акцент на том, что эти блага тесно связаны с состояниями (жизнь, здоровье) человека⁵⁵.

К числу признаков нематериальных благ принято относить: неэкономическое содержание, неразрывность с личностью⁵⁶, отсутствие формы объективации, недопустимость включения в имущественный оборот. У нематериальных благ, находящихся в поле зрения законодателя, есть еще один признак – нормативное признание. По этому поводу Л.А. Чеговадзе писала, что только субъект правовых отношений является носителем правовых нематериальных благ⁵⁷.

Перечень нормативно признанных и, как следствие, охраняемых нематериальных благ зафиксирован в ст. 150 ГК РФ. Однако этот перечень является открытым, что предопределяет допустимость отнесения к разряду нематериальных благ и тех благ, которые не поименованы в законе. Заметим, что указание частной жизни в системе нематериальных благ в рамках ст. 150 ГК РФ, а также специальное законодательное внимание к охране частной жизни в рамках ст. 152.2 ГК РФ свидетельствуют о том, что законодатель признает значимость этого нематериального блага для общества и, как следствие, важность его правового регулирования. Как отмечал О.С. Иоффе, правовая регламентация того или иного общественного отношения, введение его в правовые рамки объясняется ценностью этого отношения для государства⁵⁸.

---

⁵⁴ Сараев Д.В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. 2002. № 7. С. 3–6.

⁵⁵ Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 36–37.

⁵⁶ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 9.

⁵⁷ Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. С. 230.

⁵⁸ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2003. С. 525–527.

Таким образом, подытоживая доктринальный анализ категории «нематериальные блага», следует сделать ряд выводов. Во-первых, наиболее отражающим сущность нематериальных благ является такой их родовой признак, как «ценности». Так, частная жизнь гражданина является безусловной ценностью современного общества, что детерминирует объективную потребность в правовой регуляции этой ценности. Во-вторых, всем без исключения нематериальным благам свойственна такая общая функция, как удовлетворение потребностей. В этом смысле частная жизнь гражданина удовлетворяет его социально-психологическую потребность в личном пространстве. Уникальность этого нематериального блага заключается в том, что оно связано одновременно с социальными и духовными потребностями человека.

Начиная поиск видовых квалифицирующих признаков частной жизни, стоит согласиться с А.Н. Красиковым, который отметил, что частная жизнь составляет большую часть всей жизни человека⁵⁹. Это обстоятельство объясняет сложность формулирования ее универсального определения.

В ходе выявления гражданско-правовых квалифицирующих признаков частной жизни важно сделать ряд исходных методологических замечаний: во-первых, нами поставлена задача поиска только квалифицирующих признаков, то есть таких, которые отражают сущностные свойства частной жизни; во-вторых, с учетом тематики настоящей работы нас принципиально интересуют только отраслевые гражданско-правовые признаки частной жизни, несмотря на наличие его многочисленных межотраслевых связей; в-третьих, видовые признаки имманентно связаны с родовым признаком и в некотором роде зависят от него, что предполагает постоянный учет того факта, что частная жизнь – это нематериальное благо.

Статус конституционных основ у положений, регламентирующих частную жизнь, безусловно, способствует конституционно-правовой

---

⁵⁹ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. С. 153.

квалификации частной жизни. Однако наличие соответствующих нормативных предписаний о частной жизни гражданина в нормах гражданского законодательства позволило окончательно убедиться в гражданско-правовой отраслевой принадлежности частной жизни. Именно с появлением специального законодательства М.Н. Малеина связывает гражданско-правовой статус частной жизни физического лица⁶⁰. Вслед за ней В.В. Алейникова заключает, что вопрос о гражданско-правовой природе частной жизни «ни у кого не вызывает сомнений»⁶¹. По её мнению, дискуссионными остаются вопросы содержательного и классификационного характера.

Подчеркнем, что гражданско-правовые квалифицирующие признаки частной жизни остаются малоизученными. В научных исследованиях, посвященных частной жизни⁶², словосочетание «квалифицирующие признаки» используется только применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ – «Нарушение неприкосновенности частной жизни»⁶³. Кстати, исключением из этого общего правила является ряд исследований, в том числе совместная работа Е.М. Тужиловой-Орданской и Е.В. Ахтямовой, в которой авторы обращают внимание на квалифицирующие признаки информации о частной жизни лица⁶⁴. Так, по мнению названных авторов главным квалифицирующим признаком информации о частной жизни лица выступает недопустимость каких-либо операций с ней помимо воли такого лица.

---

⁶⁰ Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. С. 10.

⁶¹ Алейникова В.В. Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты // Закон. 2019. № 7. С. 184.

⁶² См., например: Баринов С.В. Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15–19; Новиков В.А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны и др.

⁶³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2023)

⁶⁴ Тужилова-Орданская Е.М., Ахтямова Е.В. Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 263–284.

На наш взгляд, гражданско-правовые квалифицирующие признаки частной жизни следует вычленять из регламентации охраны частной жизни, которая находит свое воплощение в соответствующих нормах гражданского законодательства. Так, частная жизнь позиционируется как самостоятельное нематериальное благо, поименованное в п. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁶⁵. Очень важно отметить юридико-технические особенности изложения исследуемых норм права: во-первых, перечисляя в п. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага, законодатель употребляет словосочетание «неприкосновенность частной жизни», а не частную жизнь как таковую; во-вторых, специальная статья ГК РФ (ст. 150.2), посвященная частной жизни и текстуально расположенная в главе, посвященной нематериальным благам, именуется «Охрана частной жизни гражданина».

Если мы обратимся к толкованию норм ст. 152.2 ГК РФ, то обнаружим, что практически все пункты этой статьи посвящены не частной жизни как таковой, а информации о ней. Действительно, неприкосновенность частной жизни предполагает, прежде всего, неприкосновенность информации о ней. Стало быть, правовая охрана частной жизни во многом складывается из тех юридических средств, которые направлены на регулирование многочисленной и весьма разнообразной информации о ней. Кроме того, в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ сформулирован общий принцип недопустимости сбора, хранения, распространения и использования любой информации о частной жизни гражданина (без его согласия).

Из проанализированных норм права обнаруживаются гражданско-правовые квалифицирующие признаки частной жизни: первый – ее объективация через информацию; второй – ее гражданско-правовая охрана путем установления запрета в отношении каких-либо действий с указанной

---

⁶⁵ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.12.2022 г.)*

выше информацией; третий – руководящее поведение гражданина в отношении обозначенной информации.

Резюмируем вышеизложенное.

Установлено, что концепция технологического детерминизма является социально-философским обоснованием нового подхода к формулированию правового понятия частной жизни, учитывающего дифференциацию частной жизни лица на цифровую и нецифровую.

С учетом обозначенного обстоятельства под частной жизнью предложено понимать нематериальное благо гражданина, направленное на удовлетворение его социально-психологической потребности в цифровом и нецифровом личном пространстве и обладающее следующими гражданско-правовыми квалифицирующими признаками: объективация через информацию, в том числе выраженную в цифровой форме; гражданско-правовая охрана путем установления запрета в отношении каких-либо действий с указанной выше информацией; руководящее поведение гражданина в отношении обозначенной информации, в том числе в цифровом пространстве.

Гражданское (или иное отраслевое) законодательство не нуждается в легальной дефиниции частной жизни, являющейся по своему содержанию социальным понятием, лишенным юридического содержания. Надлежащим способом раскрытия правового содержания частной жизни является введение в гражданское законодательство открытого перечня сведений, относящихся к тайне частной жизни. Поскольку удовлетворение такой социально-психологической потребности гражданина, как потребность в личном пространстве, связано с таким нематериальным благом, как частная жизнь, то логичнее оперировать именно этим термином при перечислении охраняемых законом нематериальных благ в рамках п. 1 ст. 150 ГК РФ взамен имеющегося – «неприкосновенность частной жизни».

§ 1.2 Эволюция идеи о неприкосновенности частной жизни и ее нормативная регламентация в условиях цифровой трансформации

Исторические предпосылки нормативной регламентации личного (неимущественного) права на неприкосновенность частной жизни. Историческое развитие государства и права всегда было сопряжено с эволюцией представлений о правовом статусе личности. Не вызывает сомнений имманентная связь типа социально-экономической организации общества, ступени его общецивилизационного развития и нормативной регламентации личных (неимущественных) прав и нематериальных благ личности⁶⁶. Очевидно, что в условиях родоплеменной организации общества потребность в частной жизни лица и ее защите уступала место потребности в обеспечении выживания, что считалось достоянием общины. В Средние века развитие естественных прав личности, в том числе и права на неприкосновенность частной жизни, было уделом лиц, обладающих финансовой и политической независимостью, и не получило сколько-нибудь широкого развития⁶⁷. В научной литературе справедливо отмечается прямая связь между развитием частной собственности и становлением права на неприкосновенность частной жизни⁶⁸. С учетом исторических особенностей отечественного государства и права, в том числе длительного периода монархической формы правления, затянувшегося крепостничества, а также значительного влияния церкви и характерных для нее ценностей, о полноценном нормативном признании личных (неимущественных) прав и свобод личности в дореволюционный период развития российской государственности рассуждать не приходится⁶⁹.

---

⁶⁶ См. об этом: *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 107.

⁶⁷ См. об этом подробнее: *Жеребкин В.П.* Уголовно-правовая охрана частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 26.

⁶⁸ См. об этом: *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы* / под. общ. ред. Е.А. Лукашевой. М.: Норма, 2002. С. 5.

⁶⁹ См. об этом: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / сост. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. С. 330.

Первое отечественное законодательное упоминание частной жизни принято связывать с Декларацией прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.⁷⁰. Вслед за нормативно-правовыми актами СССР в советской юридической науке термин «частная жизнь» употреблялся крайне редко. Вместо него использовалось тождественное по смыслу понятие «личная жизнь», что предопределяет важность учета советских научных разработок, посвящённых этому феномену⁷¹. Добавим, что политико-правовой режим, избранный советской властью, предполагал отказ от всего частного, непопулярность самой идеи неприкосновенности частной жизни⁷² и, как следствие, отказ от соответствующих доктринальных наработок дореволюционного периода развития отечественной научной мысли⁷³.

П.Н. Макеев справедливо подмечает, что в основу современного правового представления о таком нематериальном благе, как частная жизнь, легли многочисленные акты, в числе которых Великая Хартия Вольностей (1215 г.), Петиция о праве (1628 г.), Декларация прав (1688 г.), Билль о правах (1689 г.), американские Декларация права Виргинии и Декларация независимости США (1776 г.), Конституция США (1787 г.) и Билль о правах (1791 г.), французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.)⁷⁴.

Несмотря на столь внушительный перечень актов, в которых так или иначе упоминалось право на неприкосновенность частной жизни, общепризнано, что полноценное правовое признание этого личного (неимущественного) права на международном уровне связано с принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

---

⁷⁰ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 26.12.1991. № 52. Ст. 1865 (документ утратил силу).

⁷¹ См. об этом: *Кутафин О.Е.* Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. С. 142.

⁷² См. об этом: *Жеребкин В.П.* Указ. соч. С. 14.

⁷³ См. об этом: *Галыгина И.П.* Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 12.

⁷⁴ *Макеев П.Н.* Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. С. 14.

К числу последующих актов, последовательно признавших исследуемое нематериальное благо и соответствующее ему личное (неимущественное) право, относятся: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 17), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 8), Американская конвенция о правах человека 1969 г. (ст. 11), Арабская хартия прав человека 1994 г. (ст. 17), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. (ст. 9).

Идея о неприкосновенности частной жизни и научно-технический прогресс. Идея неприкосновенности частной жизни получила различное нормативное признание в странах континентального и общего права. Причиной соответствующих законодательных решений стали объективные обстоятельства, обусловленные развитием научно-технического прогресса. К примеру, американская концепция права на частную жизнь, в которой впервые прозвучала идея о субъективном гражданском праве лица «быть оставленным в покое», связывается с развитием технологии фотографирования и развитием газетной индустрии⁷⁵. Представляется, что именно научно-технический прогресс стал решающим фактором развития зарубежного и отечественного правового регулирования такого личного (неимущественного) права, как право на неприкосновенность частной жизни.

Наиболее ярко обозначенная тенденция прослеживается на примере эволюции права на персональный образ: живопись и скульптура, позволяющие воспроизвести персональный образ личности, не способствовали созданию правового регулирования частной жизни, поскольку не порождали юридических конфликтов. Однако развитие технологии фотографирования стало первым в истории триггером развития правового регулирования в сфере защиты такого нематериального блага, как частная жизнь. Так, широко известно событие, произошедшее в Германии и

---

⁷⁵ См. об этом: *Gajda A.* What if Samuel D. Warren Hadn't Married a Senator's Daughter? Uncovering the Press Coverage that Led to The Right to Privacy // *Michigan State Law Review.* 2008. Vol. 35. Pp. 35–59; *Warren S.D. and Brandeis L.D.* The right to privacy // *Harvard Law Review.* 1890. Vol. 5. Pp. 193–220.

приведшее к появлению в этой стране правового регулирования неприкосновенности частной жизни: труп немецкого канцлера Отто фон Бисмарка был запечатлен с помощью технологии фотографирования двумя фотоаппаратами, незаконно проникшими в спальню умершего канцлера. Фотографы, делая соответствующие снимки, преследовали понятную цель – обогащение. Однако наследники Отто фон Бисмарка обратились в суд, справедливо полагая, что спорные фотоснимки представляют собой вторжение в частную жизнь семьи канцлера⁷⁶.

Научно-технический прогресс, привнесший в жизнь цифровое изображение, появившееся в середине XX в., стал следующим фактором коррекции законодательства, регулирующего субъективное право на неприкосновенность частной жизни. К примеру, в этот исторический период в некоторых зарубежных странах были приняты даже отдельные федеральные законы, посвященные феномену частной жизни и что более важно – ее защите. Классический пример такого закона, отсылку на который можно встретить во многочисленных научных работах, посвященных частной жизни, – это закон США 1974 г. «The Federal Privacy Act». В юридической литературе справедливо отмечается, что систематизация правовых норм, составляющих правовой режим частной жизни, в рамках отдельного федерального закона обеспечила бы максимальную эффективность реализации такого неотъемлемого права, как право на частную жизнь⁷⁷.

Заметим, что вторая техническая революция, оказавшая влияние на эволюцию идеи о неприкосновенности частной жизни, связана не только с цифровым изображением, а с цифровизацией в целом, ключевым фактором которой выступают информационные технологии. В научной литературе

---

⁷⁶ См. об этом: *Polito P.* The Protection of Our Image: Between the Right to One's Own Image and the Right of Publicity // *The Italian Law Journal*. 2018. Special Issue. Pp. 69–81.

⁷⁷ См., напр.: *Кадников Б.Н.* Уголовно-правовая охрана конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 170; *Макеев П.Н.* Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. С. 168; *Новиков В.* Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности. С. 49.

отмечается, что именно развитие информационных технологий выступает фактором совершенствования отечественного и зарубежного законодательства⁷⁸. Право всегда отстает от жизни, поэтому подобное отставание от современного уровня научно-технического прогресса характерно и для современного этапа развития общества. При этом такое отставание может быть обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. В числе последних – крайняя нерешительность законодателя в части принятия новых правовых норм, в том числе опосредующих цифровые отношения. Возможно, подобный консерватизм в очередной раз сдерживает отечественного законодателя от принятия новых норм права, регулирующих цифровую частную жизнь гражданина. Как справедливо замечает Т.Я. Хабриева, в условиях цифровой трансформации появляются такие отношения, которые ранее не существовали или не нуждались в правовой регуляции⁷⁹. Полагаем, что подобный вывод вполне справедлив и по отношению к цифровой частной жизни гражданина.

На сегодняшний день идея о неприкосновенности частной жизни переживает третью по счету эпоху, связанную с появлением в конце 1980-х гг. аддитивных технологий. В самом общем виде под такими технологиями понимаются технологии послойного наращивания объектов. Главная функциональная ценность аддитивных технологий – это воспроизводство объекта материального мира с помощью его 3D-модели. В отличие от мировых лидеров по научно-техническому развитию, Россия переживает второй этап становления отечественного законодательства, регламентирующего неприкосновенность частной жизни, связанный с развитием цифровых технологий.

Российский опыт нормативной регламентации частной жизни.

Основу отраслевой охраны частной жизни гражданина составляют

---

⁷⁸ См., например: *Танимов О.В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 11–18.

⁷⁹ *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 10–11.

положения, нашедшие отражение в ст. 23–24 Конституции Российской Федерации⁸⁰. В ст. 23 Конституции РФ провозглашается право каждого на неприкосновенность частной жизни. При этом в одном ряду с указанным правом упоминаются личная и семейная тайна, защита своей чести и доброго имени. Анализ этих конституционных правил ставит вопрос о соотношении провозглашенных конституционных прав. Так, встает вопрос о допустимости/недопустимости квалификации личной и семейной тайны в качестве объектов правовой охраны неприкосновенности частной жизни. Постановка такого вопроса predetermined юридической техникой, использованной законодателем в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ. Вторая часть этой статьи Конституции РФ также посвящена тайнам: «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». На наш взгляд, нахождение «частной жизни» и «тайн» в одной статье Конституции РФ свидетельствует об их тематической взаимосвязи.

В ч. 1 ст. 24 Конституции РФ вновь упоминается частная жизнь, однако в контексте информации о ней. Суть этой нормы права сводится к запрету на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни гражданина. В ч. 2 ст. 24 Конституции РФ отмечается право каждого на ознакомление с документами и материалами, если они касаются прав и свобод личности.

Возвращаясь к конкретному содержанию гражданско-правовой охраны частной жизни, стоит обратить внимание на нормы ст. 152.2 ГК РФ, которая была введена Федеральным законом от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского

---

⁸⁰ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

кодекса Российской Федерации» (далее по тексту – Закон № 142-ФЗ)⁸¹. Заметим, что появление ст. 152.2 ГК РФ и связанных с ней положений главы 8 ГК РФ – «Нематериальные блага и их защита» – имеет соответствующие историко-политические причины. Так, в ходе масштабной реформы гражданского законодательства, сопровождающейся подготовкой Концепции развития гражданского законодательства (далее по тексту – Концепция)⁸², были расставлены акценты и в части изменения правового регулирования нематериальных благ. В п. 3.5 Концепции обращалось внимание на важность создания развернутой системы правовых норм, направленных на правовую регламентацию нематериальных благ и личных (неимущественных) прав, которая должна быть «детальной». В Концепции отмечалось, что соответствующие нормы должны быть направлены на регулирование и (или) защиту нематериальных благ. Действительно, нематериальные блага в зависимости от их вида могут требовать либо правового регулирования, либо правовой защиты, либо того и другого. Что касается частной жизни гражданина, то, на наш взгляд, несмотря на то что реальная потребность направлена на правовую защиту частной жизни, для уяснения ее содержания требуется правовая регламентация и самого нематериального блага, и его правовой охраны. Добавим, что в Концепции обращалось внимание на необходимость заимствования передового опыта иностранных государств, преуспевших в правовом регулировании нематериальных благ, в частности Франции и Германии.

Согласно п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, «если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или

---

⁸¹ *О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2023)*

⁸² *Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. № 11(ноябрь). 2009.*

жительства, о личной и семейной жизни». Юридино-техническую и содержательную сложность вызывает формулировка «любая информация о частной жизни лица». Не отрицая корректности этой формулировки в целом, отметим, что возникает правовой вакуум в отношении конкретного перечня информации, имеющей отношение к частной жизни гражданина. Частичная расшифровка содержания такой информации в ст. 152.2 ГК РФ предложена: сведения о происхождении гражданина, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Из этого общего запрета законодатель сформулировал по сути три исключения: 1) в абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ отмечается, что иное может быть предусмотрено законом; 2) в абз. 2 п. 2 ст. 152.2 ГК РФ обращается внимание на допустимость всех перечисленных выше операций с информацией о частной жизни лица в государственных, общественных или публичных интересах; 3) в абз. 2 п. 2 ст. 152.2 ГК РФ указывается на допустимость всех перечисленных выше операций с информацией о частной жизни лица, если такая информация ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином, либо была раскрыта другим лицом, но по воле этого гражданина. Заметим, крайнюю неоднозначность и дискуссионность таких оценочных понятий, как «государственный интерес», «общественный интерес» и «публичный интерес». Некоторые замечания на этот счет, носящие разъясняющий характер, содержатся в правоприменительных актах высших судебных инстанций⁸³.

В п. 2 ст. 152.2. ГК РФ содержится правило о конфиденциальности сведений о частной жизни стороны гражданско-правового обязательства или третьего лица, участвующего в этом обязательстве. В этой правовой норме обращается внимание на то, когда сторона обязательства получила доступ к

---

⁸³ См., например: *О практике* применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8 (август). 2010; *О применении* судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8 (август).

такой информации – при возникновении и (или) исполнении обязательства, однако не уточняется, когда такая сторона должна сохранить информацию в тайне. Представляется не до конца ясным, почему информация о частной жизни стороны обязательства стала известной другой стороне именно при возникновении и (или) исполнении обязательства. Возникает вопрос, не могла ли такая информация стать доступной при прекращении обязательства. Это уточнение в целом видится несколько излишним и могло бы быть заменено формулировкой «в связи с участием в обязательстве».

Кроме того, из п. 2 ст. 152.2 ГК РФ не следует ответ на вопрос, существуют ли какие-либо временные ограничения по сохранению в тайне информации о частной жизни гражданина, ставшей известной в связи с участием в обязательстве. Очевидно, что предполагается режим абсолютной тайны. В цепочке соответствующих рассуждений целесообразно обратиться к п. 3 ст. 307 ГК РФ, содержащей следующий общий принцип обязательственного права: «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию». Из процитированной нормы можно сделать два основных вывода: первый – режим конфиденциальности информации, ставшей известной в связи с участием в обязательстве, сохраняется и после прекращения обязательства; второй – сохранение в тайне указанной информации каждой из сторон гражданско-правового обязательства есть реализация отраслевого принципа добросовестности.

Возвращаясь к анализу ст. 152.2 ГК РФ, содержащей основы гражданско-правовой охраны частной жизни гражданина, стоит отметить, что в п. 3 анализируемой статьи специально обращено внимание на такой своеобразный способ нарушения тайны информации о частной жизни лица, как ее использование при создании произведений науки, литературы и

искусства. На наш взгляд, такая конкретизация видится излишней: анализ судебной практики, имеющейся за почти десятилетний период применения этой нормы права, свидетельствует о не востребованности соответствующего нормативного положения (по всей видимости, по причине крайне редкого нарушения неприкосновенности частной жизни именно таким способом). Возможно, целесообразно отказаться от этой нормы, признав п. 3 ст. 152.2 ГК РФ утратившим силу. Содержание пп. 4 и 5 ст. 152.2 ГК РФ связано с защитой нарушенного права на неприкосновенность частной жизни.

Анализ ст. 152.2 ГК РФ позволяет выделить следующие особенности правового регулирования в исследуемой сфере: во-первых, частная жизнь гражданина исчерпывается информацией о ней, поэтому виды и формы этой информации требуют более детальной конкретизации, чем это сделано на сегодняшний день; во-вторых, институт гражданско-правовой охраны частной жизни гражданина лишен норм, направленных на регламентацию частной жизни как нематериального блага в целом, что требует коррекции; в-третьих, ст. 152.2 ГК РФ не имеет логической связи с иными федеральными законами, регламентирующими информацию, относящуюся к частной жизни гражданина, что усложняет процесс уяснения соответствующих норм права и влечет возникновение правовой неопределённости. К примеру, речь идет о Федеральном законе РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» (далее по тексту также – Закон о ПД, Закон о персональных данных)⁸⁴. Очевидно, что персональные данные составляют сердцевину информации о частной жизни лица, однако не упоминаются в каком бы то ни было виде в ст. 152.2 ГК РФ.

Частная жизнь гражданина многогранна и разнообразна, но в правовое поле попадает не сама частная жизнь, а информация о ней. Принципиальное

---

⁸⁴ *О персональных данных*: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2022)

значение для выяснения содержания гражданско-правовой охраны частной жизни имеет перечень сведений, подпадающих под правовой режим тайн.

Несмотря на то что перечень такой информации является открытым, что позволяет по усмотрению правоприменителя относить к ней любые сведения, касающиеся частной жизни гражданина, представляется, что этот перечень должен быть расширен и при этом сохранен открытым. К примеру, в Указе Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» (далее по тексту – Указ о конфиденциальных сведениях)⁸⁵ к конфиденциальным сведениям отнесены: 1) персональные данные; 2) сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства; 3) служебная тайна; 4) профессиональные тайны; 5) коммерческая тайна; 6) сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца; 7) сведения, содержащиеся в личных делах осужденных, а также сведения о принудительном исполнении актов. Важно заметить, что часть из этих сведений непосредственно связана с частной жизнью гражданина. В их числе персональные данные и профессиональные тайны (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и т.д.). На наш взгляд, эти сведения должны быть отражены в ГК РФ в статье, посвященной охране частной жизни гражданина.

Цифровая трансформация как фактор изменения законодательства о частной жизни. Нельзя не отметить, что важным направлением современной правовой политики является цифровизация, получающая в результате принимаемых норм права должную правовую регламентацию. Минкомсвязи России разъяснило, что следует понимать под цифровизацией: «Цифровизация (Цифровое развитие) – процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых

---

⁸⁵ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 10.03.1997. № 10. Ст. 1127.

продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий»⁸⁶.

Другое определение цифровой экономики содержится в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»⁸⁷.

Очевидно, что цифровизация практически не имеет предметных ограничений, что, в частности, означает ее применимость и к сфере нематериальных благ. В этом смысле стоит поддержать тех ученых, которые относят цифровизацию к трансформации парадигмального характера, то есть качественному коренному преобразованию всех сфер жизнедеятельности общества⁸⁸. По справедливому замечанию С.В. Одинцова и Э.Ю. Миронова, цифровизация трансформирует не только материальные, но и нематериальные блага, помещая их в цифровое пространство⁸⁹. Думается, что такое нематериальное благо, как частная жизнь, помещенное в новое цифровое пространство, терпит не только формальные, но и содержательные преобразования. В этом смысле цифровая частная жизнь – это совершенно новое явление по сравнению с нецифровой частной жизнью гражданина. Этот вывод предопределяет необходимость специального правового регулирования охраны цифровой частной жизни и доказывает

---

⁸⁶ *Об утверждении* Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 01 августа 2018 г. № 428 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁷ *О Стратегии* развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

⁸⁸ См. об этом: *Грибанов Ю.И.* Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. С. 6.

⁸⁹ См. об этом: *Одинцов С.В., Миронов Э.Ю.* Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика // Современное право. 2020. № 11. С. 97–104.

недостаточность имеющихся общих норм прав, направленных на регулирование охраны частной жизни в целом.

Решающим фактором цифровизации выступают информационные технологии, которые в свою очередь определяют и цифровую частную жизнь гражданина. Позиционируется, что главное преимущество цифровых технологий – это исключение из различных видов деятельности человека, на которого ранее были возложены соответствующие функции⁹⁰.

Разумеется, подобная автоматизация свойственна прежде всего бизнес-процессам, однако имеет непосредственное отношение и к тематике настоящего исследования, поскольку касается автоматизации операционного воздействия на информацию, в том числе относящуюся к частной жизни гражданина. Стоит поддержать Ю.С. Овчинникову, заметившую, что глобальная трансформация, обладающая известными преимуществами, в то же время вступает в конфронтацию с некоторыми конституционно гарантированными правами и свободами, в том числе правом на неприкосновенность и тайну частной жизни⁹¹.

Руководствуясь идеей цифровизации экономики, отечественный законодатель нормативно признал наличие новых объектов гражданских прав – цифровых прав⁹², в том числе утилитарных цифровых прав⁹³ и цифровых финансовых активов⁹⁴.

---

⁹⁰ См. об этом: *Скляр М.А.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 5.

⁹¹ *Овчинникова Ю.С.* Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 73–81.

⁹² См. об этом: *О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ* // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

⁹³ *О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ* (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

⁹⁴ *О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ* (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

Кроме того, в числе цифровых «новелл» гражданского законодательства присутствуют: электронная форма сделки, электронный договор, автоматическое исполнение обязательства (смарт-контракт)⁹⁵.

Примечательно, что в Плате мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁹⁶ в числе одиннадцати ожидаемых результатов названо «обеспечение благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных». При этом для достижения этого результата поставлены следующие конкретные задачи: 1) проведение исследования в области определения подходов к разграничению прав на данные, создаваемые пользователями, в том числе в сети Интернет и при оказании услуг, а также принципы их сбора и обработки; 2) разработка проекта федерального закона в части уточнения порядка обезличивания персональных данных, условий и порядка их использования, а также порядка получения согласия и обеспечения соблюдения прав и интересов граждан, уточнения ответственности за ненадлежащие обработку и безопасность персональных данных; 3) проведение исследования в части определения состава сведений, составляющих соответственно банковскую тайну, тайну связи, врачебную тайну, коммерческую тайну и иные виды тайн, и порядка их передачи третьим лицам и др. Эти задачи являются прямым доказательством осознания отечественным законодателем проблемы цифрового бытия личности в части осуществления различных операций с информацией, в том числе содержащейся в цифровой среде. Очевидно, что существенно расширяется диапазон персональных данных, в том числе выраженных в

---

⁹⁵ См. об этом: *Захаркина А.В.* Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 66–82; *Она же.* Динамика гражданско-правового обязательства, исполняющегося путем применения информационных технологий (смарт-контракта) // *Ex Jure.* 2021. № 3. С. 130–144.

⁹⁶ *План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»:* утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18 декабря 2017 г. № 2) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

цифровой форме (к примеру, электронная цифровая подпись, биометрические персональные данные, используемые для аутентификации, логины, пароли и т.д.). В этих условиях появляются новые проблемы беспрепятственного осуществления гражданами принадлежащих им субъективных гражданских прав, в том числе и личных (неимущественных).

К сожалению, цифровая трансформация, имеющая существенное воздействие на все без исключения сферы жизни общества, не нашла конкретного выражения в нормах гражданского законодательства, регулирующих нематериальные блага, в том числе и частную жизнь. Уязвимость частной жизни гражданина в условиях цифровой трансформации требует от законодателя принятия повышенных стандартов защиты субъективного гражданского права на неприкосновенность частной жизни. Так, Б.А. Шахназаров справедливо замечает, что как отечественный, так и зарубежные законодатели придерживаются принципа сохранения технологической нейтральности и не спешат принимать правовое регулирование, в том числе в части технологий фиксации личных (неимущественных) прав⁹⁷. Представляется, что в ст. 152.2 ГК РФ, посвященной охране частной жизни гражданина, должно быть сформулировано правило и об охране сведений, относящихся к тайне частной жизни и выраженных в цифровой форме.

Резюмируем вышеизложенное.

Эволюция идеи о неприкосновенности частной жизни и ее нормативная регламентация прямо коррелируют с соответствующим этапом научно-технического прогресса и прошла три мировых исторических этапа нормативной регламентации частной жизни, зависящих от новых технологий: первый – этап развития технологий фотографирования (конец XIX в.); второй – этап развития цифровых технологий (середина XX в.); третий – этап развития аддитивных технологий (80-е гг. XX в.).

---

⁹⁷ Шахназаров Б.А. NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 12–21.

Россия переживает второй этап становления отечественного законодательства, регламентирующего неприкосновенность частной жизни, связанный с развитием цифровых технологий; отечественный законодатель сконцентрирован на цифровизации имущественных отношений, что предопределяет слабую цифровизацию норм, регламентирующих личные (неимущественные) отношения, а также нематериальные блага; для достижения стратегических целей и задач в части построения цифровой экономики предложено ввести в гражданское право и законодательство понятие «цифровая частная жизнь гражданина».

§ 1.3 Элементы гражданско-правового режима частной жизни в условиях цифровой среды

Понятие правового режима и его значение для исследования частной жизни. Термин «правовой режим» прочно вошел в терминологический аппарат юридической науки. При этом употребление этого термина в связке с той или иной отраслью права стало своеобразной научной традицией, что предопределяет наличие административно-правового⁹⁸, бюджетно-правового⁹⁹, гражданско-правового режима и некоторых других отраслевых режимов.

Термином «правовой режим» оперируют не только ученые-юристы, но и в некоторых случаях законодатель, однако до сих пор доктрина не добилась определенности в отношении этого понятия. Это обусловлено в том числе и тем, что родовое понятие исследуемого термина – «режим» – является чрезвычайно многозначным, что в свою очередь предопределяет большое разнообразие значений юридической категории «правовой режим». К

---

⁹⁸ Чорный В.Н., Сенатова Е.В. Административно-правовые режимы функционирования структурных подразделений исправительного учреждения // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 32–35.

⁹⁹ Андриевский К.В. К вопросу о целевом воздействии на поведение участников бюджетной деятельности в условиях бюджетно-правового режима // Финансовое право. 2022. № 11. С. 18–21.

примеру, в 50–60-х гг. XX в. широкое распространение получило изучение «режима законности»¹⁰⁰.

Под режимом принято понимать совокупность правил поведения, систему мер, позволяющих достигнуть поставленных целей¹⁰¹. По справедливому замечанию В.Б. Рушайло, термин «режим» отличается ярко выраженным правоохранным характером¹⁰², благодаря которому объект воздействия находится в заданном состоянии. Однако режим как таковой предполагает наличие широкого арсенала средств, позволяющих достигнуть поставленной цели, в том числе и неправовых. Акцент именно на правовых средствах ставится благодаря приставке «правовой» к родовому понятию «режим»¹⁰³. Добавим, что режим также принято связывать с управлением¹⁰⁴.

В наиболее общем виде под правовым режимом понимается «правовая характеристика, которая позволяет определить сущностные свойства явления»¹⁰⁵. Как верно заметила Л.А. Морозова, правовой режим – это конечный результат, который возникает от регулятивного воздействия системы юридических средств, которые дифференцируются по отраслевому принципу¹⁰⁶.

В научной литературе подчеркивается, что правовой режим предполагает нормативное регулирование в отношении какого-либо объекта и обеспеченность юридическими средствами¹⁰⁷. Этот юридический термин

---

¹⁰⁰ См. об этом: *Самощенко И.С.* Охрана режима законности Советским государством. М.: Госюриздат, 1960. 200 с.; *Керимов Д.А.* Обеспечение законности в СССР. М.: Госюриздат, 1956. 167 с.

¹⁰¹ См. об этом: *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 93.

¹⁰² *Рушайло В.Б.* Административно-правовые режимы: монография. М.: Щит-М, 2000. С. 12.

¹⁰³ См. об этом: *Космынина П.В.* Правовой режим предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 16.

¹⁰⁴ См. об этом, например: *Старостин С.А.* Классификация административно-правовых режимов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2020. № 11. С. 3–10.

¹⁰⁵ См. об этом: *Сенчицев В.И.* Объект гражданского правоотношения // *Актуальные проблемы гражданского права* / под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1999. С. 109–160. (С. 140); *Комиссарова Е.Г.* Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2012. Вып. 2. С. 23–29.

¹⁰⁶ См. об этом: *Морозова Л.А.* Конституционное регулирование в СССР. М.: Юрид. лит., 1985. С. 123.

¹⁰⁷ *Исаков В.Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // *Проблемы теории государства и права* / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 258–259.

характеризуется свойствами «собирательного понятия» и демонстрирует способы достижения своего реального состояния¹⁰⁸. Конечной целью любого правового режима является удовлетворение тех или иных потребностей участников общественных отношений. Именно по этой причине правовой режим нередко увязывают с юридическими средствами, создающими социальное состояние и конкретную степень благоприятности/неблагоприятности¹⁰⁹.

Классическим теоретическим определением понятия «правовой режим» стало то, что было предложено в свое время С.С. Алексеевым. Он положил в основу своего определения «порядок регулирования», который объективируется через разнообразные правовые средства, создающие эффект в виде «особой направленности регулирования»¹¹⁰. С.С. Алексеев впервые выделил отраслевые и внутриотраслевые режимы. Схожее понятие предложено Н.И. Матузовым и А.В. Малько¹¹¹. В интерпретации О.С. Родионова правовой режим есть «особый порядок регулирования», который направлен на беспрепятственное осуществление субъектами своих законных интересов¹¹².

Весьма точное замечание сделал Д.Н. Бахрах, который обратил внимание на наличие в юриспруденции «режимного» подхода, отличающегося систематизацией правовых норм вокруг конкретного объекта¹¹³. Заметим, что так называемый «режимный» подход, сконструированный по признаку «объекта права», нередко противопоставляется «статусному подходу», в основе которого лежит субъект, наделенный определённым объемом субъективных прав и

---

¹⁰⁸ *Валеев М.М.* Вещи как объекты гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 153.

¹⁰⁹ См. об этом: *Юридическая энциклопедия* / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 812.

¹¹⁰ *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 18.

¹¹¹ *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // *Известия вузов. Правоведение*. 1996. № 1. С. 17–18.

¹¹² *Родионов О.С.* Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 38.

¹¹³ *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учеб. для вузов. М.: Норма, 2002. С. 411.

юридических обязанностей. Однако подобное противопоставление вряд ли оправданно: в действительности, указанные подходы являются взаимодополняемыми. В этом смысле стоит поддержать Б.Б. Каминского, заметившего, что правовой статус гражданина формируется в своеобразной «питательной среде», в качестве которой и выступает правовой режим¹¹⁴. Функциональное предназначение правового режима и правового статуса едино – характеристика элементов общественного отношения¹¹⁵, поэтому их противопоставление является некорректным.

В научной литературе также предлагается подход к термину «правовой режим», выражающийся в выделении широкого и узкого смыслов этого понятия. Так, при широком подходе к понятию «правовой режим» его родовым признаком выступает «особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий и поведения», а при узком – «особое сочетание юридического инструментария»¹¹⁶.

Таким образом, в общетеоретическом плане под правовым режимом можно понимать модель социального состояния объекта, достигаемого при помощи правового регулирования, выражающегося в инструментальном комплексе юридических средств. Специфической особенностью режимного подхода, получившего распространение в юриспруденции, является направленность на объект. Режимный и статусный подходы, не являющиеся антагонистами, оказывают влияние на конструирование правовых связей и, как следствие, содержание правоотношений.

Понятие гражданско-правового режима частной жизни. Частная жизнь, будучи самостоятельным нематериальным благом, обеспечена правовым режимом. Этот тезис подтверждается самой законодательной формулировкой соответствующих положений – «неприкосновенность

---

¹¹⁴ Каминский Б.Б. Индивидуальный правовой статус личности: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 29.

¹¹⁵ Сыропятова Н.В. Правовые режимы банковских счетов в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 348–363.

¹¹⁶ Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 72, 78, 119–120.

частной жизни», что позволяет сделать вывод о режиме неприкосновенности частной жизни. Несмотря на то что исследуемая тематика в целом является весьма популярной, специальной научной литературы, посвященной гражданско-правовому режиму частной жизни гражданина, на сегодняшний день не имеется, что предопределяет актуальность соответствующих разработок. В отдельных работах встречаются тезисы, подтверждающие признание наличия у частной жизни собственного правового режима. Так, Н.П. Лепешкина замечает, что неприкосновенность частной жизни является компонентом более широкого понятия – личной неприкосновенности, которая в свою очередь может быть квалифицирована как самостоятельный правовой режим, который отражает характер взаимоотношений между личностью и обществом, гражданином и государством¹¹⁷.

Термин «частная жизнь» содержит в качестве составляющего признака указание на характер жизни – «частная». В этом смысле нельзя не отметить классическое для юриспруденции в целом деление права на частное и публичное. Известно, что истоки такого деления принято связывать с древнеримским ученым Ульпианом, предложившим для удобства изучения подразделять право на частное и публичное. Поскольку частное право связывается с интересами частных лиц, а публичное – с интересами общества в целом, в науке сложилось представление о том, что эти правовые подразделения находятся в состоянии противопоставленности по отношению друг к другу. Продолжая эту цепочку рассуждений, можно предположить, что частная жизнь гражданина является антагонистом его публичной жизни. Отметим, что весьма схожий подход находит отражение в практике Европейского суда по правам человека. Так, в небезызвестном Определении Конституционного Суда РФ от 09 июня 2005 г. № 248-О (далее по тексту

---

¹¹⁷ Лепешкина Н.П. Неприкосновенность частной жизни, что это? // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 37.

также – Определение КС РФ № 248-О)¹¹⁸, в котором впервые было сформулировано значение частной жизни и ее неприкосновенности, обращается внимание на то, что согласно позиции Европейского суда по правам человека, основная цель фиксации гарантий неприкосновенности частной и семейной жизни заключается в защите гражданина от «своевольного вмешательства государственных властей». Это свидетельствует о том, что Европейский суд по правам человека исходит из жёсткого разграничения частной жизни, имеющей отношение к личному пространству гражданина, свободному от публичного вмешательства, и публичной жизни, в которой ведущая роль отведена органам публичной власти. На наш взгляд, отечественный правоприменитель исходит из несколько иной концепции частной жизни и гарантий ее неприкосновенности: понятие «частная жизнь» толкуется значительно шире, чем область жизнедеятельности, свободная от вмешательства властей, что следует признать рациональным.

Сложность изучения гражданско-правового режима частной жизни predetermined тем, что термин «режим» может быть использован одновременно в двух значениях. В *широком смысле* гражданско-правовой режим частной жизни гражданина следует понимать как модель социального состояния частной жизни лица, достигаемого при помощи гражданско-правового регулирования, выражающегося в инструментальном комплексе гражданско-правовых юридических средств, направленных на обеспечение режима неприкосновенности сведений, относящихся к тайне частной жизни и правопорядка в сфере охраны соответствующих нематериальных благ. В *узком смысле* гражданско-правовой режим частной жизни гражданина есть режим неприкосновенности сведений, относящихся к тайне частной жизни.

---

¹¹⁸ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 09 июня 2005 г. № № 248-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, понятие «гражданско-правовой режим частной жизни» отражает особый характер отраслевого гражданско-правового регулирования режима тайны информации о частной жизни лица и определяет правопорядок в сфере охраны соответствующих нематериальных благ.

Содержание гражданско-правового режима частной жизни в условиях цифровой среды. Содержание правового режима так или иначе связано с юридическими средствами, которыми оперирует законодатель применительно к соответствующему объекту правового регулирования. Термин «юридические средства» является не менее собирательным, чем «правовой режим». По поводу понятия «юридические средства» С.С. Алексеев писал, что они являются институциональными явлениями, выражающими регулятивную силу права. Прикладное значение правовых средств, их практическую направленность на достижение конкретного результата отмечали А.В. Малько и К.В. Шундигов¹¹⁹. В самом общем виде юридические средства могут быть охарактеризованы как алгоритм действия правовой формы¹²⁰.

Что касается конкретного содержательного наполнения термина «юридические средства», то на этот счет также отсутствует единство научных взглядов. К примеру, к ним предлагается относить как правовые установления, так и инструменты правореализационной практики, все формы правомерного поведения, юридически значимой деятельности субъектов¹²¹.

С учетом выявленных в рамках настоящего исследования гражданско-правовых квалифицирующих признаков частной жизни гражданина можно констатировать, что структурными элементами гражданско-правового режима частной жизни лица выступают юридические средства правовой регуляции различной информации о частной жизни лица. Следовательно,

---

¹¹⁹ Малько А.В., Шундигов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике: монография. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. С. 35.

¹²⁰ Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 5.

¹²¹ См. об этом: Шундигов К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7.

методологическая особенность познания гражданско-правового режима частной жизни лица заключается в последовательном изучении различных видов сведений, относящихся к тайне частной жизни, и особенностей их правового регулирования. При этом магистральная задача, поставленная в рамках настоящей диссертации, сводится к изучению не всей информации о частной жизни лица, а только той, которая актуальна для его цифровой частной жизни. Несмотря на это, общие замечания относительно такой информации в целом (без привязки к цифровой трансформации) являются неотъемлемой частью настоящего исследования.

Перечень сведений, относящихся к тайне частной жизни. Предваряя формулирование примерного (открытого) перечня сведений, относящихся к тайне частной жизни, приведем выдержку из Определения КС РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О: «...конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа»¹²². По словам председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, правовые позиции КС РФ, отраженные в принимаемых им актах, выступают своеобразными ориентирами для законодателя, пользуясь которыми он сможет обеспечить гармоничное сочетание частных и публичных интересов¹²³. Сделанные замечания позволяют предположить, что те правовые позиции КС РФ, которые касаются частной жизни, могут быть использованы законодателем для дальнейшего совершенствования соответствующего гражданско-правового режима частной жизни.

---

¹²² *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации* [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹²³ *Доклад* Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина «Защита социальных прав и преодоление несправедливости: проблемы конституционного правосудия» на научной конференции «Социальные права и практика Конституционного Суда РФ», юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 5–7 июня 2007 г. URL: www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=18 (дата обращения: 22.12.2022).

Объемность и многогранность частной жизни неизбежно влечет не меньшую объёмность и перечня информации, которая относится к ней. Однако невзирая на это обстоятельство, формулирование подобного перечня все же необходимо, что справедливо отмечается в научной литературе¹²⁴. Заметим, что конкретизация подобных сведений обладает очевидным правоприменительным потенциалом, поскольку позволит существенно расширить границы частной жизни при одновременном внесении в нее содержательной определенности. Например, в научной литературе предлагается отнести генетическую информацию к персональным данным, признаваемым в свою очередь нематериальными благами¹²⁵.

Прежде чем сформировать перечень сведений, относящихся к тайне частной жизни, сделаем несколько предварительных замечаний.

Во-первых, необходимо определить родовой признак, употребляемый для обозначения того, что подлежит режиму тайны частной жизни, – информация или сведения. Признавая семантическую тождественность этих понятий, мы вынуждены констатировать, что разница между ними все-таки есть. Так, слово «сведения» используется в смысле информации, которую лицо публично демонстрирует (сообщает, предоставляет). К примеру, в гражданском законодательстве упоминаются сведения о перемене имени, сведения о месте жительства, сведения о месте пребывания, сведения об учреждении юридического лица, сведения об учреждении наследственного фонда, сведения о наименовании, фирменном наименовании, месте нахождения и размере уставного капитала юридического лица и т.д. Однако в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ «информация» раскрывается через «сведения»: «не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности

---

¹²⁴ См., например: *Батурин С.С.* Об основных конституционных правах человека и гражданина в аспекте оперативно-розыскной деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 46–48.

¹²⁵ См. об этом: *Тужилова-Орданская Е.М., Ахтямова Е.В.* Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации.

сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни». На наш взгляд, информация – это более абстрактное и широкое понятие, чем сведения.

Во-вторых, следует остановиться на рассмотрении конфиденциальной информации. Как нами было установлено ранее, перечень сведений конфиденциального характера регламентирован соответствующим Указом Президента РФ. В этом перечне, носящем закрытый характер, названы семь групп сведений, среди которых:

1) Сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях.

2) Тайны. Тайны, о которых пойдет речь далее, принято подразделять на:

- тайну следствия и судопроизводства¹²⁶;
- служебную тайну;
- профессиональные тайны, которые, в свою очередь, в зависимости от вида профессиональной деятельности подразделяются на: врачебную¹²⁷, нотариальную¹²⁸, адвокатскую тайну¹²⁹, тайну переписки, телефонных

---

¹²⁶ *О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон РФ от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>; О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.01.2022).*

¹²⁷ *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022)-*

¹²⁸ *Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022)-*

¹²⁹ *Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022)-*

переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений¹³⁰ и т.д.;

– коммерческую тайну¹³¹;

3) Сведения, содержащиеся в личных делах осужденных, а также сведения о принудительном исполнении судебных и иных актов.

Итак, можно констатировать, что самым широким понятием является «информация». Среди видов информации выделяется информация ограниченного доступа, которая включает в себя в качестве составного элемента конфиденциальную информацию. Под режим тайны частной жизни подпадает только та конфиденциальная информация, которая имеет отношение к частной жизни лица.

Если конфиденциальная информация, правовая регламентация которой осуществлена на уровне Указа Президента РФ, по крайней мере систематизирована, то иную информацию ограниченного доступа следует искать в отдельных нормативно-правовых актах. К примеру, к информации ограниченного доступа, связанной с частной жизнью лица, относится тайна усыновления¹³², сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи¹³³, тайна страхования¹³⁴, тайна исповеди¹³⁵, банковская тайна¹³⁶, аудиторская

---

¹³⁰ *О связи*: Федеральный закон РФ от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022)-

¹³¹ *О коммерческой тайне*: Федеральный закон РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022)-

¹³² *Семейный кодекс Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2022).

¹³³ *О связи*: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2022).

¹³⁴ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)*: Федеральный закон РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2022).

¹³⁵ *О свободе совести и о религиозных объединениях*: Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022).

¹³⁶ *О банках и банковской деятельности*: Федеральный закон РФ от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 05.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2023).

тайна¹³⁷, результаты обследования лица, вступающего в брак, налоговая тайна¹³⁸ и др.

Перечень сведений, относящихся к тайне частной жизни, не только не систематизирован, но еще и крайне обширен, что значительно усложняет научную задачу описания в большей или меньшей степени полного перечня соответствующих сведений. Весьма удачная попытка доктринальной систематизации сведений, относящихся к тайне частной жизни, предпринята Л.В. Сперанской¹³⁹.

Отметим, что несмотря на очевидную гражданско-правовую отраслевую принадлежность сведений, относящихся к частной жизни, проблема выяснения хотя бы примерного перечня таких сведений или их классификация привлекает научный интерес прежде всего исследователей уголовного права, что предопределено уголовно-правовой охраной неприкосновенности частной жизни лица¹⁴⁰. Так, Б.Н. Кадников в своем научно-практическом пособии, посвященном уголовно-правовой охране неприкосновенности частной жизни, к информации о частной жизни предлагает относить «общие сведения личного и семейного характера, специальные тайны и персональные данные»¹⁴¹. Предложенный перечень весьма лаконичен, однако совершенно неясно, что значит «общие сведения», есть ли другие, например частные сведения, почему персональные данные не относятся к общим сведениям.

---

¹³⁷ Об аудиторской деятельности: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2023).

¹³⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2023).

¹³⁹ Сперанская Л.В. Право на неприкосновенность частной жизни [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2022.

¹⁴⁰ См., например: Барышева К.А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. 2017. № 12. С. 151–162; Баринов С.В. Особенности возбуждения уголовных дел по фактам совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 146–154 и др.

¹⁴¹ Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: науч.-практ. пособие / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2011. 136 с.

Классификации сведений, относящихся к тайне частной жизни, в условиях цифровой среды. Российское общество вслед за европейскими странами переходит к той фазе развития, которую принято именовать «информационным обществом». В таком обществе на первый план выходит информация, которая становится основой профессиональной деятельности большинства трудящихся, выступает средством удовлетворения разнообразных потребностей. Неудивительна в связи с этим разработка и реализация национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"»¹⁴². Трудно переоценить роль цифровизации, оказывающей существенное воздействие на все без исключения сферы жизни современного общества. Отечественный законодатель уже предпринял значительные шаги по созданию нормативной платформы цифровой экономики и адаптации существующей нормативной базы под соответствующие нужды. Однако эти первые шаги касаются, прежде всего, имплементации в отечественное правовое пространство новых институтов и инструментов цифрового гражданского оборота, в том числе электронной формы сделки, цифровых прав, в том числе утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, смарт-контракта, электронной формы договора и т.д.

Значительный объем информации, относящейся к тайне частной жизни, а также, очевидно, ее открытый перечень обуславливает важность применения такого методологического приема, как классификация. Она позволяет определить специфику классов таких сведений, что, в свою очередь, способствует выявлению новых членов соответствующих классов. В основе любой классификации лежат критерии, выполняющие руководящую функциональную роль. От того, насколько тот или иной критерий адекватен исследуемому объекту, зависит качество и прикладной потенциал осуществленного классифицирования.

---

¹⁴² Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"».

По содержанию сведения, относящиеся к тайне частной жизни гражданина, могут быть поделены на три группы:

1) идентификационная информация – сведения, позволяющие идентифицировать конкретную личность (например, персональные данные, в том числе ФИО, дата и место рождения, национальная принадлежность; cookie-файлы; цифровое изображение гражданина; 3D-модель органов и тканей человека и др.);

2) тайная информация – сведения, составляющие какую-либо предусмотренную законом тайну (например, личную, семейную, налоговую, врачебную, адвокатскую и т.д.);

3) коммуникационная информация – сведения о контактах и местоположении гражданина в любой форме (например, переписка, телефонные переговоры, сведения о передвижении по стране, за рубежом и т.д.).

Характеризуя предложенную классификацию, основанную на таком критерии, как содержание, стоит отметить ее значение. Так, весь объем сведений, относящихся к тайне частной жизни гражданина, уместается в три предложенные классификационные группы, которые демонстрируют современный подход отечественного законодателя к состоянию неприкосновенности частной жизни. Очевидно, что среди идентификационной информации значительную часть занимают персональные данные. Анализ судебной-арбитражной практики показывает, что в качестве персональных данных могут быть квалифицированы любые сведения, совокупность которых необходима и достаточна для идентификации лица, в том числе: паспортные данные¹⁴³; данные технического паспорта на дом¹⁴⁴; адрес места жительства индивидуальных предпринимателей, указанный в плане проведения проверок юридических

---

¹⁴³ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 мая 2014 г. № 33-14709 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁴ Определение Приморского краевого суда от 28 апреля 2014 г. № 33-3718 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

лиц и индивидуальных предпринимателей, размещенном в общем доступе на официальном сайте администрации¹⁴⁵; адрес регистрации должностного лица, сведения о его доходах и собственности, распространяемые в непредусмотренных для официальной процедуры форме¹⁴⁶; данные работника, указанные в трудовом договоре¹⁴⁷, и др.

Важно обратить особое внимание на то, что персональные данные зачастую становятся частью определённой информационной системы. Это обстоятельство предопределено тем, что в условиях цифровой трансформации оборот персональных данных осуществляется с помощью автоматизированных систем. Нередко эти системы функционально обусловлены работой в сети Интернет. Эти обстоятельства вызывают необходимость проведения новых исследований идентификационной информации, существующей в цифровой среде.

Что касается информации, названной нами «тайной информацией», то следует увязать с ней любые виды тайн. При этом в рамках настоящего исследования акцент сделан не на тайной информации в целом, а на тайной информации, которая хранится и обращается в цифровой среде в рамках различных информационных систем.

Коммуникационная информация представляет собой группу сведений, относящихся к тайне частной жизни гражданина, которые отражают как физическое передвижение человека в пространстве (место жительства, место пребывания, выезд за пределы государственной границы и т.д.), так и социальное взаимодействие (переписка посредством любого вида связи, телефонные переговоры и т.д.). Особый интерес представляет изучение передвижения гражданина в цифровом и нецифровом пространстве,

---

¹⁴⁵ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 24 апреля 2014 г. № 33-4427/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁶ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 31 марта 2014 г. № 33-4198/14 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁷ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 23 октября 2013 г. № 33-4172/13 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

посещение конкретных сайтов, просмотр соответствующего контента, переписка в социальных сетях и мессенджерах.

По форме восприятия сведения, относящиеся к тайне частной жизни гражданина, могут быть разделены на три группы:

1) текстовая информация – сведения, выраженные в виде буквенных символов;

2) визуальная информация – сведения, зафиксированные в результате фотосъемки либо иным образом (например, изображение гражданина, 3D-модель органа или ткани человека);

3) аудиовизуальная информация – сведения, зафиксированные в результате аудио- и видеосъемки.

Научно-технический прогресс способствует появлению новых способов фиксации информации, поэтому с течением времени формы объективации сведений, относящихся к тайне частной жизни гражданина, будут существенно расширяться. Ярким примером новой формы объективации таких сведений следует признать биометрические персональные данные, которые с учетом нынешнего состояния цифрового развития могут быть отнесены к визуальной информации.

По функциональному назначению сведения, относящиеся к тайне частной жизни гражданина, могут быть разделены на две группы:

1) общая информация – сведения, не имеющие специального функционального предназначения (например, ФИО, сведения о месте жительства гражданина и т.д.);

2) специальная информация – сведения, обособление которых детерминировано конкретным функциональным предназначением (например, банковская, адвокатская, нотариальная тайна).

Данная классификация позволяет дифференцировать сведения, обособление которых вызвано их специализацией, и сведения, имеющие максимально общий характер. Как и все классификации, предложенное деление сведений, относящихся к тайне частной жизни гражданина, на

общие и специальные весьма условно, поскольку по своему функциональному назначению любая информация является специальной, то есть направленной на выполнение определенных функций.

Резюмируем вышеизложенное. Элементами гражданско-правового режима частной жизни лица выступают юридические средства регуляции различной информации о частной жизни лица, среди которых выделяется информация ограниченного доступа, включающая и конфиденциальную информацию. Тайна частной жизни – это совокупность сведений, относящихся к информации ограниченного доступа, к которым, в частности, относятся сведения (о персональных данных; об абонентах и оказываемых им услугах связи; о страхователе и застрахованном лице, состоянии их здоровья, а также имущественном положении этих лиц и др.) и тайны (усыновления; связи; исповеди, а также врачебная, адвокатская, нотариальная, банковская, аудиторская, налоговая и др.).

Пункт 1 ст. 152.2 ГК РФ нуждается в совершенствовании в части дополнения перечневого наполнения сведений, относящихся к тайне частной жизни. Это позволит существенно расширить границы частной жизни при одновременном внесении в нее содержательной определенности. Предложено п. 1 ст. 152.2 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации независимо от формы ее выражения о его частной жизни, в частности сведений о его персональных данных (в том числе о происхождении, о месте его пребывания или жительства; об абонентах и оказываемых им услугах связи; о страхователе и застрахованном лице, состоянии их здоровья, а также имущественном положении этих лиц); о личной и семейной жизни; сведений, составляющих охраняемую законом тайну (усыновления; связи; исповеди, а также врачебную, адвокатскую, нотариальную, банковскую, аудиторскую, налоговую и др.)».

Сведения, относящиеся к тайне частной жизни, в условиях цифровизации общества могут быть классифицированы по следующим основаниям: 1) *по содержанию*: идентификационная информация (цифровые персональные данные, хранящиеся в информационных системах, в том числе пользовательских аккаунтах; cookie-файлы; цифровое изображение гражданина; 3D-модель органов и тканей человека; и др.); тайная информация (банковская тайна, нотариальная тайна, тайна усыновления, налоговая тайна, врачебная тайна и др., хранящиеся в информационных системах); коммуникационная информация (данные геолокации; переписка в социальных сетях/мессенджерах/электронной почте и др.); 2) *по форме восприятия*: текстовая информация (логин и пароль к аккаунту; паспортные данные; ИНН, СНИЛС и др.); визуальная информация (цифровое изображение гражданина, 3D-модель органов и тканей человека и др.); аудиовизуальная информация (видеофайл и др.); 3) *по функциональному назначению*: общая (например, паспортные данные) и специальная (например, сведения, относящиеся к налоговой тайне).

Глава 2. Цифровой образ гражданина как элемент частной жизни в условиях цифровизации общества

§ 2.1 Цифровой образ гражданина: анализ понятийно-категориального аппарата

Понятие цифрового образа гражданина. Термин «цифровой образ» гражданина не относится к числу устоявшихся цивилистических категорий в понятийном аппарате частноправовой науки. Это детерминировано абсолютной новизной общественных отношений, возникающих в этой предметной сфере, и соответствующего этому явлению понятия – цифровой образ (или облик, что равнозначно).

Известно, что эволюция концепции права на цифровой образ является своеобразным частноправовым ответом на технологический вызов, сопряженный с цифровой трансформацией частной жизни гражданина. Применительно к частной жизни гражданина этот технологический вызов связан, прежде всего, с активным использованием в повседневной жизни различного рода гаджетов и, прежде всего, смартфонов. В некотором смысле человек и его персональный смартфон становятся неразлучными спутниками: действительно, в современном мире сложно найти человека, который бы не имел смартфона и не использовал бы его в своей повседневной жизни. Благодаря смартфонам, имеющим функцию геолокации, соответствующие технологии отслеживают местонахождение гражданина, что позволяет утверждать о тотальном контроле за передвижением человека в пространстве. Аналитика поисковых запросов, сделанных гражданином на соответствующих поисковых веб-сайтах, а также активность, которую гражданин демонстрирует в социальных сетях и мессенджерах, позволяют сформировать индивидуальный цифровой образ личности. Этой же цели могут служить и иные онлайн-платформы, существующие в виде приложений к смартфону, позволяющие выяснять

действительные потребности личности и обусловленные ими интересы. Так, маркетплейсы отслеживают товары, приобретенные человеком, и даже информируют его спустя некоторое время после покупки о том, что они у него, вероятно, закончились и нужно бы приобрести их вновь. Приложения, специализирующиеся на доставке продуктов из магазина, анализируют наиболее популярные продукты, употребляемые человеком, и советуют их к покупке. Онлайн банки ведут аналитику расходов гражданина и обладают информацией о том, какая категория расходов гражданина является для него приоритетной. Все эти технологии, основанные на искусственном интеллекте, призванные, как это позиционируется, облегчить и улучшить жизнь человека, помимо прочего осуществляют масштабное, порой неконтролируемое человеком вторжение в его частную жизнь. Очевидно, что эта этико-философская проблематика должна найти и соответствующее правовое обоснование.

Заметим, что в Распоряжении Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"», ныне утратившим силу, отмечалось, что одним из вызовов развитию цифровой экономики России является «проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде»¹⁴⁸. Несмотря на то что этот документ утратил силу, употребление в нем термина «цифровой образ» в контексте вызовов цифровой экономике Российской Федерации свидетельствует об осознании исследуемой нами проблематики на правительственном уровне.

Цивилистическое учение о цифровом образе гражданина находится в зачаточном состоянии. Предшественником цифрового образа гражданина следует признать его персональный образ, эволюция права на который

---

¹⁴⁸ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»...

находится в увязке с развитием технологий фотографирования. Несмотря на то что первая в мире фотография была сделана в 1822 г., сам термин – «фотография» – вошел в обиходный и научный оборот значительно позднее – в 1839 г.¹⁴⁹. Значение технологий фотографирования сложно переоценить: с появлением фотографии стала возможной дифференциация визуального изображения и самого объекта материального мира. Очевидно, что субъективное гражданское право на персональный образ является производным от самого персонального образа, ставшего результатом научно-технического прогресса¹⁵⁰, хотя этот вывод поддерживается не всеми учеными-юристами, отстаивающими независимость указанного субъективного гражданского права и его появление задолго до возникновения технологий фотографирования¹⁵¹. Действительно, до изобретения указанных технологий персональный образ гражданина мог найти объективированное воплощение в живописи или скульптуре, однако потребность в правовой регламентации соответствующего этому образу субъективного гражданского права, скорее всего, отсутствовала по причине крайне редких юридических конфликтов на этот счет. Подчеркнем, что появление соответствующего правового регулирования в Германии было обусловлено широко известным делом наследников канцлера Отто фон Бисмарка против фотографов, запечатлевших труп канцлера¹⁵². Ранее и французский правоприменитель пришел к выводу об абсолютном характере защиты права на персональный образ, несмотря на отсутствие на этот счет на тот момент специального правового регулирования¹⁵³.

---

¹⁴⁹ Считается, что первое закреплённое изображение было сделано в 1822 году французом Жозефом Нисефором Ньепсом (Nicéphore Niépce), однако термин «фотография» связывают с именами Джона Хершеля и Иоганна фон Мадлера. URL: <https://medium.com/@etotmark/самые-первые-фотографии-в-истории-717f30b5ec01> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁵⁰ См. об этом, например: *Polito P.* Op. cit.

¹⁵¹ См., например: *Benatti F.* Danno all'immagine, *Digesto civile* (Torino: UTET, 2011), VI. 275 p.

¹⁵² См. об этом: *Polito P.* Op. cit.

¹⁵³ См. об этом: *Reiter E.H.* Personality and Patrimony: Comparative Perspectives on the Right to One's Image (2001–2002) // *Tulane Law Review*. 2002. Vol. 76. Pp. 673–726.

В российском гражданском законодательстве отсутствует нормативное упоминание персонального образа в перечневом описании нематериальных благ гражданина, однако открытость указанного перечня позволяет правоприменителю руководствоваться расширительным толкованием. Отечественная цивилистическая доктрина оперирует равнозначными по содержанию терминами «внешний облик»¹⁵⁴, «индивидуальный облик»¹⁵⁵, «персональный образ».

В зарубежных правовых порядках встречаются разные трактовки персонального образа, однако в подавляющем большинстве и законодатель и правоприменитель исходят из широкого представления о существовании этого нематериального блага. Так, современная французская юридическая доктрина под персональным образом понимает не только внешность человека, но и иные его идентификаторы, в том числе голос, стиль и др.¹⁵⁶. Из аналогичных представлений исходит и итальянский правоприменитель, признавший в одном из дел, что шерстяная шапочка и маленькие круглые очки, использованные в рекламе, есть уникальные черты, характеризующие индивидуальный образ известного итальянского певца¹⁵⁷.

Германский правоприменитель, вставая на защиту субъективного гражданского права на персональный образ гражданина, отмечает, что решающим фактором гражданско-правовой защиты такого образа выступает возможность идентификации по нему конкретного гражданина. Так, в известном судебном разбирательстве Верховный Суд ФРГ признал индивидуальным образом спину известного футболиста, поскольку она

---

¹⁵⁴ См., например: *Шебанова Н.А.* Современный внешний облик индивидуума: свободен ли выбор? // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 4(62). С. 176–196.

¹⁵⁵ См., например: *Малеина М.Н.* Право обучающегося и преподавателя на индивидуальный облик // Lex russica. 2019. № 3. С. 24–33.

¹⁵⁶ См., например: *Logeais E. & Schroeder J.-B.* The French Right of Image: An Ambiguous Concept Protecting the Human Persona // *The Loyola of Los Angeles Entertainment Law Journal*. 1998. Vol. 18. P. 551.

¹⁵⁷ См. об этом: *Polito P.* Op. cit.

имела такие идентифицирующие признаки, как осанка, причёска, рост и т.д.¹⁵⁸.

В отечественной правоприменительной практике также встречаются споры, касающиеся защиты субъективного гражданского права на персональный образ, однако в отсутствие специального правового регулирования в отношении такого нематериального блага заявители прибегают к использованию смежных правовых норм и институтов. Так, истец обратился в суд с требованием о защите права на охрану изображения, мотивируя свою позицию следующим образом: ответчиком создан персонаж фильма – Михаил Стасов, внешне максимально похожий на истца, скопирован с истца, создан с использованием наиболее характерных индивидуальных признаков внешности истца. Примечательно, что суд, согласившись с тем, что персональный образ истца использован для героя соответствующего фильма, отказал в удовлетворении иска о защите права на охрану изображения и возмещении морального вреда, так как истцом не сделано ни одного указания на использование в спорном фильме фотографий, видеозаписей или произведений изобразительного искусства с изображением истца¹⁵⁹. Этот пример крайне показателен: он свидетельствует о том, что в условиях российской правовой действительности персональный образ не признается самостоятельным нематериальным благом, для его защиты используются смежные нормы права, которые, как представляется, создают дополнительные основания для отказа в иске. Представляется, что подобная «печальная» судьба ждет и цифровой образ, который, не будучи легализованным, не получит соответствующей правовой защиты.

Если признать, что персональный образ – это общее, а цифровой образ – это частное, то необходим еще один термин – «информационный образ». При этом терминологический ряд должен быть представлен в следующем

---

¹⁵⁸ См. об этом: *Bergmann S. Publicity Rights in the United States and Germany: A Comparative Analysis // Loyola of Los Angeles Entertainment Law Journal. 1999. Vol. 19. Pp. 479–480.*

¹⁵⁹ *Апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2013 г. по делу № 11-27507 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

виде: персональный образ – информационный образ – цифровой образ. Интересное замечание на этот счет сделано Д.Е. Богдановым, отметившим, что право на персональный образ эволюционировало в право на цифровой образ, который в работе ученого раскрыт через биопринтинг¹⁶⁰.

Термин «информационный образ» не популярен в правовой научной литературе, хотя наличие такого явления вряд ли может быть поставлено под сомнение. Интересные замечания на этот счет сделаны Е.В. Богдановым, подробно изучившим роль информации как объекта гражданских правоотношений. Так, он отмечает, что совокупность многочисленных и весьма разнообразных сведений, характеризующих гражданина, создают его индивидуальный информационный образ. В числе таких сведений Е.В. Богданов упоминает и деловую репутацию, и происхождение человека, и его отношение к религии, и место жительства, и семейное положение, и наличие/отсутствие детей, а также иные сведения. Ключевой тезис, в контексте которого указанный автор обращается к проблематике информационного образа личности, может быть сформулирован следующим образом: информация, представленная в виде разнообразных сведений, является содержательной основой информационного образа, нуждающегося в эффективной правовой защите¹⁶¹. Он справедливо замечает недостаток гражданско-правовых средств, обеспечивающих эффективную защиту этого информационного образа: констатируется, что признание информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав могло бы существенно снять эту проблему¹⁶². Действительно, отказ от этого некогда бывшего объектом гражданских прав объекта был преждевременен и непоследователен. Ясно, что законодатель руководствовался тем, что появился корпус норм, посвященный ноу-хау, однако это обстоятельство

---

¹⁶⁰ Богданов Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ. С. 685.

¹⁶¹ Богданов Е.В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 31.

¹⁶² Там же. С. 29–33.

само по себе не означает утраты информацией статуса объекта гражданских прав. В этой связи стоит рекомендовать законодателю вернуться к признанию информации объектом гражданских прав, включив ее в ст. 128 ГК РФ.

Обратимся к некоторым доктринальным представлениям о цифровом образе гражданина.

Обстоятельное изучение цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике проведено В.О. Пучковым, который понимает под цифровым образом проекцию личности в цифровой среде, в том числе за счет аккаунтов в социальных сетях, профилях в мессенджерах, каналов на видеохостингах и т.д.¹⁶³. В своей работе он обращает внимание на уже упомянутый нами признак цифровой частной жизни – ее управляемость субъектом персональных данных. Речь идет о том, что цифровой образ, созданный и контролируемый конкретным физическим лицом, не всегда отражает объективную социальную реальность¹⁶⁴. Нетождественность цифровой и социальной реальности может быть обусловлена различными причинами. Одной из них является практика создания так называемых «фейковых» аккаунтов¹⁶⁵, которые, как известно, не обеспечены надлежащей нормативно-правовой базой в части привлечения к юридической ответственности.

Э.В. Талапина, рассуждая в рамках исследуемой нами проблематики, отмечает, что человек нередко использует вымышленно созданный им цифровой образ для маскировки, позиционируя себя несуществующей виртуальной личностью¹⁶⁶. В контексте сделанного автором вывода

---

¹⁶³ Пучков В.О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.

¹⁶⁴ См. об этом: Кавеева А.Д., Гурин К.Е. Искусственные профили «ВКонтакте» и их влияние на социальную сеть пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. XXI, № 2. С. 214.

¹⁶⁵ См., например: Скворцов А. Поддельные аккаунты: erat, est, fuit? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 2. С. 25–34.

¹⁶⁶ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 6.

представляет особый интерес решение Арбитражного суда города Москвы от 25 октября 2019 г. по делу № А40-169180/19-51-1466. Суть обозначенного спора была сведена к следующему: юридическое лицо обнаружило, что некий гражданин, обладающий профилем, именуемым его настоящим именем и фамилией, на своей персональной странице в социальной сети «Facebook»¹⁶⁷ изложил факты, отрицательно характеризующие предпринимательскую деятельность юридического лица-истца. Рассматривая это дело, Арбитражный суд города Москвы пришел к выводу о том, что истец не доказал факт принадлежности спорного аккаунта в указанной социальной сети конкретному гражданину, что послужило основанием для формулирования вывода об избрании ненадлежащего ответчика¹⁶⁸.

Аналогичный правоприменительный подход отражен и в другом судебном акте. Так, заявителем предъявлено требование о признании сведений, размещенных в социальной сети и на интернет-сайте, не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию, обязанности опровергнуть сведения путем публикации опровержений в аналогичной форме. Арбитражный суд Московского округа по данному делу вынес следующее решение: в удовлетворении требования отказано, поскольку статья, содержащая спорные сведения, является набором постов третьих лиц, при этом из данных постов не следует, что оспариваемые высказывания имеют отношение к истцам, кроме того, переписка с истцами не доведена до широкого круга лиц и не опубликована в СМИ¹⁶⁹.

Прямо противоположный подход избрал Арбитражный суд Республики Саха (Якутия). Так, в одном из дел, связанным с признанием сделки акционерного общества сделкой с заинтересованностью, суд принял во внимание в качестве доказательства родственной связи акционера и

---

¹⁶⁷ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

¹⁶⁸ *Решение* Арбитражного суда города Москвы от 25 октября 2019 г. по делу № А40-169180/19-51-1466 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁹ *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 03 июля 2018 г. № Ф05-9415/2018 по делу № А40-73666/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

контрагента по оспариваемой сделке скриншот из социальной сети «ВКонтакте», подтверждающий, что мажоритарный акционер занесен в графу «Родственники» в персональном профиле контрагента по оспариваемой сделке. Примечательно, что в этом судебном разбирательстве суд не ставил под сомнение факт принадлежности страницы в социальной сети «ВКонтакте» конкретному человеку, руководствуясь сличением ФИО цифрового образа и реального человека, а также размещенной им в профиле фотографии¹⁷⁰.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют проблему соотношения индивидуальной личности с его предполагаемым цифровым образом. Признавая эту проблематику, ученые-юристы отдают приоритет технической стороне этого вопроса, полагая, что проблему идентификации стоит решать именно техническими средствами¹⁷¹.

Добавим, что создание цифрового образа, соответствующего действительности, не является обязанностью гражданина, равно как и создание цифрового образа, не соответствующего действительности, не влечет негативных последствий для такого лица.

Ни Закон об информации, ни иные нормативно-правовые акты в этой сфере не предъявляют соответствующих требований о достоверности информации, размещаемой о себе в сети Интернет, к гражданину. Интересно, что подобное требование предъявляется к участникам краудфандинговых отношений: так, в п. 4 ст. 15 Федерального закона РФ от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ¹⁷² содержится перечень информации, которая в обязательном

---

¹⁷⁰ *Решение* Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 27 декабря 2018 г. по делу № А58-5241/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷¹ См., например: *Анисимова А.С.* Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 19; *Голоскоков Л.В.* Теория сетевого права / под ред. А.В. Малько. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 32; *Жарова А.К.* Проблемы анонимности субъектов в сети Интернет // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 5. С. 154; *Наумов В.Б.* К вопросу о формировании института идентификации субъектов в системе российского информационного права // Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы: сб. науч. работ / отв. ред. Т.А. Полякова, И.Л. Бачило, В.Б. Наумов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. С. 151–152 и др.

¹⁷² *О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: Федеральный закон РФ.

порядке должна быть раскрыта, если лицо привлекает инвестиции с использованием инвестиционных платформ (например, требуется сообщить имя, дату и место рождения, адрес места жительства физического лица – индивидуального предпринимателя)¹⁷³.

Стоит поддержать В.О. Пучкова, который сформулировал общий вывод в рамках исследуемой проблемы: в отсутствие правового регулирования цифрового образа гражданина правоприменительная практика исходит из опровержимой презумпции непринадлежности цифрового образа субъекту, данные которого отражены в этом цифровом образе¹⁷⁴. Действительно, такой вывод следует из анализа значительного объема судебно-арбитражной практики, имеющейся по этому поводу¹⁷⁵.

А.А. Карцхия, обращаясь к проблематике цифрового образа гражданина, приходит к небезынтересному выводу о том, что такой образ выступает формой реализации праводеееспособности лица в цифровом пространстве¹⁷⁶. Заметим, что исследователи, затрагивающие обозначенную проблематику, акцентируют внимание в основном на имущественной природе цифрового образа гражданина, оборотоспособности такого образа, возможности заключения гражданско-правовых сделок в отношении него, а также допустимости его участия в наследственной массе¹⁷⁷. Однако малоизученными остаются вопросы, связанные с личными

---

¹⁷³ См. об этом: *Кузнецова О.А.* Экономико-социальная природа и правовая форма краудфандинговых отношений // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 473–483.

¹⁷⁴ *Пучков В.О.* Указ. соч. С. 146.

¹⁷⁵ См., например: *Постановление* Пятого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2020 г. по делу № А51-330/2019; *Постановление* Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06 февраля 2020 г. по делу № А65-7151/2019; *Постановление* Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2020 г. по делу № А60-17074/2019; *Постановление* Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2020 г. по делу № А76-40662/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁶ *Карцхия А.А.* Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1(30). С. 26.

¹⁷⁷ См., например: *Комиссарова О.Р.* Социальные сети и наследование персональных данных: этические и прагматические аспекты // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2018. № 1(14). С. 21; *Панарина М.М.* Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 27 и др.

(неимущественными) правами, сопутствующими цифровому образу личности, в том числе связанные с цифровой частной жизнью гражданина.

Весьма интересное исследование цифрового образа осуществлено Е.В. Богдановым, который рассматривает соответствующему указанному образу концепцию в контексте технологии биопринтинга. Как известно, указанная технология сводится к созданию трехмерного аналога тканей и органов человека посредством цифрового шаблона¹⁷⁸. Поскольку указанная технология использует исходные данные конкретного человека, в том числе результаты КТ или МРТ его органов и тканей, постольку можно рассуждать о диджитализации тела человека. Так, Е.В. Богданов приходит к выводу о том, что аддитивные технологии, то есть технологии, позволяющие создавать цифровую модель объекта материального мира, окончательно сотрут границу между физической и цифровой реальностью и обеспечат гражданско-правовое регулирование новыми пробелами¹⁷⁹.

По замечанию И.З. Аюшеевой, технология биопринтинга – это серьезный этико-правовой вызов, прежде всего, нематериальным благам человека, поскольку благодаря аддитивным технологиям становится потенциально возможным посягательство на индивидуальность строения тела и его органов конкретного человека¹⁸⁰. Действительно, аддитивные технологии ставят под угрозу неприкосновенность персонального образа человека, его индивидуальности. Так, в случае незаконного посягательства на 3D-модель лица человека правонарушитель может использовать эту модель в пластической хирургии с целью создания имплантатов органов

---

¹⁷⁸ См. об этом: *Горбатов Р.О., Романов А.Д.* Создание органов и тканей с помощью биопечати // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2017. № 3(63). С. 3–9; *Миронов В.А.* Вслед за создателем. Технологии биопринтинга // Наука из первых рук. 2013. № 4. С. 14–25; *Хесуани Ю.Дж., Сергеева Н.С., Миронов В.А., Мустафин А.Г., Каприн А.Д.* Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати // Гены и клетки. 2018. № 3. С. 38–45 и др.

¹⁷⁹ *Богданов Д.Е.* Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ. С. 686.

¹⁸⁰ *Аюшеева И.З.* Осуществление личных неимущественных прав при создании биопринтных человеческих органов // *Lex russica*. 2020. № 7. С. 24–33.

этого лица и, как следствие, фактического копирования внешнего образа такого человека.

Цифровой след и цифровая тень в контексте изучения цифрового образа гражданина. Предваряя научные представления о цифровом следе и цифровой тени, стоит заметить, что данные понятия не являются ни юридическими категориями, ни научными терминами. Однако их изучение в контексте формирования представления о цифровом образе гражданина и, как следствие, его цифровой частной жизни, обладает огромным эвристическим потенциалом, поскольку имеет непосредственную связь с персональными данными, находящимися в цифровом пространстве.

«Цифровой след» и «цифровая тень» – нередко фигурируют в научных исследованиях, в том числе и правового характера. Однако, что более важно, они отражают объективно существующие явления, связанные с активностью человека в сети Интернет. Несмотря на то что и цифровой след, и цифровая тень не имеют соответствующей правовой регламентации, очевидно, что любая деятельность в сети Интернет может порождать юридически значимые последствия, что предопределяет необходимость соответствующих научных разработок цифрового следа и цифровой тени.

Анализ юридической литературы, посвященной обозначенной тематике, позволил нам сформулировать два основных вывода: 1) тематика цифрового следа более популярна, чем тематика цифровой тени, однако она находится в центре внимания ученых-криминалистов, то есть исследуется преимущественно в уголовно-правовом ключе¹⁸¹; 2) ни цифровой след, ни цифровая тень не упоминаются в контексте научных разработок цифрового образа гражданина или его частной жизни в целом.

Одним из признаков информации, хранящейся в сети Интернет, является бессрочность ее нахождения в соответствующих информационных

---

¹⁸¹ См., например: Семикаленова А.И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 115–120; Жижилева А.А. О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 913–918.

системах, что предопределяет особую важность охраны той информации, которая составляет цифровую частную жизнь гражданина. Информация, попавшая в сеть Интернет и хранящаяся там с помощью Big Data, оставляет цифровые следы и цифровую тень. Большинство ученых сходятся во мнении относительно понимания под цифровым следом той информации, которая оставлена пользователем о самом себе в любых информационных системах сети Интернет¹⁸². В отличие от цифрового следа, цифровая тень представляет собой совокупность информации, идентифицирующей гражданина, но собранной информационными системами без явно выраженного согласия такого гражданина либо вопреки ему. В специальной литературе можно встретить тезис о том, что формирование цифровой тени осуществляется неявно путем наслаивания разнообразной информации¹⁸³. В научной литературе встречается и иная классификация подобной информации: оперируя термином «цифровая тень», некоторые исследователи подразделяют цифровой след на активный и пассивный. При этом суть первого сводится к предложенному нами ранее пониманию цифрового следа, а второго – к пониманию цифровой тени¹⁸⁴.

Стоит отметить, что криминалисты оперируют понятием «след» на протяжении всей истории существования криминалистической науки. Этот факт, как представляется, предопределяет несколько искаженное представление о цифровом следе. Так, криминалисты классифицируют следы на материальные и идеальные, но испытывают трудности при включении в

---

¹⁸² Жижилева А.А. Указ. соч. С. 916; Черданцев А.Ю. Цифровые следы как криминалистический феномен // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4. С. 179 (С. 178–180); Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. № 3. С. 209.

¹⁸³ См., например: Бояркина Л.А., Бояркин В.В. Цифровой след и цифровая тень как производные персональных данных // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 62. С. 79–80; Смирнов А. Новая реальность: какие угрозы несет сбор пользовательских данных // RB.RU. 2019. 29 марта и т.д.

¹⁸⁴ См., например: Буйнов Д.О. Виды цифровых следов преступлений в сфере экономической деятельности и особенности их исследования экспертом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 140–148.

эту дихотомическую классификацию цифрового следа¹⁸⁵. Можно констатировать, что криминалисты, оперируя термином «цифровой след», вкладывают в это понятие несколько иное содержание, чем представители частноправовых наук. К примеру, классифицируя цифровые следы по характеру происхождения на оставленные человеком непосредственно (например, записи в социальных сетях) и оставленные человеком опосредованно (например, данные телеметрии, файлы регистрации, атрибуты создаваемых файлов)¹⁸⁶, криминалисты фактически отождествляют цифровой след и цифровую тень, в отношении которых цивилисты предлагают дифференцированное восприятие и правовое регулирование.

Под цифровым следом криминалисты понимают «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи»¹⁸⁷.

Необходимость выяснения криминалистического статуса цифрового следа детерминирована его доказательственной функцией, что актуализирует соответствующие научные разработки¹⁸⁸. Так, одним из направлений следственных действий выступает анализ активности подозреваемого в социальных сетях. К примеру, исследование доказательств в деле о массовом убийстве в гимназии № 175, произошедшем 11 мая 2021 г. в г. Казани, в деле о массовом убийстве в Пермском государственном национальном

---

¹⁸⁵ См., например: *Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В.* Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // *Российский юридический журнал*. 2019. № 6. С. 61–68; *Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г.* К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 2. С. 63–67.

¹⁸⁶ *Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В.* Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // *Российский юридический журнал*. 2019. № 6. С. 66.

¹⁸⁷ *Россинская Е.Р., Рядовский И.А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // *Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф.* (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 7. Аналогичное по содержанию определение представлено в монографии: *Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н.* Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. С. 168.

¹⁸⁸ См., например: *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex Russica*. 2019. № 5. С. 91–104; *Овсянников Д.В.* Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 21 с.; *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. № 1. С. 298–303.

исследовательском университете, произошедшем 20 сентября 2020 г. и др. аналогичных делах, началось с анализа постов, оставленных преступниками в социальных сетях.

Основная проблематика цифрового следа как средства доказывания связана с отсутствием такого вида доказательств в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁸⁹. Примечательно, что в зарубежной криминалистической литературе встречаются работы, посвященные цифровому следу, однако в отличие от аналогичных отечественных разработок, направленных на поиск законодательных решений легализации соответствующего вида доказательств, иностранные исследования сконцентрированы, главным образом, на содержательной сущности соответствующих следов¹⁹⁰.

Особого внимания в рамках настоящего исследования заслуживают «Методические рекомендации по организационной защите физическим лицом своих персональных данных», разработанные Роскомнадзором. В указанных рекомендациях предложен глоссарий, содержащий специальные цифровые термины, среди которых упоминаются «цифровой след» и «цифровая тень». Так, под цифровым следом предложено понимать «результат цифрового присутствия, осуществленного самим субъектом за счет деятельности и с помощью своих устройств», а под цифровой тенью – «цифровое присутствие, осуществляющееся без участия самого субъекта за счет деятельности и устройств третьих лиц». Как видим, в основе обоих определений фигурирует такой термин, как «цифровое присутствие», под которым Роскомнадзор предлагает, в свою очередь, понимать «постоянное участие в обмене информацией и взаимодействие вне зависимости от местоположения, необходимое для обеспечения производственной

---

¹⁸⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁹⁰ См., например: *Sadiku M., Tembely M., Musa S.* Digital Forensics // International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering. 2017. № 7. P. 274–276; *Casey E.* Maturation of digital forensics // Digital Investigation. 2019. № 29.

деятельности и эффективного общения». Добавим, что в Методических рекомендациях указывается, что цифровой след и цифровая тень образуют в совокупности цифровой штамп.

Важность цифрового следа и цифровой тени предопределена тем объективным обстоятельством, что эти явления, на наш взгляд, являются неотъемлемыми структурными элементами цифрового образа гражданина. Примечательно, что в отличие от цифровой тени цифровой след является следствием добровольных сознательных действий пользователя – носителя персональных данных в сети Интернет. Подчеркнем, что юридическое значение цифрового следа и цифровой тени предопределено квалификацией информации, составляющей их контентное наполнение, в качестве персональных данных. Значимость этого вывода обусловлена прежде всего тем, что подобная квалификация предопределяет распространение на цифровой след и цифровую тень всех норм, касающихся персональных данных (включая правила о юридической ответственности). При этом практика демонстрирует серьезные затруднения, связанные с привлечением соответствующих лиц к юридической ответственности. Это обусловлено тем, что, имея желание осуществить какие-либо действия на конкретной информационной платформе, работающей, как правило, с помощью сети Интернет, пользователь вынужден дать согласие на сбор, хранение и обработку своих персональных данных. Это согласие текстуально располагается в так называемой «Политике конфиденциальности» либо в аналогичных разделах и подписывается с помощью такого механизма, как click-wrap-соглашение. По мнению А.В. Гапанович, подобная модель дачи согласия в отношении операций с персональными данными с учетом изначального неравенства субъекта персональных данных и оператора,

является «ограничивающей права пользователя», поскольку последний дает такое согласие по сути вынужденно¹⁹¹.

Заметим, что и цифровой след, и цифровая тень так или иначе – это совокупность различной информации, что предопределяет распространение на них норм Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁹². Толкование п. 1 ст. 7 указанного закона, в котором дается определение общедоступной информации, позволяет заключить, что информация, составляющая контентное наполнение цифрового следа, является общедоступной, что предопределяет распространение на нее режима свободного использования. Поэтому цифровой след, состоящий из персональных данных, размещенных в сети Интернет, проходит процедуру получения самостоятельного согласия по правилам ст. 10.1 Закона о персональных данных. При этом информация, составляющая цифровой след и цифровую тень, не имеет законодательных ограничений в части ее предоставления третьим лицам.

Таким образом, правовой режим информации, составляющей цифровой след, и правовой режим информации, составляющей цифровую тень, несомненно, обладают общими чертами. Во-первых, их объединяет общий родовый признак, в качестве которого и в случае с цифровым следом, и в случае с цифровой тенью выступают персональные данные, имеющие самостоятельное правовое регулирование. Во-вторых, они имеют схожие технические характеристики: существуют в цифровом формате в рамках конкретной информационной системы, которая, в свою очередь, функционирует через сеть Интернет. Наконец, в-третьих, на что уже

---

¹⁹¹ Гапанович А.В. Цифровые следы и цифровые тени: правовая квалификация // Юрист. 2022. № 6. С. 2–7.

¹⁹² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

обращалось внимание, они хранятся неограниченное количество времени даже в случае их удаления пользователем.

Однако у сопоставляемых явлений есть и очевидные отличия. Так, информация, составляющая цифровую тень, практически неподконтрольна субъекту соответствующих персональных данных: ему неизвестно, какая именно информационная система собирает его данные, какие именно данные, как эти данные затем использует. Эти обстоятельства определяют крайнюю уязвимость цифровой частной жизни гражданина. Связь цифровой тени и частной жизни гораздо теснее, чем кажется на первый взгляд. К примеру, изучение истории запросов видеороликов, которые интересовали пользователя в тот или иной промежуток времени, что сгенерировано соответствующим видеохостингом, позволяет понять внутренний мир человека, его переживания либо события, происходящие с ним. Так, если гражданин запрашивает видеосюжеты, посвященные расторжению брака, разделу имущества, психологии взаимоотношений мужчины и женщины, то можно с высокой вероятностью полагать, что такой пользователь находится в стадии расторжения брака или намеревается это сделать. В смоделированной нами ситуации в ближайшее время после подобных запросов наш вымышленный пользователь получит рекламу юридических услуг семейного юриста, специализирующегося на бракоразводных делах. Подобная таргетированная реклама – это пример безусловного посягательства на цифровую образ гражданина, а именно на его цифровую тень. Интересно, что в специальной литературе отмечается, что в случае с цифровой тенью решающее техническое значение имеет генерация данных, что игнорирует законодатель как в Законе об информации, так и в Законе о персональных данных¹⁹³.

Резюмируем вышеизложенное.

---

¹⁹³ См. об этом: *Боровиков А.* Цифровые двойники и цифровые тени в высокотехнологичной промышленности // *Seldon. News.* 2018. 26 октября.

Цифровой образ гражданина является частью информационного образа, который, в свою очередь, представляет собой структурный элемент персонального образа.

Дано авторское определение понятия «цифровой образ гражданина» – это нематериальное благо, полученное в результате реализации права на неприкосновенность частной жизни, включающее цифровой след и цифровую тень, состоящие из идентификационной, тайной и коммуникационной информации.

Элементами цифрового образа выступают цифровой след и цифровая тень, представляющие собой персональные данные, размещенные в информационных системах, функционирующих в сети Интернет, которые дифференцируются по такому признаку, как волеизъявление носителя персональных данных на размещение соответствующей информации, а также последующие операции с ней: в отличие от цифрового следа цифровая тень представляет собой совокупность информации, идентифицирующей гражданина, но собранной информационными системами без явно выраженного согласия такого гражданина либо вопреки ему.

§ 2.2 Идентификационная информация, составляющая цифровой образ гражданина

Правовой режим персональных данных по российскому гражданскому праву. Среди информации, идентифицирующей гражданина, центральное место отведено персональным данным, которые обладают самостоятельным правовым режимом. Примечательно, что в Указе о конфиденциальных сведениях к последним отнесены «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в

установленных федеральными законами случаях». Этот пункт заслуживает особого внимания, поскольку специально посвящен «частной жизни» гражданина. Заметим, что квалификация сведений о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина именно в качестве персональных данных, требует обращения к специальному федеральному законодательству, непосредственно посвященному персональным данным¹⁹⁴. Как справедливо замечает А.И. Савельев, этот Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» является приоритетным по отношению к анализируемому Указу о конфиденциальных сведениях в силу двух причин: юридической силы федерального закона в сравнении с указом Президента РФ; статуса *lex specialis*, поскольку все его содержание сосредоточено исключительно на персональных данных¹⁹⁵. Подчеркнем, что в Законе о ПД под персональными данными предлагается понимать «любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». В этом смысле процитированное определение по своему объему шире того, которое представлено в Указе о конфиденциальных сведениях. Дискуссионность понятия персональных данных способствовала созданию рабочей группы по определению матрицы персональных данных по инициативе Роскомнадзора в рамках Консультативного совета при уполномоченном органе по защите прав субъектов персональных данных. Члены этой рабочей группы, констатируя широкое понимание персональных данных, выходящее за рамки разумно ожидаемого, заключили, что формулирование иного, менее абстрактного понятия персональных данных, не представляется возможным¹⁹⁶.

---

¹⁹⁴ О персональных данных: Федеральный закон РФ.

¹⁹⁵ Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016. 640 с.

¹⁹⁶ См. об этом: *Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий (постатейный)* / А.Х. Гафурова, Е.В. Доротенко, Ю.Е. Контемиров и др.; под ред. А.А. Приезжевой. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 11. 176 с.

Заметим, что анализ судебно-арбитражной практики наглядно демонстрирует противоречивость подходов к пониманию исследуемого феномена. Так, согласно узкому подходу к пониманию персональных данных, не допускается квалификация в качестве персональных данных таких сведений, как ИНН¹⁹⁷, СНИЛС¹⁹⁸, паспортные данные¹⁹⁹. Главная причина отказа от квалификации перечисленных данных в качестве персональных – это невозможность идентификации по этим данным конкретного лица. Широкий же подход, напротив, исходит из того, что «к числу идентификаторов (данных, позволяющих однозначно идентифицировать физическое лицо), которые сами по себе однозначно определяют физическое лицо, в том числе могут быть отнесены: номер и серия паспорта; страховой номер индивидуального лицевого счета; идентификационный номер налогоплательщика; биометрические данные; банковский счет, номер банковской карты и т.д.)»²⁰⁰. Интересным видится правоприменительный акт, в котором в качестве персональных данных, по которым можно идентифицировать конкретное лицо, квалифицированы такие сведения, как место проживания, дата рождения, семейное, социальное и имущественное положение, образование, профессия, доходы²⁰¹.

Отдельного научного внимания заслуживает такая разновидность персональных данных, как биометрические персональные данные. Под биометрическими персональными данными законодатель в ст. 11 Закона о

---

¹⁹⁷ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 3 февраля 2015 г. по делу № 2-3097/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁸ Решение Белоглинского районного суда Краснодарского края от 22 июня 2014 г. по делу № 2-300/2014 № 2-300/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁹ Определение Московского городского суда от 29 февраля 2012 № 33-6709; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 июня 2010 г. по делу № А56-4788/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁰ См. об этом: Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 04 июля 2017 г. по делу № 33-6394/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». См. об этом также: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2017 г. № 19АП-126/2017 по делу № А48-4470/2016; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 октября 2017 г. № 33-19446/2017 по делу № 2-2998/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁰¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2014 г. по делу № 33-5461 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ПД предложил понимать «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных». Стремительное проникновение биометрических персональных данных во многие сферы жизни общества способствует существенной модернизации правовой базы, регламентирующей этот феномен²⁰².

Цифровые персональные данные. Как верно отметила К.А. Мефодьева, персональные данные, используемые в цифровой среде, выступают отражением социального бытия личности²⁰³. Многочисленные и весьма разнообразные цифровые персональные данные создают образ реального человека, как правило обладающего правосубъектностью. В этом смысле стоит заметить, что цифровые персональные данные имеют ценность только по причине связанности с конкретной реальной личностью. Будучи цифровой информацией, существующей в виртуальном мире, эти данные создают необъективируемый цифровой образ гражданина.

Стоит заметить, что проблема управления идентификационными персональными данными и их верификацией признается на международном уровне, что подтверждается разработкой Комиссией ООН по праву международной торговли Проекта положений о трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг²⁰⁴. Этот документ направлен на регламентацию вопросов идентификации

---

²⁰² См., например: *Об утверждении Положения о единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица: постановление Правительства РФ от 16 июня 2022 г. № 1089 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2022); Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных: постановление Правительства РФ от 06 июля 2008 г. № 512 (ред. от 27.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 14.07.2008. № 28. Ст. 3384.*

²⁰³ *Мефодьева К.А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 173.

²⁰⁴ URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.9/WG.IV/WP.160> (дата обращения: 16.03.2023).

участников международной торговли, которые применяют при этом свой цифровой образ.

Легальная дефиниция персональных данных позволяет отнести к ним любую информацию, способствующую идентификации гражданина в цифровом пространстве. Из этого следует, что помимо «классических» сведений, идентифицирующих гражданина, в том числе паспортных данных, ИНН, СНИЛС, места регистрации и т.д., цифровое пространство оперирует значительным объемом разнообразной информации, идентифицирующей личность. Сразу заметим, что формулирование закрытого перечня такой информации – невыполнимая задача, поскольку не представляется возможным достоверно установить виды информации, генерируемые каждой информационной системой. Однако для достижения цели настоящего исследования анализ наиболее популярных видов цифровых персональных данных представляется необходимым.

Прежде всего, заметим, что и «классические» персональные данные, перечисленные выше, являются частью цифровой среды. Так, большое значение в этом смысле имеет справочно-информационный интернет-портал, именуемый Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее по тексту – Госуслуги). Этот портал уникален тем, что помимо общей информации, идентифицирующей личность (паспортные данные, ИНН, СНИЛС, сведения о месте жительства, сведения о месте регистрации, сведения о водительском удостоверении, сведения о полисе обязательного медицинского страхования, сведения о семейном положении, в том числе свидетельства о рождении детей, сведения о военном билете и т.д.), он обладает аутентифицирующей функцией по отношению к иным государственным сервисам. Это, в частности, означает, что вход в личные кабинеты на иных информационных системах, в том числе в личный кабинет налогоплательщика, в личный кабинет получателя услуг Социального фонда России, в личный кабинет регионального портала медицинских услуг и т.п.,

обусловлен обладанием аккаунтом на портале «Госуслуги». С одной стороны, такое техническое решение упрощает повседневное взаимодействие гражданина с органами государственной и муниципальной власти, государственными и муниципальными учреждениями. Так, наибольшей популярностью на портале «Госуслуги» пользуются такие услуги, как оформление паспорта гражданина РФ и загранпаспорта, запись на прием к врачу, получение информации о штрафах ГИБДД и их оплата, получение информации о налоговой задолженности и ее погашение, заказ справки о наличии/отсутствии судимости, запись ребенка в детский сад, подача налоговой декларации и т.д. Однако, с другой стороны, такая концентрация информации о гражданине, отражающая его цифровой образ, делает цифровую частную жизнь такого гражданина крайне уязвимой. С учетом того что цифровая частная жизнь гражданина, будучи отражением его поведения в цифровом пространстве, всегда имманентно связана с нецифровым бытием личности, можно сделать однозначный вывод о уязвимости частной жизни гражданина в целом в условиях тотальной цифровизации его персональных данных.

Стремительное развитие научно-технического прогресса способствует появлению новых видов информации, которые с течением времени получают признанный статус персональных данных. К примеру, А.И. Савельев, основываясь на данных правоприменительной практики, приводит небезынтересные примеры квалификации в качестве персональных данных новых видов цифровой информации. В их числе: хеш-ИД пользователя (уникальный идентификатор активного пользователя), cookie-файлы, данные, собираемые сервисами Яндекс.Метрика и Google Analytics²⁰⁵. Комментируя этот вывод, подчеркнем, что любая информация, идентифицирующая гражданина, требует соответствующей квалификации в качестве

---

²⁰⁵ См. об этом: *Савельев А.И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // *Вестник гражданского права.* 2020. № 1. С. 60–92.

персональных данных²⁰⁶. Однако с учетом разработанной в рамках настоящей диссертационной работы классификации, предлагаем в некотором роде «искусственную» дифференциацию цифровых персональных данных на идентификационные и коммуникационные. Это означает следующее: к примеру, cookie-файлы, отражающие сайты, которые посещал пользователь, и запросы, которые он на них делал, одновременно выступают и идентифицирующей и коммуникационной информацией. Однако функциональное значение такой информации зависит от того, какой вид генерации предусмотрен соответствующей информационной системой и что позволяет выяснить сгенерированная информация.

Пользовательский аккаунт как средство объективации цифровых персональных данных. Помимо относительно нового для гражданского права понятия «цифровой образ», квалифицированного нами в качестве нематериального блага, отдельного научного внимания заслуживает такое терминологическое обозначение, как «пользовательский аккаунт». Это обусловлено тем, что именно пользовательский аккаунт, как правило, вступает средством концентрации цифровых персональных данных. Заметим, что термин «пользовательский аккаунт» не является устоявшимся, поскольку разные информационные системы используют отличные по своему наименованию, но тождественные по содержанию обозначения: профиль, аккаунт, персональная страница и т.п.

Самым ярким примером пользовательского аккаунта является аккаунт в социальной сети, который с точки зрения информационных технологий представляет собой совокупность идентифицирующей и аутентифицирующей пользователя информации²⁰⁷. Переходя к анализу проблем правового режима цифровых персональных данных,

---

²⁰⁶ См., напр.: *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Правовые аспекты обработки персональных данных в сфере транспортного обеспечения физических лиц // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 2. С. 45–49.

²⁰⁷ См., например: *Bourke Ch.* Computer Science. Lincoln: University of Nebraska - Lincoln, 2018. P. 30; *Huth M., Ryan M.* Logic in Computer Science: Modelling and Reasoning about Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 37.

объективированных в пользовательском аккаунте в социальной сети, подметим, что в научной литературе можно встретить юридическую квалификацию аккаунта в качестве базы данных, а пользователя социальной сети – в качестве ее изготовителя²⁰⁸. Примечательно, что к аналогичному выводу пришел и Суд по интеллектуальным правам²⁰⁹. При этом представляется затруднительным соотнести права пользователя социальной сети на свой аккаунт и права администратора социальной сети на всю совокупность пользовательских аккаунтов. Обозначенное затруднение было предметом известного судебного разбирательства, истцом по которому выступил администратор российской социальной сети «ВКонтакте». Причиной обращения в суд послужила неправомерная, по мнению истца, деятельность конкретных юридических лиц по сбору персональных данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» с целью передачи этой информации кредитным организациям. По мнению заявителя, подобные действия ответчиков нарушали его исключительные права на созданную им базу данных в виде совокупности пользовательских аккаунтов социальной сети «ВКонтакте». Арбитражный суд города Москвы, рассматривавший это дело в первой инстанции, пришел к выводу о том, что истец не имеет исключительных прав, поскольку не является разработчиком базы данных пользовательских аккаунтов, представляющих собой отдельные результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие соответствующим пользователям²¹⁰. Однако Девятый арбитражный апелляционный суд занял в этом споре противоположную позицию, удовлетворив требования истца и квалифицировав социальную сеть «ВКонтакте» в качестве базы данных, являющейся объектом интеллектуальной деятельности истца, несмотря на то

---

²⁰⁸ См., например: *Митягин К.С.* Правовая природа страницы социальной сети // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5. С. 74.

²⁰⁹ *Постановление* Суда по интеллектуальным правам от 07 марта 2014 г. № С01-114/2014 по делу № А56-58781/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17 марта 2023 г.).

²¹⁰ *Решение* Арбитражного суда города Москвы от 12 октября 2017 г. № А40-168121/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельство, что наполнение этой базы соответствующей информацией осуществлялось не им непосредственно, а многочисленными пользователями²¹¹. Аналогичную позицию занял и Суд по интеллектуальным правам²¹². Стоит согласиться с принятым в последней инстанции решением по данному делу, заметив, что социальная сеть «ВКонтакте», как и любая иная подобная система, не является простой совокупностью пользовательских аккаунтов, а представляет собой самостоятельную информационную систему, обладающую уникальными характеристиками, собственным интерфейсом и индивидуальным набором цифровых персональных данных пользователей, что предопределяет вывод о допустимости ее квалификации в качестве самостоятельного объекта интеллектуальной деятельности²¹³.

Иной подход к квалификации пользовательского аккаунта в социальной сети встречается в отечественной научной литературе: по мнению Е.Н. Ершовой, его следует признать сложным мультимедийным объектом, состоящим из нескольких простых²¹⁴, а с точки зрения Е.С. Котенко, аккаунт является составным произведением²¹⁵. Интересно, что В.О. Пучков, критикуя обозначенные выше подходы к правовой квалификации пользовательского аккаунта, приходит к небезынтересному выводу о квалификации пользовательского аккаунта в качестве цифрового образа личности²¹⁶.

Если рассмотреть пользовательский аккаунт в социальной сети через призму цифровых персональных данных, то мы обнаружим достаточно

---

²¹¹ *Постановление* Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 февраля 2018 г. № А40-131884/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹² *Постановление* Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-201/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹³ *Полетаева Е.Л., Самсонова Е.Д.* Правовая природа пользовательского соглашения социальной сети «ВКонтакте» // *Vaikal Research Journal*. 2022. Т. 13. № 4.

²¹⁴ *Ершова Е.Н.* Аккаунт в социальной сети как сложный объект интеллектуальных прав // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2017. № 3 (18). С. 68–70.

²¹⁵ *Котенко Е.С.* Понятие и признаки мультимедийного продукта // *Lex russica*. 2013. Т. 95. № 6. С. 601.

²¹⁶ *Пучков В.О.* Указ. соч. С. 150.

большой объем информации, идентифицирующей гражданина, в том числе: его ФИО (или псевдоним); дату рождения (что часто запрашивает информационная система для ограничения контента 18+); номер телефона (по которому чаще всего происходит аутентификация); адрес электронной почты (используется как для аутентификации, так и для направления уведомлений); персональное изображение; видеосюжеты, именуемые «сториз»; текстовую информацию в виде постов и комментариев к другим постам; круг друзей, в том числе имеющих особый статус, например «родственники»; личные сообщения; привязанные к аккаунту банковские карты и др. Всю эту информацию можно квалифицировать цифровым следом, поскольку ее появление в пользовательском аккаунте обусловлено добровольным волеизъявлением на загрузку соответствующей информации пользователем.

Однако это далеко не вся информация, составляющая пользовательский аккаунт. Так, информация, связанная с пользовательским аккаунтом, но представляющая собой цифровую тень, существенно отличается в зависимости от информационной системы и тех настроек генерации, которые разработаны администратором или оператором соответствующей информационной системы. К такой информации может относиться история разного рода запросов (например, на поиск музыки, конкретных людей, тематических сообществ, иной информации); места, которые посещает пользователь и т.д. Неудивительно в этой связи интересное требование, предъявленное кредиторами должника в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина. Они квалифицировали поведение арбитражного управляющего как бездействие по той причине, что последний не предпринял действий по получению доступа к аккаунтам должника в социальных сетях. По мнению кредиторов должника, получение такого доступа могло бы помочь в уточнении действительного имущественного положения должника. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд разъяснил, что информация, содержащаяся в

пользовательских аккаунтах в социальных сетях, не может быть квалифицирована в качестве сведений об имущественном положении должника, ввиду чего последний не обязан предоставлять доступ арбитражному управляющему к своему персональному цифровому профилю²¹⁷. На наш взгляд, подобный вывод суда более чем справедлив и подтверждает правоприменительный подход к квалификации цифровых персональных данных, объективированных в пользовательском аккаунте, в качестве нематериального блага.

Нельзя не отметить, что адаптация действующего законодательства под вновь возникающие цифровые явления без предоставления им самостоятельного правового режима не всегда удачна. Подчеркнем, что возникновение юридических конфликтов вокруг информационных систем, в том числе социальных сетей, мессенджеров и т.д., обусловлено стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий и их востребованностью в реальной жизни при одновременном правовом вакууме вокруг вновь появляющихся общественных отношений. Однако вопрос о позитивации пользовательских аккаунтов в качестве самостоятельного объекта гражданского оборота на сегодняшний день не ставится. В то же время обозначенная проблематика обсуждается как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе²¹⁸. Так, в отечественной научной литературе исследовательский акцент смещен в сторону разрешения проблемы наследования пользовательских аккаунтов. Это связано, прежде всего, с тем, что информация, содержащаяся в рамках цифрового профиля, может быть квалифицирована преимущественно как нематериальное благо, хотя пользовательский аккаунт, безусловно, может иметь и имущественную ценность, если, к примеру, он позволяет управлять электронным кошельком.

---

²¹⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 октября 2018 г. по делу № А13-14168/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁸ См., например: *MacQueen H., Waelde Ch., Laurie G., Brown A.* Contemporary Intellectual Property: Law and Policy. Second ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 67.

Концентрация информации, составляющей цифровой образ личности и являющейся отражением цифровой частной жизни гражданина, подтверждается и материалами судебной практики. Так, в качестве примера можно привести известное судебное разбирательство, произошедшее в Германии, когда родители погибшей несовершеннолетней девушки запросили у социальной сети «Facebook»²¹⁹ признать за ними субъективное наследственное право на пользовательский аккаунт в соответствующей сети их погибшей дочери. Суды разных инстанций принимали по этому делу прямо противоположные решения, поскольку по-разному квалифицировали характер отношений, возникающих в связи с обладанием пользовательским аккаунтом в социальной сети, а также по причине разной оценки условий пользовательского соглашения, принимаемого пользователем при регистрации в соответствующей сети. Так, суд первой инстанции удовлетворил иски заявителей, ссылаясь на то, что универсальное правопреемство распространяется на весь пользовательский аккаунт, поскольку последний не позволяет провести четкую грань между имущественными и личными (неимущественными) отношениями, возникающими в связи с обладанием им²²⁰. Однако вышестоящий суд, рассматривающий дело в апелляционной инстанции, не согласился с доводами нижестоящего суда и принял прямо противоположное решение, мотивируя свою позицию тем, что, во-первых, отношения, возникающие между пользователем и социальной сетью, тяготеют к обязательственным, а, во-вторых, пользователь (погибшая дочь заявителей) не давала администратору социальной сети распоряжений относительно лиц, которые могут быть допущены к ее аккаунту, помимо нее самой²²¹. Наконец, точку в этом споре поставил Федеральный Верховный Суд Германии, который, удовлетворив требования истцов, заявил, что условие пользовательского

---

²¹⁹ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

²²⁰ *Landgericht* Berlin, Urteil AZ. Nr. 20 O 172/15 vom 17. December 2015 // MDR 2016, 165.

²²¹ *Kammergericht* Berlin, Urteil Ges. Nr. 21 U 9/16 vom 31. Mai 2017 // FamRZ 2017, 1348.

соглашения, которое позволяет пользователю аккаунта назначить доверенное третье лицо, которое вправе иметь доступ к персональному цифровому профилю пользователя, касается периода его жизни и не распространяется на наследственные отношения, поэтому пользовательский аккаунт входит в состав наследства на правах материала в цифровой форме²²².

На наш взгляд, возникающие правоотношения носят сложный характер: по своей правовой природе они являются обязательственными, поскольку обусловлены пользовательским соглашением; по характеру содержащихся в нем объектов гражданского права – смешанными, содержащими как имущественные, так и личные (неимущественные) права, обусловленные реализуемыми с помощью аккаунта и охраняемыми гражданским законодательством нематериальными благами, в том числе цифровым образом гражданина. Ввиду массовости обладания пользовательскими аккаунтами в социальных сетях и иных информационных системах полагаем необходимым предусмотреть нормативное предписание об универсальном правопреемстве и в отношении пользовательского аккаунта.

Цифровое изображение как вид идентифицирующей информации, составляющей цифровой образ гражданина. Начало XXI в. было ознаменовано масштабным распространением цифровых технологий, одним из достижений которых стала цифровая фотография, стремительно вытеснившая традиционную. Цифровые изображения, в основе которых лежит точный математический расчет, обладают несомненными преимуществами по сравнению с «классическими» фотоснимками: не требуют лабораторной обработки, нуждаются в крайне незначительном объеме расходных материалов, позволяют осуществлять копирование без искажения изображения, легко пересылаются с помощью информационно-телекоммуникационных систем. Последнее свойство цифрового изображения

---

²²² Там же.

требует особого научного внимания в контексте проблематики частной жизни гражданина: изображение, единожды загруженное в глобальную сеть Интернет, остается там навсегда, в том числе в случае его последующего удаления пользователем. Это предопределяет особую личную ответственность пользователя социальной сети или иной информационной системы при загрузке цифровых изображений в Интернет. Отдельного внимания заслуживает проблема загрузки цифровых изображений иных лиц, в том числе несовершеннолетних детей пользователя.

В справочной литературе под изображением предлагается понимать «зрительное воспроизведение чего-либо»²²³. Думается, что этот «классический» постулат соответствует и цифровому изображению. В специальной литературе освещается проблематика охраны изображения гражданина без акцента на форме его объективации²²⁴. Что касается научных разработок, объектом которых выступает исключительно цифровое изображение, то эти исследования находятся преимущественно в сфере криминалистики²²⁵.

Анализируя гражданско-правовую охрану цифрового изображения, следует остановиться на исследовании специальной статьи ГК РФ, посвященной охране изображения (ст. 152.1 ГК РФ). Смысловое наполнение ст. 152.2 ГК РФ находится в увязке с согласием/несогласием гражданина на

---

²²³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. С. 245.

²²⁴ Гришаев С.П. Право гражданина на изображение [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс». Гаврилов Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25; Фридман В.Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56; Юрлов И.А., Быкова М.А. Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 51–58; Микрюков В.А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39; Колосов В., Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 4. С. 41; Захаренко Д.С. Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. № 21. С. 17–21 и др.

²²⁵ См., например: Байгузин Ю.П. Использование цифровых изображений в почерковедческой экспертизе // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 19–20; Газизов В.А. К вопросу об использовании цифровой фотографии в расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 2 (6). С. 81–85; Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Основные аспекты применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 33–35; Трущенко И.В. Использование цифровой фотографии в криминалистических экспертизах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 185 с.

обнародование и дальнейшее использование его изображения. В этом смысле термин «обнародование» имеет принципиальное значение, что, по всей видимости, и предопределило дачу соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ: «под обнародованием изображения гражданина по аналогии с положениями статьи 1268 ГК РФ необходимо понимать осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети "Интернет"»²²⁶.

Формулируя указанное определение, Верховный Суд РФ дополнительно разъяснил, что, с одной стороны, статус общедоступности в отношении опубликованного гражданином изображения не является подтверждением волеизъявления такого гражданина на осуществление любых форм использования этого изображения третьими лицами и, как следствие, не дает им такого автоматического права, а, с другой стороны, использование опубликованного изображения допускается теми способами, которые зафиксированы в пользовательском соглашении, подписанном пользователем. Как видим, здесь, аналогично пользовательскому аккаунту, актуализируется обязательно-правовая связь, возникающая между пользователем информационно-телекоммуникационной системы и ее администратором как контрагентом по соответствующему пользовательскому соглашению.

Стоит поддержать следующий небезынтересный вывод, сформулированный по материалам судебной практики Московского городского суда: «право на защиту частной жизни, включающее защиту персональных данных, и право на свободу поиска, передачи и

---

²²⁶ *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. № 140. 30 июня 2015 г.*

распространения информации, включая свободу средств массовой информации, могут являться конкурирующими правами»²²⁷.

Добавим, что ВС РФ дополнительно разъяснил, что обнародование и использование изображения гражданина не относятся к интеллектуальным правам, что, в частности, предопределяет неприменимость к указанному нематериальному благу способов защиты, поименованных в ст. 1251 и ст. 1252 ГК РФ²²⁸.

Из анализа судебно-арбитражной практики, складывающейся вокруг ст. 152.2 ГК РФ, следует, что наиболее популярными спорами по этой статье за последние несколько лет являются следующие: выяснение того, является ли изображение, сделанное на публичном мероприятии, основным объектом использования²²⁹; допустимость обнародования и дальнейшего использования изображения гражданина без его согласия, когда имеет место публичный интерес²³⁰ или когда такая съёмка осуществлена в публичных местах (например, в зале судебных заседаний²³¹; на выборах²³²); допустимость видеосъёмки в отношении представителей публичной власти в момент осуществления ими должностных полномочий²³³; выяснение того, является ли публичность профессии гражданина сама по себе основанием для использования изображения гражданина другими лицами без согласия

---

²²⁷ Спор о защите персональных данных (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2023.

²²⁸ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. 2019. 06 мая, № 96.

²²⁹ См., например: *Определение* Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03 февраля 2022 г. № 88-166/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³⁰ См., например: *Апелляционное определение* Московского городского суда от 20 октября 2021 г. по делу № 33-42853/2021; *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 09 июня 2017 г. № Ф06-20923/2017 по делу № А49-5389/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³¹ См., например: *Определение* Пермского краевого суда от 21 мая 2014 г. по делу № 33-4396-2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³² *Решение* Верховного Суда РФ от 07 декабря 2012 г. № АКПИ12-1475 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³³ *Определение* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07 октября 2021 г. № 88-23887/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

изображенного²³⁴, в том числе путем размещения его цифрового изображения на сайте²³⁵ и др.

Из анализа судебной практики и научной литературы следует, что существующих специальных способов защиты, применяемых в отношении цифрового изображения гражданина, явно недостаточно. Полагаем, что в дополнение к указанным выше специальным способам защиты следует предусмотреть компенсацию нематериального вреда.

Резюмируем вышеизложенное.

К идентификационной информации, составляющей цифровой образ гражданина, следует относить цифровые персональные данные, в том числе биометрические персональные данные, и цифровое изображение гражданина. Наиболее распространенным средством объективации цифровых персональных данных выступает пользовательский аккаунт в социальных сетях, мессенджерах и иных информационно-коммуникационных системах, который представляет собой объект обязательственных отношений, возникающих между пользователем и администратором соответствующей информационно-коммуникационной системы и обусловленных пользовательским соглашением. Уникальность пользовательского аккаунта предопределена невозможностью разграничения имущественных и личных (неимущественных) отношений, возникающих в связи с его использованием, что предопределяет необходимость квалификации цифровых персональных данных, объективированных в пользовательском аккаунте, в качестве нематериального блага. Ввиду возникающей на практике проблемы наследования пользовательских аккаунтов и правового вакуума на этот счет предложено включение пользовательского аккаунта в наследственную массу на общих основаниях в качестве исключения из правила о недопустимости передачи по наследству нематериальных благ.

---

²³⁴ Апелляционное определение Московского областного суда от 20 июля 2015 г. по делу № 33-15973/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³⁵ Определение Московского городского суда от 25 декабря 2013 г. № 4Г/6-12632 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

§ 2.3 Тайная информация о гражданине, содержащаяся в цифровой форме

Частноправовое понятие тайны. Определение понятия «тайна» является не менее дискуссионным, чем определение понятия «персональные данные». При этом первое, в отличие от второго, не имеет легальной дефиниции, на что справедливо обращается внимание в специальной литературе²³⁶. В поисках наиболее абстрактного определения тайны исследователи апеллируют к определению этого понятия, содержащемуся в толковом словаре С.И. Ожегова, согласно которому тайна есть нечто скрываемое, известное не всем. В специальной юридической литературе под тайной предложено понимать «особый правовой режим привилегированной информации (информации ограниченного доступа, распространения и др.) как комплекс правовых средств, характеризующих сочетание взаимодействующих запретов, дозволений, обязываний, управомочиваний, стимулов (привилегий) и санкций»²³⁷.

Наиболее ценным свойством тайны выступает ее недоступность окружающим. При этом речь идет не только о публично-властных органах власти, но и о любом социальном окружении индивида. Тайна может быть индивидуальной либо коллективной (например, семейная тайна): в отличие от первой, доступ ко второй предоставлен сразу нескольким лицам, например членам одной семьи²³⁸. В отечественном законодательстве упоминаются: тайна усыновления, тайна связи, тайна исповеди, врачебная тайна, адвокатская тайна, аудиторская тайна, банковская тайна, налоговая тайна и

---

²³⁶ См., например: *Овсянников П.Ю.* Административная ответственность за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также государственной и иной охраняемой законом тайны // *Административное право и процесс.* 2022. № 8. С. 24–26.

²³⁷ См. об этом: *Ловцов Д.А.* Системология информационных правоотношений. М.: Рос. акад. правосудия, 2008. 233 с.

²³⁸ См. об этом: *Ловцов Д.А.* Концептуально-логическое моделирование юридического понятия «тайна» // *Информационное право.* 2009. № 2. С. 12–15.

др. В рамках же настоящей части диссертационной работы нами предпринята попытка исследования некоторых видов тайн, хранящихся в цифровой форме и ввиду этого обстоятельства требующих дополнительного научного изыскания.

Банковская тайна и особенности ее обеспечения в условиях развития онлайн-банкинга. Гражданско-правовой режим банковской тайны сконцентрирован главным образом в предписаниях одноименной ст. 26 Федерального закона от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее по тексту также – Закон о БиБД)²³⁹, а также одноименной ст. 857 ГК РФ. При этом положения сопоставляемых нормативно-правовых актов – специального и общего – не согласуются между собой, по крайней мере, в объеме той информации, которая составляет банковскую тайну. В научной литературе встречается критика соответствующих нормативных положений, в том числе в части отсутствия легальной дефиниции банковской тайны²⁴⁰, что предопределяет многочисленные доктринальные предложения на этот счет²⁴¹. О.А. Данилова справедливо подмечает, что банковская тайна является одной из гарантий конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну²⁴².

В научной литературе обращается внимание на широкое распространение онлайн-банкинга, одной из причин которого, по всей видимости, стала пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19)²⁴³. Поддерживая тезис о включении в технологии онлайн-банкинга все большего

---

²³⁹ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон РФ.

²⁴⁰ См., например: Данилова О.А. Проблемы правового регулирования банковской тайны // Финансовое право. 2020. № 5. С. 21–25.

²⁴¹ См., например: Лисицына Н.В. Банковская тайна как объект правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 9; Маркелова К.А. Банковская тайна: правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 8; Андропова Т.А. Банковская тайна: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7 и др.

²⁴² Данилова О.А. Указ. соч. С. 23.

²⁴³ См. об этом: Дохойн З.М. Банковский сектор как драйвер развития цифровой экономики // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: материалы Всерос. науч.-практич. конф. 2020. С. 47–52.

количества клиентов кредитных организаций, позволим себе заметить, что банки и до пандемии вели активную работу по вовлечению клиентов в новые форматы цифрового взаимодействия, исключая необходимость обращения в офисы банков. Несмотря на то что банки предпринимают значительные усилия по обеспечению информационной безопасности в отношении персональных данных своих клиентов, тем не менее в практике сохраняются многочисленные случаи нарушения прав в этой сфере²⁴⁴. Отмечая распространенность новых технологий в банковской практике и уязвимость информации, составляющей банковскую тайну, Н.В. Безнощенко предлагает «регламентировать в национальном законодательстве стандарты защиты банковской тайны в сфере IT-технологий»²⁴⁵. В работе С.В. Воронцовой и А.Ю. Золотаревой справедливо отмечено, что обязанность кредитной организации хранить в тайне сведения, подпадающие под правовой режим банковской тайны, требует принятия не только организационных и юридических мер безопасности, но и специальных технических²⁴⁶.

В рамках рассматриваемой проблемы особого интереса заслуживает случай разглашения персональных данных посредством онлайн-банкинга, ставший поводом обращения в Нагатинский районный суд г. Москвы. Суть данного спора заключалась в следующем: Истец обратилась в суд к ПАО «Сбербанк», заявив два требования: о защите прав потребителя, о компенсации морального вреда в связи с разглашением персональных данных и банковской тайны. Обозначенные требования истца были мотивированы следующими обстоятельствами: на протяжении девяти лет она являлась клиентом ПАО «Сбербанк», имела в этой кредитной организации счета, а также пользовалась сервисами онлайн-банкинга «Сбербанк Онлайн».

---

²⁴⁴ См. об этом: *Восканян Р.О., Вольдимарова Н.Г.* Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // *Безопасность бизнеса.* 2021. № 3. С. 34–39.

²⁴⁵ *Безнощенко Н.В.* Соотношение банковской и налоговой тайны // *Налоги.* 2017. № 9. С. 12–15.

²⁴⁶ *Воронцова С.В., Золотарева А.Ю.* Сохранение банковской тайны и новые электронные технологии // *Налоги.* 2010. № 22. С. 23.

Спустя девять лет в ее персональном профиле в «Сбербанк Онлайн» появилась информация о новых счетах, владельцем которых она не является. Как выяснилось позже, вновь отображенные счета принадлежат ее полной тезке, то есть женщине с аналогичными ФИО. Связавшись с ней, истец узнала, что и ей – тезке – стали видны счета истца, а также бонусы специальной программы лояльности «Спасибо от Сбербанка». По мнению истицы, ПАО «Сбербанк» не обеспечил конфиденциальность ее персональных данных, фактически передал их третьему лицу и раскрыл сведения, относящиеся к банковской тайне. Свои нравственные страдания истица оценила в три миллиона рублей. Представитель ответчика подтвердил фактические обстоятельства дела и признал наличие технического сбоя в системе «Сбербанк Онлайн». Примечательно, что суд, рассматривавший данное дело в первой инстанции, пришел к выводу о недоказанности факта разглашения действиями ПАО «Сбербанк» персональных данных истца, а также сведений, относящихся к банковской тайне, и отказал ей в иске в полном объеме. Однако Московский городской суд, рассмотревший данный спор в апелляции, пришел к иным выводам. Так, в своем апелляционном определении он пояснил, что правоотношение, возникающее между банком и клиентом, предполагает в обязательном порядке передачу последним своих персональных данных, которые обрабатываются кредитной организацией по правилам ч. 6 ст. 5 Закона о ПД. Кроме того, использование информационно-телекоммуникационных систем при оказании банковских услуг предполагает распространение на банк требований ст. 28 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», согласно которой платежная система, используемая банком, должна обладать системой управления рисками, под которой законодатель предлагает понимать «комплекс мероприятий и способов снижения вероятности возникновения неблагоприятных последствий для бесперебойности функционирования

платежной системы с учетом размера причиняемого ущерба»²⁴⁷. Согласно ч. 1 ст. 27 указанного нормативно-правового акта на операторов различных информационно-телекоммуникационных систем, обеспечивающих функционирование платежной системы, возлагается обязанность по защите персональных данных и иной информации клиента. Из приведенных норм права следует однозначный вывод о том, что персональные данные, а также сведения, относящиеся к банковской тайне, были неправомерно разглашены в результате технического сбоя, ответственным за который выступает ПАО «Сбербанк». Что касается компенсации морального вреда, то суд апелляционной инстанции посчитал необходимым удовлетворить требования заявительницы в этой части, однако существенно снизил размер такой компенсации с трех миллионов рублей до десяти тысяч рублей, руководствуясь принципами справедливости, разумности и соразмерности²⁴⁸. В исследовании М.К. Белобабченко, содержащем комментарий к рассмотренному судебному разбирательству, справедливо подчеркнута, что использование современных информационно-телекоммуникационных систем, к числу которых относится и онлайн-банкинг, не только упрощает взаимодействие банка и клиента, но и создает новые риски, в том числе связанные с информационной безопасностью²⁴⁹.

Заметим, что проанализированный нами яркий пример неправомерного раскрытия персональных данных третьему лицу, а также нарушения права на банковскую тайну является следствием технического сбоя, который сопровождает работу любой информационной системы и за который, как нам кажется, ответственен оператор. Однако в банковской сфере весьма популярны и преднамеренные случаи утечки персональных данных клиентов

---

²⁴⁷ *О национальной платежной системе*: Федеральный закон РФ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁴⁸ *Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2020 г. по делу № 33-451/2020* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁹ *Белобабченко М.К.* Нарушение банковской тайны и права на защиту персональных данных // *Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 26. С. 26.*

соответствующей кредитной организации. При этом в первом случае такая утечка связана с неправомерными действиями работников банка, «сливающих» соответствующую информацию, а во втором – киберпреступностью, показывающей во всем мире стремительные темпы роста. Так, ежегодно в мире регистрируется более 55 млн. акций компьютерных хакеров²⁵⁰.

Нотариальная тайна и цифровизация публичного пространства.

Анализ внушительного и постоянного пополняющегося перечня нотариальных действий позволяет заключить, что нотариус имеет самое непосредственное отношение к частной жизни гражданина. Императивные требования гражданского, семейного, наследственного и иного отраслевого законодательства вынуждают обращаться за профессиональной помощью к нотариусу, раскрывая ему сведения, относящиеся к тайне частной жизни лица. Очевидно, что любое нотариальное действие предопределено допуском нотариуса, а также лиц, работающих у него по трудовому договору, к персональным данным заявителя. Однако отдельные нотариальные действия требуют предоставления не только персональных данных, но и другой информации, касающейся частной жизни лица. К примеру, заключение супругами брачного договора сопряжено с сообщением нотариусу значительного объема информации, составляющей личную или семейную тайну.

Характер соотношения правовых режимов нотариальной тайны и частной жизни гражданина может быть установлен путем толкования положений, изложенных в Определении Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2206-О²⁵¹. Так, в указанном акте отмечается, что

---

²⁵⁰ См. об этом: *Содружество*: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2008. № 2(46). С. 3.

²⁵¹ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Стерховой Марины Ивановны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями основ законодательства Российской Федерации о нотариате и частью второй статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

нотариус является носителем особого публично-правового статуса, что, в частности, подразумевает сохранение нотариальной тайны, доступ к которой предопределён осуществлением профессиональной деятельности. Игнорирование этой обязанности может стать причиной утраты нотариусом соответствующего статуса. При этом такое последствие является соразмерной мерой ответственности, обусловленной тем, что правовой режим нотариальной тайны является одним из правовых гарантий неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (далее по тексту – Основы)²⁵² не оперируют термином «нотариальная тайна», вместо этого понятия используются такие синонимичные обозначения, как «профессиональная тайна» (ст. 14 Основ), «тайна сведений, которые стали известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности» (ст. 16 Основ), «тайна совершения нотариальных действий» (ст. 28, 34.1 Основ). В то же время термин «нотариальная тайна» фигурирует в Указе Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера»²⁵³. Примечательно, что профессиональная тайна нотариуса неоднократно упоминается в Кодексе профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (далее по тексту – Кодекс этики)²⁵⁴.

Правовой режим же нотариальной тайны изложен в ст. 16 Основ, в которой содержится описание обязанностей нотариуса. В числе этих обязанностей – сохранение в тайне сведений, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности. Исключением из этого требования является ситуация, при которой в отношении нотариуса возбуждено уголовное дело в связи с совершением нотариального действия.

Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2206-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате.

²⁵³ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента.

²⁵⁴ Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации: утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Специфика нотариальной тайны проявляется в характере правоотношений, возникающих между нотариусом и клиентом, обратившимся к нему. Так, нотариус, обладая публично-правовым статусом и выполняя нотариальные действия в рамках своего профессионального статуса, приобретает доступ к конфиденциальной информации в некотором роде вынужденно, поскольку иначе не представляется возможным осуществление его профессиональной деятельности. В аналогичной ситуации находится и клиент нотариуса: обращаясь за осуществлением нотариального действия, гражданин вынужден раскрыть нотариусу информацию, касающуюся его частной жизни²⁵⁵. В научной литературе справедливо замечается, что нотариус охраняет доступ не к собственным сведениям, а к сведениям другого лица, раскрытым им нотариусу по причине доверия к его профессиональному статусу²⁵⁶.

Особого внимания заслуживает вопрос об изменении формы хранения информации, составляющей нотариальную тайну, в условиях цифровой трансформации. Так, в доктринальных исследованиях все чаще встречается новая характеристика нотариата: «электронный нотариат»²⁵⁷, «цифровизация нотариата»²⁵⁸, «цифровизация правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов (в деятельности нотариата)»²⁵⁹ и т.п. Это обусловлено соответствующей реформой нотариата, сопровождавшейся принятием Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту также –

---

²⁵⁵ См. об этом подробнее: *Закройщикова Д.К.* Нотариальная тайна в уголовном судопроизводстве // Нотариальный вестник. 2012. № 3. С. 9–24.

²⁵⁶ См. об этом: *Пилипенко Ю.С.* Особенности профессиональных тайн // Законодательство и экономика. 2008. № 3. С. 34–39.

²⁵⁷ *Тарасова Е.А.* Современный нотариат = электронный нотариат? (цифровизация нотариальной деятельности) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 337–344.

²⁵⁸ *Германова А.А.* Основные нотариальные действия на современном этапе и их усовершенствование с помощью цифровизации нотариата // Нотариус. 2020. № 5. С. 3–6.

²⁵⁹ См., например: *Михайлова Е.В.* Цифровизация правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов (в деятельности суда и нотариата) // Нотариус. 2022. № 7. С. 35–39.

Закон № 480-ФЗ)²⁶⁰, получившего в нотариальном сообществе негласное наименование «Закон о цифровом нотариате»²⁶¹. До принятия указанного акта значительный вклад в цифровизацию нотариата внесла Единая информационная система нотариата (далее по тексту также – ЕИСН), которая начала действовать с 1 июля 2014 г. в результате соответствующих изменений, внесенных в федеральное законодательство²⁶². Характеризуя ЕИСН, К.А. Корсик справедливо замечает, что она стала «общероссийским хранилищем нотариальных документов»²⁶³. В научной литературе нередко акцентируется внимание на том, что цифровизация не внесла содержательных преобразований в нотариальную деятельность, а лишь скорректировала форму их осуществления²⁶⁴. Поддерживая в целом это замечание, следует оговориться, что здесь действует диалектический закон перехода количества в качество: при значительном увеличении количества нотариальных действий, сопряженных с цифровой формой, очевидно, что будет претерпевать определённые изменения и содержательное наполнение нотариальной деятельности. Правило о составлении электронных нотариальных документов стало одной из «космических новелл», принятых в духе цифровизации²⁶⁵.

Ценность цифровизации нотариата оценивается и с позиции электронного межведомственного взаимодействия, значительно ускоряющего и облегчающего соответствующие нотариальные действия.

---

²⁶⁰ О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

²⁶¹ См. об этом: *Столяров Д.А., Денисов Л.А.* Теоретико-правовые аспекты цифровизации юриспруденции в России (на примере нотариата) // *Нотариус*. 2022. № 6. С. 44–48.

²⁶² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

²⁶³ *Корсик К.А.* Нотариат в федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» // *Нотариальный вестник*. 2020. № 12. С. 2–5.

²⁶⁴ См., например: *Михайлова Е.В.* Цифровизация правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов (в деятельности суда и нотариата) // *Нотариус*. 2022. № 7. С. 35–39.

²⁶⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

Так, Д.А. Столяров и Л.А. Денисов по этому поводу отмечают: «...посредством цифры нотариус выходит на связь с банками, государственными реестрами и ведомствами»²⁶⁶. Примечательно, что К.А. Корсик, оценивая такое взаимодействие, перечисляет его преимущества, в числе которых оперативность, точность, а также обязательное сохранение тайны о предоставляемой информации²⁶⁷.

Возвращаясь к ЕИСН, отметим, что полный перечень информации, составляющей ее содержательное наполнение, перечислен в ст. 34.2 Основ, в которой отмечено, что ЕИСН состоит из реестров, ведущихся в электронной форме; нотариальных документов в электронной форме; электронных образов нотариальных документов, созданных на бумажном носителе; сведений, касающихся деятельности нотариусов. Что касается реестров, ведущихся в электронной форме, то в их числе реестр нотариальных действий; реестр нотариальных действий, совершенных удаленно, и сделок, удостоверенных двумя и более нотариусами; реестр наследственных дел; реестр уведомлений о залоге имущества, не относящегося к недвижимым вещам; реестр списков участников обществ с ограниченной ответственностью; реестр распоряжений об отмене доверенностей, за исключением нотариально удостоверенных доверенностей. Как видим, ЕИСН представляет собой такую информационную систему, в которой сконцентрирован буквально весь объем информации, подпадающей под правовой режим нотариальной тайны, за исключением сведений, являющихся общедоступными. Характеризуя ЕИСН, Н.Н. Курова и Н.К. Строганова специально отмечают, что загрузка сведений в эту систему о

---

²⁶⁶ Столяров Д.А., Денисов Л.А. Теоретико-правовые аспекты цифровизации юриспруденции в России (на примере нотариата) // Нотариус. 2022. № 6. С. 44–48.

²⁶⁷ Корсик К.А. Некоторые аспекты правозащитной функции нотариата // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1(138). С. 242–243.

совершенных нотариальных действиях не является разглашением нотариальной тайны²⁶⁸.

Считается, что вход в эту систему надежно защищен: у каждого нотариуса имеется усиленная квалифицированная электронная подпись²⁶⁹, исключающая допуск в ЕИСН третьих лиц. Надеюсь, что ЕИСН эффективно защищена от несанкционированных взломов, позволим себе сделать лишь одно замечание на этот счет: с учетом допуска в эту систему оператора ЕИСН, в качестве которого выступает Федеральная нотариальная палата, а также сотрудников ИТ-направленности, думается, что на этих лиц в целом также возлагается обязанность по хранению тайны нотариальных действий.

Тайна усыновления и Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния. Разновидностью семейной тайны следует признать тайну усыновления, правовой режим которой зафиксирован в ст. 139 Семейного кодекса РФ (далее по тексту также – СК РФ). В самом общем виде гражданско-правовой режим тайны усыновления подразумевает недопустимость ее разглашения и привлечение к юридической ответственности лиц, причастных к такому разглашению. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П²⁷⁰ перечислены правовые возможности, используемые для обеспечения тайны усыновления. В их числе: 1) корректировка персональных данных ребенка (в том числе его ФИО) по принципу приравнивания усыновителя к кровным родственникам ребенка (ст. 134 СК РФ); 2) изменение даты рождения ребенка, но не более, чем на три месяца (ст. 135 СК РФ); 3) изменение места рождения ребенка (ст. 135 СК РФ); 4) предоставление женщинам, усыновившим ребенка,

---

²⁶⁸ Курова Н.Н., Строганова Н.К. Единая информационная система нотариата: новые реалии, проблемы и перспективы // Нотариус. 2021. № 5. С. 45.

²⁶⁹ См. об этом: Об электронной подписи: Федеральный закон РФ от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2036.

²⁷⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

отпуска по беременности и родам²⁷¹; 5) закрытый характер судебного заседания, в котором рассматривается заявление об усыновлении ребенка (ст. 273 ГПК РФ)²⁷². Понятно, что целью правового режима тайны усыновления является охрана семьи, материнства, отцовства и детства настолько, насколько это возможно.

В рамках настоящей работы предпринята попытка выяснения особенностей реализации тайны усыновления в условиях функционирования Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (далее по тексту также – ЕГР ЗАГС), появившегося в Российской Федерации 1 октября 2018 г. Сложность электронного документооборота predeterminedena структурными особенностями органов ЗАГС: они являются максимально децентрализованными, входят в систему исполнительных органов субъекта РФ, не имеют ни общей федеральной сети, ни единого федерального органа управления. По этому поводу Е.А. Кириллова справедливо подметила, что деятельность органов ЗАГС значительно дифференцируется по субъектам РФ, в том числе в части использования разных информационных систем, в части разных локальных информационных ресурсов, в части стандартов программного обеспечения, что приводит к значительным ошибкам, допускаемым публичными органами власти, а также нотариатом²⁷³. Однако несмотря на создание ЕГР ЗАГС, обозначенные проблемные аспекты деятельности органов ЗАГС частично сохранились. Интересно, что ЕГР ЗАГС дается негативная оценка с точки зрения технических характеристик. Неудивительно в этой связи и отложение срока первоначального ввода в эксплуатацию этой системы. Однако вступив в силу с 1 октября 2018 г., ЕГР ЗАГС давала многочисленные технические

---

²⁷¹ См. об этом: *Об утверждении* Порядка предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка: Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 719 (ред. от 02.06.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁷² *О применении* судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) // Российская газета. № 92. 03 мая 2006 г.

²⁷³ *Кириллова Е.А.* Электронное взаимодействие нотариата с Единым государственным реестром ЗАГС: новеллы законодательства // Нотариус. 2017. № 5. С. 32.

сбои, которые существенно влияли на права граждан в части значительного увеличения срока ожидания соответствующих регистрационных действий до двух часов, в части неполучения свидетельств в день обращения за ними и т.п. Это обстоятельство предопределило неправомерную работу органов ЗАГС в некоторых субъектах РФ в привычных им региональных информационных системах, несмотря на то, что после 1 октября 2018 г. это было делать запрещено. Интересно, что одним из инструментов цифровизации документооборота стало присвоение QR-кода каждому свидетельству о государственной регистрации акта гражданского состояния²⁷⁴, однако в первые месяцы функционирования ЕГР ЗАГС, органы ЗАГС в некоторых субъектах РФ продолжали выдавать свидетельства старого образца без нанесения QR-кода²⁷⁵. Создание ЕГР ЗАГС потребовало широкомасштабной работы по оцифровке актовых записей, содержащихся в актовых книгах начиная с 1 января 1926 г.²⁷⁶ Такая работа осуществлялась работниками органов ЗАГС путем заверения соответствующих данных электронно-цифровой подписью²⁷⁷.

ЕГР ЗАГС является еще одним информационным ресурсом концентрации персональных данных граждан, в том числе сведений, подпадающих под правовой режим тайны усыновления. Это обуславливает необходимость повышенной защиты таких данных, находящихся в информационном публичном пространстве. По справедливому замечанию

---

²⁷⁴ См. об этом: *Об утверждении* форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния: приказ Минюста России от 13 августа 2018 г. № 167 (ред. от 21.01.2022) (зарегистрировано в Минюсте России 15 августа 2018 г. № 51901) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

²⁷⁵ См. об этом: *Лобурев С.Н.* Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния: ожидания против реальности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 3–6.

²⁷⁶ См. об этом: *Об утверждении* перечня сведений, включаемых в запись акта гражданского состояния, конвертируемую (преобразуемую) в форму электронного документа: распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2934-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

²⁷⁷ *Об утверждении* Правил перевода в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг): постановление Правительства РФ от 03 марта 2017 г. № 254 (ред. от 18.07.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

С.Н. Лобурева, «технические ошибки в записях реестра, умышленные действия сотрудников (мошенничество) этих органов могут приводить к отрицательным последствиям для граждан, поэтому вопрос ответственности должностных лиц должен быть еще раз проработан на более высоком уровне и привести не только к ответственности должностных лиц (ст. ст. 13.11, 13.14 КоАП РФ, ст. ст. 137, 155 УК РФ), но и самого государства в восстановлении нарушенных прав лица за счет государства»²⁷⁸.

Правовой режим налоговой тайны в условиях цифровизации.

Налоговая тайна нередко становится предметом специальных научных исследований²⁷⁹, однако цифровой концепт исследуемой проблематики пока достаточно редкое явление²⁸⁰. В отличие от рассмотренных выше видов тайн, охраняемых законом, налоговая тайна отличается специфическим правовым режимом, демонстрируя явную тенденцию к утрате статуса тайной информации. Прямым доказательством этого тезиса выступают принимаемые один за другим федеральные законы, дополняющие перечень сведений, не относящихся к налоговой тайне.

Заметим, что легальная дефиниция и правовой режим налоговой тайны сконцентрированы всего в одной статье Налогового кодекса РФ (далее по тексту также – НК РФ). Так, согласно п. 1 ст. 102 НК РФ, «налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов». В основе этой дефиниции, как и в случаях с некоторыми иными тайнами и персональными данными, нет содержательной конкретики: законодатель отмечает, что таковой может быть признана любая

---

²⁷⁸ Лобурев С.Н. Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния: ожидания против реальности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 3–6.

²⁷⁹ См., например: Кирилина В.Е. Правовой режим налоговой тайны // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4. С. 79–84; Крохина Ю.А. Принципы определения налоговой тайны в законодательстве России и зарубежных стран // Финансовое право. 2015. № 8. С. 26–30.

²⁸⁰ См., например: Родыгина В.Е. Трансформация института налоговой тайны в условиях цифровой экономики: правовые аспекты // Финансовое право. 2019. № 10. С. 20–24.

информация. При этом в этом же пункте исследуемой статьи содержится закрытый, но регулярно пополняемый список сведений, не относящихся к налоговой тайне. Значительный объем нововведений в ст. 102 НК РФ стал результатом принятия Федерального закона от 01 мая 2016 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (далее по тексту также – Закон № 134-ФЗ)²⁸¹. Примечательно, что в пояснительной записке к законопроекту, ставшему впоследствии указанным законом, отмечалось, что, несмотря на признание значимости ограниченного доступа к коммерческой и личной информации налогоплательщиков, «в России, как и в большинстве стран, наметилась тенденция к раскрытию органами государственной власти сведений об участниках гражданского оборота, что положительным образом влияет на прозрачность всей экономики страны»²⁸². Добавим, что Закон № 134-ФЗ скорректировал режим налоговой тайны в двух основных направлениях: первое – увеличил перечень сведений, не относящихся к налоговой тайне; второе – предусмотрел режим свободного доступа в отношении тех сведений, которые были изъяты из-под правового режима налоговой тайны. Так, перестали быть конфиденциальными сведения о среднесписочной численности работников организации, об уплаченных организацией суммах налогов и сборов, о суммах доходов и расходов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности организации. Кроме того, на официальном сайте ФНС в обязательном порядке размещается информация в открытом доступе о задолженности; о совершенных налоговых правонарушениях; о мерах ответственности за совершенные налоговые правонарушения; о режиме

---

²⁸¹ *О внесении изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01 мая 2016 г. № 134-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).*

²⁸² *Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

налогообложения, применяемом налогоплательщиком²⁸³. Однако, как видим, эти и последующие изменения²⁸⁴ коснулись, прежде всего, организаций, а не граждан. Из процитированной пояснительной записки к соответствующему законопроекту ясно, что цель рассмотренных изменений – сделать прозрачным отечественный бизнес. Неудивительно, что именно таким образом – «Прозрачный бизнес» – именуется соответствующий электронный сервис, функционирующий на сайте ФНС России и содержащий значительный объем информации о хозяйствующих субъектах, который ранее был отнесен к налоговой тайне. Понятно, что этот сервис и связанные с ним изменения – это результат цифровой реформы, которая началась с общей целью «создания устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств»²⁸⁵. Что же касается налоговой тайны в отношении сведений о гражданине, то в этом смысле стоит упомянуть, прежде всего, правило подп. 1 п. 1 ст. 102 НК РФ, согласно которому налогоплательщик вправе предоставить согласие на придание сведениям, известным налоговым органам, или части этих сведений статус общедоступных²⁸⁶.

---

²⁸³ См. об этом: *Об утверждении* сроков и периода размещения, порядка формирования и размещения на официальном сайте Федеральной налоговой службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, указанных в пункте 1.1 статьи 102 Налогового кодекса Российской Федерации: приказ ФНС России от 29 декабря 2016 г. № ММВ-7-14/729@ (ред. от 07.04.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 24 января 2017 г. № 45378) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

²⁸⁴ См. об этом также: *О внесении* изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01 мая 2016 г. № 134-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023); *О внесении* изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

²⁸⁵ *Паспорт* национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"»

²⁸⁶ См. об этом: *Об утверждении* документов, предусмотренных подпунктом 1 пункта 1 и пунктом 2.3 статьи 102 Налогового кодекса Российской Федерации: Приказ ФНС России от 14 ноября 2022 г. № ЕД-7-19/1085@ (вместе с «Порядком представления в налоговые органы согласия налогоплательщика (плательщика страховых взносов) на представление налоговым органом сведений о налогоплательщике (плательщике страховых взносов), составляющих налоговую тайну, иному лицу или признание таких сведений общедоступными», «Порядком представления налоговым органом сведений, составляющих

Представляется, что связь цифровой частной жизни гражданина и налоговой тайны обусловлена наличием такого сервиса, как «Личный кабинет налогоплательщика – физического лица», размещенного на сайте ФНС России. Этот сервис, представляющий собой по сути пользовательский аккаунт, содержит максимальный объем сведений, относящихся к налоговой тайне. Так, гражданин, прошедший в установленном порядке авторизацию, получает доступ к следующим личным сведениям: об объектах имущества, о транспортных средствах, о суммах начисленных и уплаченных налоговых платежей, о переплатах, о налоговых задолженностях, о налоговых уведомлениях, о камеральной проверке налоговых деклараций, о своих счетах (вкладах) в российских банках. Примечательно, что аутентификация пользователя-налогоплательщика является альтернативной, по выбору пользователя: либо с помощью данных пользовательского аккаунта портала «Госуслуги», либо с помощью электронной подписи налогоплательщика. Очевидно, что цифровизация, приведшая, в частности, к «оцифровке» некоторых персональных данных, в том числе имеющих отношение к налоговой тайне, предопределила усложнение соответствующих отношений, поскольку включила «тайные» сведения в информационное пространство. В зарубежной научной литературе на протяжении многих лет исследуется проблема кибератак, ставящих под угрозу конфиденциальность сведений, размещенных как на частных, так и на публичных информационных системах. Думается, что обозначенная проблематика актуальна и в отношении сведений, составляющих налоговую тайну и содержащихся в цифровом пространстве. При этом уязвимость соответствующих сведений имеет, главным образом, два источника опасности: первый – это виктимное цифровое поведение пользователя, налогоплательщика – физического лица (например, сохранение логина и пароля на сомнительных устройствах;

налоговую тайну, иному лицу») (Зарегистрировано в Минюсте России 02 декабря 2022 г. № 71321) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

использование одних и тех же логина и пароля ко всем пользовательским аккаунтам; сообщение логина и пароля от пользовательского аккаунта третьи лицам, в том числе с помощью информационно-телекоммуникационных систем и т.д.); второй – кибератаки, ответственность за воспрепятствование которым ложится на плечи оператора соответствующей информационной системы.

Врачебная тайна и пользовательский аккаунт на региональном портале медицинских услуг, а также в частных информационных системах, объективированных в форме мобильных приложений.

Цифровизация коснулась и сферы оказания медицинских услуг. При этом речь идет не только о частных медицинских центрах, разработавших свои собственные мобильные приложения, но и о региональных медицинских услугах, которые сконцентрированы на портале, именуемом «Ко врачу». В App Store и Play Market представлено значительное количество мобильных приложений, которые принадлежат различным частным медицинским организациям. К примеру, известная клиника «Медси» имеет такое приложение как SmartMed, клиника «АльфаЦентрЗдоровья» – одноименное приложение. Не углубляясь в маркетинговую и техническую сторону этого вопроса, заметим, что указанные приложения предназначены не только для записи на прием к врачу в режиме онлайн, но и для концентрации результатов лабораторных исследований и консультативной медицинской помощи. Следовательно, войдя в свой персональный профиль, гражданин получает доступ к информации, составляющей врачебную тайну. То же самое актуально и для муниципального портала «Ко врачу», в интерфейсе которого предусмотрены персональные аккаунты, содержащие все случаи амбулаторно-поликлинического лечения. В таких условиях возникает объективная потребность в особой защите информации, позволяющей получить доступ к соответствующим информационным системам (логин, пароль, биометрические персональные данные и т.д.).

В продолжение исследования стоит обратить внимание на термины, имеющие важное значение в рамках исследуемой проблематики – «идентификация» и «аутентификация». Эти понятия, разумеется, не являются тождественными, но при этом оба имеют непосредственное отношение к информационным системам. Примечательно, что на протяжении почти десяти лет в Российской Федерации действует «Методический документ. Меры защиты информации в государственных информационных системах»²⁸⁷, утвержденный ФСТЭК России от 11 февраля 2014 г. В указанном документе, в частности, отмечается, что «пользователи информационной системы должны однозначно идентифицироваться и аутентифицироваться для всех видов доступа, кроме тех видов доступа, которые определяются как действия, разрешенные до идентификации и аутентификации в соответствии с мерой защиты информации УПД.11. Аутентификация пользователя осуществляется с использованием паролей, аппаратных средств, биометрических характеристик, иных средств или в случае многофакторной (двухфакторной) аутентификации – определенной комбинации указанных средств. В информационной системе должна быть обеспечена возможность однозначного сопоставления идентификатора пользователя с запускаемыми от его имени процессами». Таким образом, можно сделать вывод о том, что аутентификация выступает технической процедурой, позволяющей идентифицировать гражданина, совершающего вход либо иные действия на информационной системе. В этом смысле аутентифицирующая информация, в том числе логины, пароли, биометрические данные, коды доступа, получаемые через sms-сообщение или push-уведомление, и т.п., сама по себе является цифровыми персональными данными.

---

²⁸⁷ *Методический документ. Меры защиты информации в государственных информационных системах: утв. ФСТЭК России 11 февраля 2014 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://fstec.ru> (дата опубликования: 18 февраля 2014 г.).*

Процессы цифровизации способствуют появлению новых видов тайной информации, сопряженной с информационными системами. Речь идет, прежде всего, о логинах, паролях, квалифицированной электронной подписи и других уникальных данных, с помощью которых происходит аутентификация пользователя в той или иной информационной системе. Важность изучения правового режима перечисленных данных predetermined тем, что они обеспечивают доступ к разным видам благ. Так, сохранение в тайне логинов и паролей от страниц в социальных сетях обеспечивает неприкосновенность частной жизни гражданина, в том числе тайну электронной переписки. Однако условно названная нами «цифровая тайна» (тайна логинов, паролей, электронной подписи, кодов доступа и т.п. от аккаунтов в информационных системах) касается не только и не столько нематериальных благ: перечисленные данные обеспечивают доступ и к цифровым финансовым активам, а также иным цифровым правам, инфраструктура которых predetermined условиями конкретной информационной системы.

Представляется, что совокупность цифровых данных (в том числе электронная цифровая подпись, логины и пароли от аккаунтов, биометрические характеристики и т.д.) может быть квалифицирована в качестве нового вида тайны – цифровой тайны, охрана которой возлагается на операторов соответствующих информационных систем.

Резюмируем вышеизложенное.

К тайной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме, следует относить сведения, подпадающие под гражданско-правовые режимы охраняемой законом информации и хранящиеся в соответствующих информационных системах, в том числе сведения, составляющие банковскую тайну и хранящиеся в онлайн-банкинге; сведения, составляющие нотариальную тайну и хранящиеся в Единой информационной системе нотариата; сведения, составляющие тайну усыновления и хранящиеся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния;

сведения, составляющие налоговую тайну и хранящиеся в личном кабинете налогоплательщика – физического лица; сведения, составляющие врачебную тайну, и хранящиеся на региональных порталах медицинских услуг, а также в частных информационных системах (как правило, в форме мобильных приложений).

В правоотношениях, обусловленных тайной информацией о гражданине, содержащейся в цифровой форме, участвует новый субъект – оператор информационной системы, на которого должна быть возложена реализация системы управления информационными рисками. В работе предложен новый вид тайной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме, – цифровая тайна, состоящая из сведений, обеспечивающих аутентификацию и идентификацию гражданина для получения доступа в пользовательские аккаунты информационных систем (электронная цифровая подпись, логины и пароли от аккаунтов, биометрические характеристики и т.д.). Констатировано, что сохранение в тайне сведений, составляющих цифровую тайну, возложено на операторов соответствующих информационных систем.

§ 2.4 Коммуникационная информация и ее место в структуре цифрового образа гражданина

Под коммуникацией обычно понимается целенаправленная деятельность по обмену информацией. Однако в рамках настоящего исследования данный термин использован в более широком значении, включающем в том числе деятельность по перемещению в реальном и виртуальном пространстве.

Коммуникационная информация определена нами как сведения о контактах и местоположении гражданина в любой форме. Из этого следует, что наиболее яркими примерами такой информации выступают: данные

геолокации, переписка в социальных сетях/мессенджерах и иных информационно-телекоммуникационных системах, телефонные переговоры и т.д. Поскольку поставленная цель и задачи настоящего исследования предполагают изучение не всей коммуникационной информации, а только той, которая характеризует цифровой образ гражданина, постольку нами сознательно ограничены конкретные примеры такой информации.

Данные геолокации как цифровые персональные данные.

Размышляя над концепцией технологического детерминизма, Д.Е. Богданов, цитируя М.О. Орлова²⁸⁸, критически оценивает новую характеристику, употребляемую в отношении личности человека, – «человек геолокализованный»²⁸⁹. Вслед за ними С.В. Шуравлева, перечисляя различные виды цифровой информации, в том числе и геолокационные данные, подмечает, что «еще никогда человек не становился "донором" такого количества разнообразной информации и объектом столь пристального внимания со стороны государственных и частных структур»²⁹⁰.

Пожалуй, представит значительную сложность поиск жителя мегаполиса, не обладающего техническим устройством, позволяющим отслеживать геолокацию. Очевидно, что среди таких устройств первое место отведено смартфону, однако это далеко не единственное устройство, обладающее соответствующим функционалом. В числе таких устройств также планшеты, умные часы, персональные компьютеры и многое другое. Геолокация, как и иной технический функционал, частично управляема. Например, при входе в различные мобильные приложения, последние запрашивают доступ к геолокационным данным пользователя, а в некоторых случаях получение такого доступа является обязательным условием совершения любых действий в рамках соответствующей информационной

---

²⁸⁸ См. об этом: *Орлов М.О.* Многомерность цифровой среды в обществе риска.

²⁸⁹ *Богданов Д.Е.* Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ. С. 678.

²⁹⁰ *Шуравлева С.В.* Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 527.

системы, ввиду чего пользователь вынужден предоставить соответствующую информацию. Так, разрешение приложению отслеживать геолокацию позволяет пользователю получить различную интересующую его информацию: километраж, пройденный гражданином за день (особенно актуально для фитнес-мониторов); рестораны, расположенные рядом с гражданином и имеющие высокую оценку посетителей; прогноз погоды в местности, в которой находится гражданин; затруднения на дороге по пути домой (в том числе пробки, аварии, ремонтные работы и т.д.); время доставки до места нахождения гражданина продуктов питания из магазинов или ресторанов; время подачи такси до места нахождения гражданина; срок доставки почтового отправления и т.д. Однако зачастую геолокация указывается пользователем соответствующего технического устройства целенаправленно: например, это делается в различных социальных сетях под фотографиями, что можно расценить как дань современной моде.

Стоит обратить внимание на мультифункциональность геолокационных персональных данных и, как следствие, достаточно большой спектр общественных отношений, в которых такие данные востребованы. В их числе: розыск пропавших лиц и особенно несовершеннолетних²⁹¹, незаконный контроль работодателем своих работников²⁹², отслеживание транспортных средств, особенно в сфере грузоперевозок и др.

Некоторые мобильные приложения осуществляют сбор геолокационных данных в фоновом режиме, то есть осуществляют это постоянно, независимо от входа в соответствующие информационные системы. К примеру, в таком режиме функционируют «Amazon», «Apple», «Facebook»²⁹³, Google и др. Очевидно, что функциональное предназначение

---

²⁹¹ См. об этом: *Ложис З.З., Чухачин Р.В.* Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // *Российский следователь.* 2022. № 4. С. 23–27.

²⁹² См., например: *Едидин Б.А., Крымская К.В.* Сбор избыточных данных: вопросы правового регулирования // *Право и цифровая экономика.* 2022. № 2. С. 27–32.

²⁹³ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

социальных сетей заключается не столько в предоставлении соответствующей информационной инфраструктуры, обеспечивающей коммуникацию пользователей, сколько в генерации знаний, приобретенных за счет геолокационных данных и траекторий передвижения гражданина.

К.А. Иванова справедливо замечает, что «противоречие между конфиденциальностью и инновациями в интернет-пространстве усугубляется быстрым развитием технологий отслеживания и методологий анализа данных, а также огромным объемом доступных данных о пользователях»²⁹⁴. Примечательно, что действующее отечественное законодательство предъявляет требования по защите конфиденциальности данных о местоположении только по отношению к идентифицируемой информации (т.е. не анонимной) и только к начальному сборщику данных, в то время как использование этих данных осуществляется, как правило, вторичными сборщиками, которые с помощью разработанных информационных систем анализируют личные данные пользователей глобальной сети Интернет и сопоставляют их с неидентифицированными геолокационными данными, что позволяет создать достаточно достоверный персональный «маршрут», по которому передвигался гражданин. Разумеется, что сбор таких данных осуществляется с коммерческой целью для последующей «продажи» соответствующих персональных данных заинтересованным лицам, что представляет собой посягательство на цифровой образ гражданина.

Несмотря на то что данные геолокации и соответствующие сопутствующие персональные данные гражданина, сгенерированные соответствующими информационными системами, чаще всего используются для последующего предложения такому гражданину актуальных для него товаров, работ и услуг, эти данные могут способствовать и совершению преступлений, в том числе в киберпространстве. Очевидно, что правовой вакуум вокруг геолокационных персональных данных не способствует

---

²⁹⁴ Иванова К.А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 32–38.

эффективной реализации принадлежащих гражданину субъективных гражданских прав и интересов. Представляется, что в ближайшем будущем законодатели большинства стран мира будут вынуждены разработать соответствующее правовое регулирование геолокационных данных и их правовой защиты. Это актуально и для отечественного правотворца.

Характеризуя степень научной разработанности цивилистического учения о геолокационных данных, стоит отметить, что специальных научных разработок, посвященных правовому режиму геолокации, практически не осуществлялось. Исключением является научная статья К.А. Ивановой, посвященная праву граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет²⁹⁵.

Геолокация представляет собой данные о местоположении, которое в условиях удвоения мира может быть физическим и виртуальным. Физическое местоположение представляет собой совокупность координат, позволяющих при помощи GPS определить место нахождения материального объекта в реальном пространстве, в том числе физического лица. Примечательно, что именно геолокационные сведения, собираемые «Яндексом», были использованы для измерения так называемого индекса самоизоляции в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Виртуальное местоположение представляет собой передвижение в киберпространстве. Эти два типа геолокации позволяют сформировать достаточно точное представление о гражданине, его интересах и потребностях, а стало быть – о его частной жизни. Как замечает К.А. Иванова, большой объем персональных данных, загруженных в глобальную сеть, позволяет сформировать вполне достоверный профиль отслеживаемого лица, поскольку само местонахождение лица является идентификатором его личности²⁹⁶.

---

²⁹⁵ *Иванова К.А. Указ. соч. С. 34.*

²⁹⁶ *Иванова К.А. Указ. соч. С. 34.*

Термин «профиль», широко употребляемый в связи с развитием цифровых технологий, лег в основу нового направления целенаправленной деятельности – профилирования, представляющей собой сбор метрик, идентифицирующих личность, особенности его поведения и прогнозируемые на основании этой информации тенденции. Например, профилирование может включать в себя сбор демографических данных (ФИО, пол, возраст, семейное положение, наличие детей, их пол, возраст, место жительства, уровень благосостояния, наличие автомобиля и его характеристики), показателей основных транзакций (сумма покупок, совершаемых ежемесячно; основные направления расходования денежных средств; количество возвратов товаров, приобретенных на маркетплейсах и т.д.), оценок пользователя (степень удовлетворенности посещенными местами и используемыми приложениями, отношение к проводимой политике и т.д.), информации о сетевых взаимоотношениях гражданина и т.д. На основании профилирования происходит принятие тех или иных решений, например, в части предоставления гражданину кредита.

Интересно, что геолокационные персональные данные уже были задействованы в судебном разбирательстве, связанном с признанием должника банкротом. Так, 21 июля 2021 г. в Арбитражный суд Свердловской области поступило заявление финансового управляющего об истребовании у ООО «Google» и у ООО «Яндекс» сведений о геолокации при использовании должником электронной почты, а также сведений об IP-адресах. По мнению финансового управляющего, «сведения о геолокации при использовании должником электронной почты и сведения об IP-адресах необходимы не только по обособленному спору о взыскании убытков, но и для всего дела о банкротстве в целом, поскольку установление места нахождения должника по использованным IP-адресам и геолокации может позволить найти активы должника, установить факт ведения бизнеса, оформленного на

родственников, и, как следствие, пополнение конкурсной массы»²⁹⁷. Несмотря на то что заявителю было отказано в получении соответствующих данных, суд фактически обошел вниманием оценку этих данных с позиции их правовой сущности, заключив, что они не имеют отношения к делу, что неудивительно в условиях правового вакуума.

Представляется, что геолокационная информация может быть условно разделена на два вида: идентифицирующая конкретного лица и анонимная, но идентифицируемая. Как мы уже отметили, под правовую защиту подпадает только первая из названных классификационных групп. Однако вторая, не имеющая специального правового регулирования, не менее опасна с точки зрения вторжения в частную жизнь гражданина и нарушения его права на ее неприкосновенность.

Личные сообщения в социальных сетях, мессенджерах, электронных почтах и иных информационно-телекоммуникационных системах как коммуникационная информация, составляющая цифровой образ личности. Цифровая коммуникация, осуществляемая с помощью личных сообщений, направляемых посредством электронной почты, социальных сетей и мессенджеров, буквально поглотила современное общество. Граждане всего мира, принадлежащие к разным демографическим группам, охотно пользуются соответствующими достижениями цифровой цивилизации. Однако мало кто догадывается, что большинство приложений и иных информационных систем предоставляют услуги по безвозмездной коммуникации исключительно с целью сбора данных о пользователе. Примечательно, что в 2021 г. наблюдательный орган по кибербезопасности Китая осуществил аналитику в отношении мобильных приложений одной известной холдинговой компании и установил, что 15 приложений, предоставляющих услугу по отправке личных сообщений, осуществляют

---

²⁹⁷ *Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 декабря 2021 г. № 17АП-8233/2016(51,52)-АК по делу № А60-51936/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

сбор персональных данных, не связанных с оказанием этой услуги, а часть иных приложений по отправке личных сообщений вынуждает пользователя предоставить доступ к списку его личных контактов²⁹⁸.

Неудивительно в связи с этим, что было разработано мобильное приложение «Гетконтакт», получившее в последнее время широкую рекламу и позволяющее узнать, как гражданин или номер, входящий на его мобильный телефон, именуется в контактах других людей. Рекламная кампания такого мобильного приложения проходила под лозунгом «Всегда Знайте, Кто Вам Звонит. Более 400 миллионов пользователей со всего мира». Через некоторое время после появления этого мобильного приложения появился такой поисковой запрос: «как удалить свой номер из базы Гетконтакт»²⁹⁹. Заметим, что приложение «Гетконтакт» позиционирует себя как помощник в борьбе со спам-звонками, получившими чрезмерную популярность в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и после нее. При скачивании этого приложения на техническое устройство пользователю предлагается согласиться с политикой конфиденциальности, которая в том числе предполагает предоставление приложению таких персональных данных, как ФИО, электронная почта, номер телефона, список контактов, информация о том, как пользователь записан в контактах других людей. На наш взгляд, существуют две основные причины игнорирования подобных правил: первая – вынужденный характер их принятия под страхом невозможности использования соответствующего приложения; вторая – низкий уровень правовой культуры российского общества, граждане которого не заботятся о конфиденциальности своих собственных персональных данных, что охарактеризовано нами как цифровая виктимность.

---

²⁹⁸ URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/app-personal-data-protection/> (дата обращения: 23.03.2023).

²⁹⁹ URL: <https://journal.tinkoff.ru/getcontact-delete/> (дата обращения: 23.03.2023).

Заметим, что личные сообщения, объективированные в цифровой форме, многофункциональны: если первоначально пользователь обменивался сообщениями с целью удовлетворения своей потребности в общении, то впоследствии цифровая коммуникация стала также средством делового взаимодействия. Так, при помощи электронной почты, мессенджеров и других информационно-телекоммуникационных систем осуществляется направление юридически значимых сообщений.

Многочисленная правоприменительная практика, складывающаяся по поводу правовой оценки таких сообщений с точки зрения допустимости их признания юридически значимыми, способствовала формулированию даже позиции ВС РФ на этот счет: «направление обращения с использованием информационно-телекоммуникационной сети (например, по адресу электронной почты, в социальных сетях и мессенджерах) свидетельствует о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора исключительно в случае, если такой порядок установлен нормативным правовым актом, явно и недвусмысленно предусмотрен в договоре либо данный способ переписки является обычной сложившейся деловой практикой между сторонами и ранее обмен корреспонденцией осуществлялся в том числе таким образом»³⁰⁰. Примечательно, что в иностранных юрисдикциях переписка по электронной почте достаточно давно признана надлежащим средством делового взаимодействия, в том числе в части заключения сделок, а также совершения иных юридически значимых действий³⁰¹.

Изучение личных сообщений, направляемых гражданином, имеет огромный аналитический потенциал в деле профилирования личности: от установления круга общения и близких контактов гражданина до выяснения

---

³⁰⁰ О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 // Российская газета. 2021. 02 июля, № 144.

³⁰¹ См. об этом: *Будылин С.Л.* Лорд Ноттингем и электронная почта, или Дело о подписанном имейле. Комментарий к делу *Golden Ocean Group Ltd v. Salgaocar Mining Industries PVT Ltd & Anor* [2012] EWCA Civ. 265 (9 march 2012) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12. С. 40–46.

особенностей его внутреннего мира, взглядов, ценностей, интересов, потребностей. Указанная информация, как уже было отмечено, подлежит монетизации. Так, написав в личном сообщении коллеге о своем желании поставить в квартире систему видеонаблюдения, гражданин непременно получит соответствующую рекламу, которая может быть объективирована в форме контекстной рекламы в электронной почте и иных информационно-телекоммуникационных системах, а в некоторых случаях даже в форме звонка реального человека или робота на мобильный телефон. Квалификация подобного рекламирования нарушением неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны не вызывает сомнения. Однако юридическая защита нарушенного права в описанной ситуации представляется крайне затруднительной.

Резюмируем вышеизложенное.

К коммуникационной информации о гражданине, содержащейся в цифровой форме, относятся сведения о местоположении, которое в условиях удвоения мира может быть физическим и виртуальным, а также сведения, обусловленные личными сообщениями в социальных сетях, мессенджерах, электронных почтах и иных информационно-телекоммуникационных системах. Геолокационные персональные данные могут быть разделены на два вида: идентифицирующие конкретного лица и анонимные, но идентифицируемые.

С учетом того что действующее законодательство предъявляет требования по защите конфиденциальности данных о местоположении только по отношению к идентифицирующей конкретного лица информации и только к начальному сборщику данных, предложено обеспечить гражданско-правовую охрану также и анонимных, но идентифицируемых данных о местоположении, а также предусмотреть правовой режим геолокации в целом.

Глава 3. Гражданско-правовая защита частной жизни в условиях цифровизации общества

§ 3.1 Посягательства на частную жизнь гражданина и его цифровой образ как основание их гражданско-правовой защиты

Тематика поиска эффективных инструментов охраны нематериальных благ в целом всегда привлекала внимание цивилистов. Так, определяя частную жизнь как одну из сторон человеческой жизни, связанной с личной или семейной тайной, В.А. Новиков отмечает отсутствие в российском правовом пространстве эффективного механизма защиты права на неприкосновенность частной жизни³⁰². При этом и без того малоэффективный механизм защиты права на неприкосновенность частной жизни становится еще более уязвимым в условиях цифровой среды.

Первая методологическая сложность исследуемой проблематики предопределена тем, что несмотря на очевидность нарушения конституционного права на неприкосновенность частной жизни, существующей в рамках цифровой среды, современное гражданское законодательство не оперирует достаточной нормативно-правовой базой, способной квалифицировать такие посягательства. Поэтому для их характеристики следует апеллировать к действующему гражданскому законодательству и адаптировать его под цифровые отношения.

Вторая методологическая сложность изучения посягательств на цифровой образ гражданина предопределена гражданско-правовой отраслевой принадлежностью исследуемой проблематики.

Сбор избыточных данных как посягательство на цифровой образ гражданина и его частную жизнь. В условиях эпохи информационного общества ощущается острая конкуренция за данные о человеке. Более того,

---

³⁰² Новиков В.А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны.

такая информация имеет экономические свойства товара. Мобильные приложения, используемые пользователем, собирают большой объем данных, многие из которых не относятся к информации, регулируемой действующим законодательством. Приводя примеры такой информации, Б.А. Едидин и К.В. Крымская упоминают среди них «данные об используемом устройстве, маршрутах следования, находящихся неподалеку устройствах, голос, скорость передвижения, контакты, посещаемые сайты»³⁰³. Эти данные монетизируются, то есть обладают свойством рыночного спроса для последующего применения в рекламных, маркетинговых и прочих аналогичных целях. При этом с учетом отсутствия правового регулирования таких данных их сбор не предполагает получения в установленном законом порядке согласия пользователя по аналогии с тем, как это осуществляется в отношении персональных данных.

В научной литературе используется новый термин – «избыточные данные», под которыми предлагается понимать информацию, не обусловленную функциональным назначением программного обеспечения³⁰⁴. Примером такой информации являются геолокационные данные, собираемые игровым приложением: избыточность в данном случае подразумевает отсутствие необходимости в обладании данными о геолокации пользователя, осуществляющего компьютерную игру.

Заметим, что в зарубежной научной литературе, посвященной исследованию аналогичной проблематики, используется несколько иной термин – «несущественная информация» («non-essential information»). Несмотря на признание проблемы сбора избыточных данных как в зарубежном, так и в отечественном правовом пространстве, законодатели стран мира не спешат принимать специальные правовые регуляторы по защите граждан от чрезмерного вторжения в их частную жизнь.

---

³⁰³ Едидин Б.А., Крымская К.В. Сбор избыточных данных: вопросы правового регулирования // Право и цифровая экономика. 2022. № 2. С. 27–32.

³⁰⁴ Там же.

В рамках Европейского союза действует уже упомянутый Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза, который закрепляет так называемый принцип минимизации данных, то есть требования об адекватности, актуальности и обусловленности целью, предъявляемые к запрашиваемым персональным данным.

В контексте исследуемой проблемы весьма интересным представляется разбирательство, возникшее во французской юрисдикции в отношении всемирно известной компании «Microsoft». Ей было предъявлено требование о прекращении сбора избыточных данных в отношении пользователей операционной системы Windows 10, которые проживали на территории Франции. В рамках данного расследования было установлено, что компания «Microsoft» осуществляет сбор избыточных данных с целью их последующей монетизации путем осуществления таргетированной рекламы. Интересно, что к избыточным данным регулятор отнес информацию обо всех загруженных на устройства пользователя приложениях и времени, которое пользователи проводят в них³⁰⁵. В качестве своеобразного ответа на требования регулятора компания «Microsoft» разработала и запустила новую систему настроек конфиденциальности, позволяющую пользователю определять объем информации, передаваемый операционной системе.

Весьма схожий юридический конфликт имел место в Германии, антимонопольный орган которой обнаружил сбор избыточных данных компанией «Facebook»³⁰⁶. При этом в качестве избыточных данных антимонопольный орган расценил сбор информации о пользователях названной социальной сети, хранящейся в иных социальных сетях, принадлежащих холдинговой компании «Мета»³⁰⁷, в том числе Instagram³⁰⁸,

---

³⁰⁵ URL: <https://www.cnil.fr/fr/reglez-les-parametres-vie-privee-de-windows-10-pendant-linstallation> (дата обращения: 23.03.2023).

³⁰⁶ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

³⁰⁷ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

WhatsApp и др. В ответ на обозначенные обвинения названная компания скорректировала политику конфиденциальности и предложила пользователям предоставить согласие в отношении изменившихся условий, которые касались сбора соответствующих избыточных данных. Однако Верховный Суд ФРГ постановил, что подобный тактический ход компании является неправомерным, поскольку пользователи дают согласие на изменившиеся условия конфиденциальности вынужденно под страхом невозможности использовать ресурсы соответствующей информационной системы.

Особого успеха в деле по борьбе с избыточными данными добился Китай. Так, в 2018 г. Китайская ассоциация потребителей провела эксперимент, в рамках которого были проанализированы 100 мобильных приложений на предмет сбора избыточных данных. В результате такого эксперимента было установлено, что почти 60 % исследованных приложений независимо от их предметной сферы собирают геолокационные персональные данные пользователя, а 30 % приложений не имеют политики конфиденциальности персональных данных пользователя³⁰⁹. Этот эксперимент послужил поводом к разработке нормативно-правового акта – «Положения об объеме персональной информации, необходимой для распространенных видов мобильных приложений», регламентирующего императивный запрет на предъявление пользователю требования о предоставлении избыточных персональных данных, а также перечень данных, квалифицированных в качестве допустимых к сбору³¹⁰.

Интересно, что вопрос о том, является ли допустимым сбор геолокационных данных, был предметом рассмотрения ЕСПЧ, который по этому поводу дал следующие пояснения: французское законодательство содержало правовую неопределенность в части объема и случаев допустимой

---

³⁰⁸ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

³⁰⁹ URL: <http://www.cca.cn/zxsd/detail/28309.html> (дата обращения: 23.03.2023).

³¹⁰ URL: http://www.cac.gov.cn/2021-03/22/c_1617990997054277.htm (дата обращения: 23.03.2023).

фиксации геолокационных персональных данных, а конкретный случай такой фиксации был признан посягательством на неприкосновенность частной и семейной жизни³¹¹.

Таргетированная (целенаправленная) реклама как посягательство на цифровой образ гражданина и его частную жизнь. В рамках настоящего исследования уже упоминалась такая деятельность, как профилирование личности, основанное на собранной о гражданине информации. Очевидно, что целью такого сбора является последующая «продажа» соответствующих данных хозяйствующим субъектам, заинтересованным при помощи современных информационных систем продать свой товар, работу или услугу. Как известно, продажа имеет больше шансов на успех, если она соответствует реальным потребностям личности. Поэтому так называемая таргетированная, или целенаправленная реклама адресована тому лицу, который с точки зрения осуществлённого в его адрес профилирования мог бы быть потенциально заинтересован в соответствующей покупке. Под таргетированной рекламой предлагается понимать способ онлайн-рекламы, в котором используются методы и настройки поиска целевой аудитории в соответствии с заданными параметрами (характеристиками и интересами) людей, которые могут интересоваться рекламируемым товаром или услугой.

Таргетированная реклама получила транснациональное признание, поэтому в средствах массовой информации можно найти не один случай нарушения прав при помощи описанного технологического ресурса. Так, популярная социальная сеть «Facebook»³¹², сотрудничающая с аналитической компанией «Cambridge Analytica», была замечена в размещении таргетированной политической рекламы, которая использовалась, в частности, в рамках президентской предвыборной кампании в США и

---

³¹¹ *Решение* ЕСПЧ по делу «Бен Файза против Франции» № 31446/12 от 8 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»-

³¹² Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

референдума о Brexit в 2016 г. Интересно, что «Cambridge Analytica», являющаяся ответчиком по коллективным искам, в которых пользователи указанной социальной сети утверждали о нарушении их прав незаконным сбором информации в том числе об их частной жизни, обращала внимание на отсутствие факта посягательства на частную жизнь граждан. При этом основатель указанной социальной сети признал свою вину в части обеспечения конфиденциальности сведений о частной жизни пользователей соответствующей социальной сети³¹³. Аналогичные иски были поданы в суд и в Испании³¹⁴.

Раскрытие персональных данных клиентов с помощью информационных систем как посягательство на частную жизнь гражданина. Одной из существенных проблем остается раскрытие персональных данных клиентов отечественных кредитных организаций. В СМИ нередко освещают инциденты с «покупкой» персональных данных клиентов крупнейшего российского банка – ПАО «Сбербанк». Примечательно, что в одном из таких инцидентов ПАО «Сбербанк» даже признал факт утечки персональных данных своих клиентов³¹⁵. Заметим, что среди «утекшей» информации номера банковских счетов, остатки средств по ним, содержание последних звонков в кол-центр и т.д. По мнению банков, утечка такой информации не представляет опасности для денежных средств, хранящихся в банке. Однако широко известно, что такие данные имеют широкую сферу мошеннического применения с позиции нового направления кибербезопасности – социальной инженерии (психологическое манипулирование людьми с целью совершения определенных действий или разглашения конфиденциальной информации).

---

³¹³ См. об этом: <https://www.cyberwatchaustralia.com/2018/04/mark-zuckerberg-testifies-what-you-need-to-know/> (дата обращения: 06.02.2023).

³¹⁴ См. об этом: *Ruda-Gonzalez A. Liability for the Unauthorized Use of Personal Data in Social Networks: the Case for Collective Redress // European Journal of Privacy Law & Technologies. 2020. Special Issue. Pp. 80–92.*

³¹⁵ URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/24/iz-bankov-postoyanno-utekayut-dannye-klientov-stoit-li-panikovat-i-mozhno-li-zaschititsya-ot-moshennikov> (дата обращения: 27.03.2023).

Как показывают соответствующие исследования, наиболее вредоносным фактором утечки персональных данных выступают сотрудники кредитной организации. Так, компания «Инфо Вотч» в 2006 г. провела специальное исследование, посвященное проблеме информационной безопасности в отечественном банковском секторе. Из отчета, подготовленного по результатам исследования, следует, что соотношение внутренних и внешних рисков информационной безопасности в банковском секторе – 6:4. При этом выяснено, что основная причина утечки персональных данных клиентов банка – это «кража» соответствующей информации сотрудниками банка³¹⁶. Безусловно, значительным фактором риска в деле информационной безопасности персональных данных являются кибератаки на компьютерные сети банков³¹⁷. Их количество растет в геометрической прогрессии с каждым годом.

Незаконный сбор и хранение биометрических персональных данных как посягательство на цифровой образ гражданина и его частную жизнь. В качестве яркого примера такого посягательства может быть приведен коллективный иск против социальной сети «Facebook»³¹⁸, закончившийся мировым соглашением, достигнутым 29 января 2020 г. Суть рассматриваемого юридического спора была сведена к нарушению прав на биометрические персональные данные пользователей названной социальной сети, которая без предварительного уведомления и без согласия пользователей осуществляла сбор и хранение биометрических персональных данных. При этом заслуживает отдельной квалификации технологический способ, при помощи которого соответствующие биометрические данные были получены: социальная сеть использовала фотографии, загруженные пользователями этой сети, и при помощи автоматического распознавания лиц, основанного на технологии сканирования, получила соответствующие

---

³¹⁶ URL: <http://bankir.ru/technology/article/1383866> (дата обращения: 27.03.2023).

³¹⁷ URL: http://www.kaspersky.ru/reading_room?chapter=207367918 (дата обращения: 27.03.2023).

³¹⁸ Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

данные. В обоснование соответствующих исковых требований заявители привели нормы Illinois Biometric Information Privacy Act 2008 г. Особый интерес представляет позиция ответчика по анализируемому юридическому делу: социальная сеть, не отрицая факт незаконного сбора и хранения биометрических персональных данных, возражала против удовлетворения исковых требований по причине отсутствия вреда от подобного сбора и хранения. При этом ответчиком использовался специальный термин «real-world harms», дословно означающий «вред, существующий в реальном мире». Можно ли утверждать о сдвиге парадигмы классического цивилистического учения о причинении вреда, мотивируя это появлением наряду с «вредом, существующим в реальном мире», «вреда, существующего в виртуальном мире»? В продолжение описываемого случая заметим, что, по мнению социальной сети, осуществленное им деяние, выразившееся в сборе и хранении биометрических персональных данных, не причинило пользователям социальной сети даже беспокойства. Однако ни окружной, ни апелляционный, ни Верховный Суд США не поддержали доводы ответчика³¹⁹.

В контексте анализа такого посягательства на цифровой образ гражданина, как сбор и хранение персональных данных, представляет интерес проблематика их трансграничной передачи. Так, Регламентом № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза³²⁰ предусмотрено правило следующего содержания: юридические лица, функционирующие в рамках ЕС, вправе осуществлять передачу персональных данных граждан ЕС в иные страны, не являющиеся участниками ЕС при условии, что Европейская комиссия заключит, что правовое регулирование защиты персональных данных страны, в которую

---

³¹⁹ URL: <https://www.workplaceclass-action.com/2020/01/untagging-from-photo-privacy-lawsuit-facebook-settles-its-illinois-biometric-information-privacy-litigation-for-550-million/#page=1> (дата обращения: 06.02.2023).

³²⁰ *О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных...*

планируется их направить, соответствует европейским стандартам защиты. Примечательно, что Европейский суд справедливости признал, что американское законодательство не может быть признано соответствующим европейским стандартам защиты персональных данных, поскольку не содержит эффективных правовых средств, которые бы гарантировали возмещение вреда, причиненного в результате незаконного сбора и хранения персональных данных лица.

Сбор и хранение биометрических персональных данных обусловлены, прежде всего, соответствующими технологиями, которые получают массовое признание и применение. Так, смартфоны компании «Apple», а также и некоторых иных производителей снабжены технологией распознавания владельца смартфона по отпечатку пальца (Touch ID), а также по лицу (Face ID). Интересно, что эти технологии, изначально зарекомендовавшие себя с положительной стороны, были взломаны благодаря применению иной технологии – печати на 3D-принтере 3D-масок³²¹.

Незаконное использование 3D-моделей органов и тканей человека как посягательство на цифровой образ гражданина и его частную жизнь. Уже обсуждаемая в рамках настоящего исследования проблематика новых юридических вызовов, ставших следствием развития аддитивных технологий, способна в ближайшем будущем привести к новым типам посягательств на цифровой образ гражданина и его частную жизнь. Например, таким посягательством может выступить незаконное использование 3D-моделей органов и тканей человека. Очевидно, что гражданское законодательство, обладающее прогностической функцией, должно уже сейчас обладать эффективным защитным инструментарием.

Ученые-юристы, исследовавшие обсуждаемую проблематику, уже разработали некоторые предложения по правовому регулированию 3D-

---

³²¹ URL: <https://www.3dpulse.ru/news/interesnoe-o-3d/komanda-bkav-obmanula-sistemu-face-id-na-iphone-x-s-pomoschyu3d-pechati/> (дата обращения: 08.02.2023).

моделей органов и тканей человека³²². Л.А. Новоселова предлагает распространить на указанные модели правовой режим объектов смежных прав, наделив их создателей соответствующим исключительным правом для защиты, прежде всего, имущественной сферы³²³. Следует поддержать сделанное предложение, однако оно направлено на защиту имущественных интересов только создателей соответствующих цифровых моделей органов и тканей человека, однако не преследует цели обеспечения неприкосновенности цифрового образа гражданина.

По этому поводу И.З. Аюшеева справедливо отмечает, что осуществление исключительного права лица, создавшего соответствующую 3D-модель, не должно при этом нарушать личные (неимущественные) права носителя соответствующего органа или ткани, по модели которых был создан цифровой аналог³²⁴. Соглашаясь с И.З. Аюшеевой в сделанном ею замечании, отметим, что вряд ли представляется возможным бесконфликтное сосуществование исключительного права на 3D-модель органа или ткани человека (или даже всего тела) и личного (неимущественного) права на неприкосновенность частной жизни, в том числе неприкосновенность цифрового облика носителя такого органа или тканей. Очевидно, что причиной противоречия выступает несовпадение носителя исключительного права и носителя личного (неимущественного) права. Вряд ли мыслима такая ситуация, когда человек создает сам для себя свою же 3D-модель. Понятно, что создание 3D-модели внешнего облика путем оцифровки органов и тканей человека – это сфера деятельности IT-специалистов, которые, как нам кажется, должны осуществлять подобную деятельность совместно с врачами. Это обусловлено, прежде всего, тем, что биопринтинг изначально

---

³²² Богданов Д.Е. Технология 3d-печати как триггер четвертой промышленной революции: новые вызовы перед правовой системой // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 238–260; Богданов Д.Е. и др. Концептуальные основы правового регулирования отношений в сфере создания и использования биопринтных человеческих органов: монография. М.: Проспект, 2022. 224 с.

³²³ Новоселова Л.А. Использование в медицине технологии объемной печати (3Dпечати) с точки зрения авторского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 53–54.

³²⁴ Аюшеева И.З. Указ. соч.

разрабатывался в медицинских целях. Если создатель 3D-модели органа или ткани человека будет наделен исключительным правом на такую модель, то его правовой статус будет включать в себя в том числе возможность использовать такую модель по своему усмотрению (ст. 1229 ГК РФ), возможность распорядиться принадлежащим исключительным правом путем его отчуждения (ст. 1234 ГК РФ) и т.д.

Избыточная и необоснованная коммуникация в цифровой среде как посягательство на цифровой образ гражданина и его частную жизнь.

В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и в период после нее большую популярность получило телефонное мошенничество, которое заключается в звонках, совершаемых преступными группировками, представляющимися сотрудниками банка, работниками правоохранительных органов, а также иных организаций. При этом требуемое такими мошенниками действие, как правило, связано с предоставлением данных банковской карты, переводом денежных средств на конкретный счет, переходом по ссылке для восстановления доступа к заблокированному аккаунту, отправлением SMS-сообщения или звонком конкретному лицу. Важно, что целью таких мошеннических действий является передача на мобильное устройство вредоносного программного объекта, получение доступа к конфиденциальной информации, в том числе данным банковской карты пользователя, незаконное списание денежных средств за отправку SMS-сообщения либо звонка на платный номер и т.д. Очевидно, что такие действия подпадают под признаки преступления, а соответствующие общественные отношения выступают объектом уголовно-правовой охраны. Однако в рамках настоящей части исследования нами предпринята попытка изучения избыточной и необоснованной коммуникации через призму нарушения норм гражданского законодательства.

Добавим, что избыточная и необоснованная коммуникация не всегда связана с мошенническими действиями. Зачастую ею злоупотребляют банки,

иные кредитные организации, а также различные хозяйствующие субъекты, навязывающие свои товары, работы или услуги. Дело об избыточной и необоснованной коммуникации стало предметом рассмотрения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ. Так, в рамках рассматриваемого разбирательства было определено следующее: «избыточные и необоснованные звонки, а также направление СМС-сообщений на телефонный номер гражданина с требованием вернуть несуществующие долги посягают на достоинство человека и являются вмешательством в его частную жизнь. Суды необоснованно отказали истцу в компенсации морального вреда, так как это требование истца обосновано в большей степени не нарушением правил сбора и обработки персональных данных, а нарушением неприкосновенности его частной жизни посредством необоснованных и назойливых телефонных звонков и СМС-сообщений. Закон не содержит какого-либо запрета на предъявление в данном случае требований непосредственно к причинителю вреда. Кроме того, истец указывает, что он не являлся субъектом, персональные данные которого обрабатывались банком, а ответчик не представил сведений о том, что банк поручал ему обработку персональных данных истца»³²⁵.

В данном деле избыточные и необоснованные звонки, а также направление СМС-сообщений на телефонный номер гражданина признаны в качестве посягательства на частную жизнь гражданина. Однако совершенно очевидно, что в контексте соответствующих рассуждений избыточной может быть признана и иная коммуникация, например направление Push-сообщений, рассылки на электронную почту и т.д. Однако в отличие от звонков и sms-сообщений, push-сообщения и входящие сообщения на электронную почту управляемы пользователем: так, в настройках к соответствующим мобильным приложениям пользователь вправе отказаться

---

³²⁵ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 5-КГ17-256 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

от push-сообщений, а при помощи соответствующей опции отменить e-mail-рассылку.

В другом деле Нижегородский областной суд отметил, что требования истицы о компенсации морального вреда по ст. 24 Закона о ПД обоснованы в равной степени не только нарушением правил обработки ее персональных данных, но и нарушением неприкосновенности ее частной жизни посредством необоснованного телефонного звонка в позднее (вечернее) время. В значении ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод телефонные коммуникации относятся к понятиям «личной жизни» и «корреспонденции» (п. 167 Постановления по делу Ассоциация 21 декабря 1984 года против Румынии)³²⁶.

Хранение общедоступной информации, составляющей цифровой след, неограниченное количество времени как посягательство на цифровой образ гражданина. Выделение такого вида посягательства на цифровой образ гражданина обусловлено действующим правовым регулированием общедоступной информации. Общий тезис, имеющий отношение к описываемой проблематике, может быть сформулирован следующим образом: информация, составляющая цифровой след, подлежит хранению в течение неограниченного количества времени. Согласно Закону о ПД, оператор прекращает обработку персональных данных и уничтожает их, если установлен факт неправомерной обработки (п. 3 ст. 21), достигнуты цели обработки (п. 4 ст. 21), субъект персональных данных отозвал данное ранее им согласие (п. 5 ст. 21).

Применительно к последнему случаю предполагается также уничтожение соответствующих персональных данных. Однако эти правила не касаются общедоступной информации, к которой относятся сведения, составляющие цифровой след. По правилам п. 12 ст. 101. Закона о ПД, оператор по требованию субъекта персональных данных прекращает

---

³²⁶ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 02 июля 2019 г. по делу № 33-7683/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»-

передачу персональных данных, относящихся к категории общедоступной информации. При этом под передачей понимается распространение, предоставление и доступ, но не хранение. Из этого следует, что Закон о ПД не предъявляет каких-либо требований относительно уничтожения общедоступной информации, составляющей цифровой след. К примеру, гражданин загрузил свое цифровое изображение в социальную сеть, а позже решил его оттуда удалить, полагая, что такое изображение более не будет доступным для кого-либо. Однако это не совсем так. Администратор социальной сети, безусловно, удалит изображение из пользовательского аккаунта, однако будет продолжать его хранение в течение неопределённого количества лет на вполне законных основаниях. Это, безусловно, ставит под угрозу неприкосновенность частной жизни гражданина.

Уязвимость человека в условиях новой цифровой среды связана не только с конкретными посягательствами на его цифровой образ, но и с существующей проблемой информационной асимметрии. Под информационной асимметрией принято понимать дисбаланс в части информированности граждан³²⁷.

Этот дисбаланс присущ в равной мере как частноправовым отношениям, так и публично-правовым. Считается, что информационная асимметрия причиняет наибольший вред слабой стороне сделки, в качестве которой чаще всего выступает потребитель³²⁸.

В научной литературе отмечается, что основной дефект законодательства, не препятствующий информационной асимметрии, заключается в отсутствии в Федеральном законе РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях о защите

---

³²⁷ См. об этом: *Прошунин М.М.* Информационная асимметрия: финансово-правовой аспект // Законодательная экспертиза. 2013. Вып. 1. С. 113–121.

³²⁸ См. об этом: *Овчинникова Ю.С.* Указ. соч.

информации»³²⁹ правовых гарантий предоставления исчерпывающей информации при работе с информационными системами.

Резюмируем вышеизложенное.

Среди основных посягательств на частную жизнь гражданина и его цифровой образ в условиях цифровой среды можно выделить следующие нарушения: сбор избыточных данных, таргетированная реклама, раскрытие персональных данных клиентов с помощью информационных систем, незаконный сбор и хранение биометрических персональных данных, незаконное использование 3D-моделей органов и тканей человека, избыточная и необоснованная коммуникация в цифровой среде, хранение общедоступной информации, составляющей цифровой след, неограниченное количество времени и др.

§ 3.2 Гражданско-правовые способы защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации

Компенсация нематериального вреда как универсальный способ защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации. В условиях технологического детерминизма, когда актуализируется проблематика уязвимости личности в цифровой среде, возрастает роль правовых регуляторов, способных обеспечить эффективную защиту субъективных гражданских прав. Так, если обратиться к ст. 82 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза, то можно обнаружить правило следующего содержания: если лицу был причинен материальный либо нематериальный вред, то он вправе требовать его компенсации от лица, осуществляющего обработку соответствующих информационных данных. Указанная норма права интересна в силу

---

³²⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.05.2023).

выраженного в ней концепта такого способа защиты, как компенсация нематериального вреда. Данная проблематика относится к числу остро дискуссионных как в отечественной, так и в зарубежной³³⁰ доктрине.

Уязвимость концепции нематериального вреда заключается в том, что она не в полной мере соответствует «классическим» постулатам деликтной ответственности: в результате применения такого способа защиты не происходит восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Немецким аналогом такого способа защиты, как компенсация нематериального вреда, выступает «удовлетворение», являющееся своего рода сатисфакцией для потерпевшего лица. По аналогичному пути идет и французский правоприменитель, допускающий применение такого способа защиты, как компенсация нематериального вреда, при посягательствах на неприкосновенность частной жизни или персональный образ личности. При этом французская правоприменительная практика идет по пути признания такого способа защиты как средством сатисфакции потерпевшего, так и инструментом наказания причинителя вреда. Ввиду обозначенных особенностей к числу фактических обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения соответствующей категории споров, относятся наличие/отсутствие злого умысла у причинителя вреда, размер имущественной выгоды, которую причинитель вреда извлек в результате совершения деликта.

Анализ складывающейся вокруг компенсации нематериального вреда иностранной правоприменительной практики позволил Д.Е. Богданову сформулировать вывод о существовании главным образом двух подходов, отражающих особенности применения ст. 82 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза, – консервативного и либерального. Так, согласно консервативному подходу, пострадавший,

---

³³⁰ См., например: *Knetsch J.* The compensation of nonpecuniary loss in GDPR infringement // *European Journal of Privacy Law & Technologies. Special issue.* 2020. Pp. 63–70; *Palmer V.* (Ed.). *The Recovery of Non Pecuniary Loss in European Contract Law (The Common Core of European Private Law).* Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 534 p.

которому был причинен нематериальный вред в результате неправомерного использования его персональных данных, должен доказать не только факт причинения такого вреда, но и факт его существенности (например, в Германии). Либеральный же подход основан на применении такого способа защиты, как компенсация нематериального вреда, в каждом случае наличия соответствующего вреда (например, в Австралии, Нидерландах)³³¹.

Основным функциональным назначением деликтной ответственности выступает компенсация вреда, причиненного неправомерным посягательством на такое нематериальное благо, как частная жизнь гражданина. Однако если взглянуть на этот способ защиты с позиции либерального подхода, то у компенсации нематериального вреда прослеживается еще и превентивно-воспитательная функция, что в целом соответствует как европейской, так и российской цивилистической традиции. Вероятно, именно этой последней функцией деликтной ответственности и обусловлен безвиновный концепт ответственности лица, осуществляющего обработку соответствующих информационных данных, прослеживающийся в нормах анализируемого Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза.

Концепцию безвиновной деликтной ответственности нередко именуют «строгим стандартом ответственности», что предопределено следующими обстоятельствами: если виновный формат ответственности обусловлен совершением причинителем вреда такого поступка, который воспринимается в обществе как нежелательный, то безвиновный формат предполагает наступление ответственности даже в том случае, если поведение причинителя вреда само по себе воспринимается в обществе как допустимое, однако, несмотря на это обстоятельство, причинило вред потерпевшему в силу потенциальной возможности наступления вреда от такого рода деятельности. Описанный строгий стандарт ответственности отличается тем,

---

³³¹ *Богданов Д.Е.* Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ. С. 691.

что ставит человека, ответственного за определенный вид деятельности, могущий причинить вред (например, обработчика персональных данных), в такие рамки, при которых он должен принять усиленные меры для ликвидации угрозы потенциально возможного вреда.

Осознание необходимости повышенной, дополнительной ответственности лица, осуществляющего обработку персональных данных, ощущается на самом высоком уровне: так, Президент РФ, утверждая перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 7 декабря 2022 г., включил в него положения об установлении оборотных штрафов в отношении компаний, допускающих утечку персональных данных, усилении ответственности за их незаконный оборот и иные нарушения законодательства в области персональных данных и просьбу представить предложения по внесению соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации³³².

Интересно, что ранее Минцифры подготовило законопроект об оборотных штрафах до 3% от годового оборота за утечку персональных данных. При этом разработчики соответствующего законопроекта разъясняют, что при назначении ответственности будут учитываться смягчающие обстоятельства, одним из которых выступает доказательство вложения существенных инвестиций в информационную инфраструктуру с позиции обеспечения ее безопасности³³³.

По мнению Д.Е. Богданова, защита персональных данных гражданина в условиях цифровизации должна обеспечиваться ресурсами деликтной гражданско-правовой ответственности с учетом строгого ее стандарта. Мы солидарны с ученым в этом вопросе и считаем, что изменение сложившейся

---

³³² *Перечень* поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека: утв. Президентом РФ 12 января 2023 г. № Пр-19. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 16.01.2023).

³³³ URL: <https://rg.ru/2022/12/14/mincifry-vystupaet-za-shtrafy-do-3-ot-godovogo-oborota-za-utechku-personalnyh-dannyh.html> (дата обращения: 09.02.2023).

порочной правоприменительной практики по делам о нарушении субъективных гражданских прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, в том числе в связи с несоблюдением требований законодательства о персональных данных, возможно только с позитивацией строго стандарта деликтной ответственности.

Гражданско-правовые способы защиты прав субъекта персональных данных по российскому законодательству. В Законе о персональных данных содержится ст. 17 «Право на обжалование действий или бездействия оператора». Интересно, что в п. 2 указанной статьи законодатель определяет способы защиты, которые могут быть применены к случаям посягательства на персональные данные. В качестве таких способов названы возмещение убытков и (или) компенсация морального вреда. Из этого можно сделать ряд следующих умозаключений: во-первых, возмещение убытков и компенсация морального вреда могут применять как совместно, так и обособленно друг от друга; во-вторых, перечень способов защиты прав субъекта персональных данных позиционируется как закрытый; в-третьих, анализируемая норма в целом аналогична изученному ранее правилу ст. 82 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза.

Кроме того, в рамках исследуемой тематики анализу должна быть подвергнута и ст. 24 Закона о персональных данных – «Ответственность за нарушение требований настоящего Федерального закона». В п. 1 указанной статьи содержится отсылочная норма следующего содержания: «Лица, виновные в нарушении требований настоящего Федерального закона, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность». Интересно, что такая формулировка п. 1 ст. 24 Закона о ПД появилась с принятием Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных

данных"»³³⁴. До принятия указанного нормативно-правового акта п. 1 ст. 24 Закона о персональных данных звучал следующим образом: «Лица, виновные в нарушении требований настоящего Федерального закона, несут гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную и иную предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность».

Однако с точки зрения тематики, обсуждаемой в рамках настоящей части диссертационного исследования, особую ценность представляет п. 2 ст. 24 Закона о ПД, согласно которому «моральный вред, причиненный субъекту персональных данных вследствие нарушения его прав, нарушения правил обработки персональных данных, установленных настоящим Федеральным законом, а также требований к защите персональных данных, установленных в соответствии с настоящим Федеральным законом, подлежит возмещению в соответствии с законодательством Российской Федерации. Возмещение морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных субъектом персональных данных убытков».

Это правило было введено в Закон о ПД Федеральным законом от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"»³³⁵. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что продекларированная в Законе о ПД цель в виде защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну может быть квалифицирована как недостижимая, что и предполагает необходимость уточнения отдельных положений Закона о ПД³³⁶.

Интересный спор был рассмотрен Ленинским районным судом г. Новосибирска. Так, гражданин, обратившийся в банк за заключением

---

³³⁴ *О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»*: Федеральный закон РФ от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.08.2011. № 31. Ст. 4701.

³³⁵ *О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»*: Федеральный закон РФ.

³³⁶ *Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"»* [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

договора банковского вклада, при его заключении отметил, что он не согласен на одно из стандартных условий договора банковского вклада, содержательно предусматривающее право банка поддерживать деловую связь со своим клиентом посредством различных ресурсов (телефона, смс-сообщений, e-мэйла и т.д.). Банк согласился на заключение договора банковского вклада на условиях вкладчика и сделал пометку о том, что процитированное условие не является согласованным. Однако вопреки этому впоследствии банк направил своему клиенту SMS-сообщение рекламного характера, что послужило основанием для обращения последнего в суд с требованием прекратить незаконную обработку его персональных данных и компенсировать моральный вред. Это дело интересно с точки зрения не только анализа соответствующего пункта договора банковского вклада, но и тех выводов, к которым пришел суд. Так, суд, оценивая условие договора банковского вклада, отметил следующее: «Предложение второго раздела согласия на обработку персональных данных договора вопреки требованиям закона представляет собою условие, согласно которому ответчик за потребителя (вкладчика) формулирует согласие последнего на специальную обработку его персональных данных, тем самым ответчик навязывает, без возможности выбора в тексте договора, согласие на специальную обработку персональных данных – и при том неопределенному кругу потребителей, что является посягательством на публичные интересы, исходя из природы данного рассматриваемого публичного договора»³³⁷. Добавим, что этот инцидент стал предметом рассмотрения и Новосибирского УФАС России, который по результатам рассмотрения соответствующей жалобы вынес постановление о назначении административного штрафа за нарушение законодательства о рекламе в сто тысяч рублей³³⁸. В этом деле были

---

³³⁷ *Решение* Ленинского районного суда г. Новосибирска от 14 октября 2014 года по делу № 2-5425/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³³⁸ *Постановление* Новосибирского УФАС России от 25 июня 2015 г. по делу № 06-67/15 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

применены исследуемые нормы Закона о ПД в части избрания такого способа защиты, как компенсация морального вреда.

Стоит заметить, что компенсация морального вреда как способ защиты прав субъекта персональных данных малоэффективна. В российской правоприменительной практике остаются сложно разрешаемыми вопросы о расчете размера компенсации такого вреда, о соразмерности компенсации характеру и степени правонарушения, а также доказательственной базе по соответствующей категории дел³³⁹. Зачастую размер морального вреда, присуждаемый судом, ничтожно мал. Так, истцы обратились в суд с требованием в том числе о компенсации морального вреда в размере 50 000 руб. каждому, поскольку обнаружили, что на странице одного из интернет-сайтов содержатся их персональные данные, в том числе Ф.И.О., адреса, номера телефонов, сведения о личной жизни. При этом установлено, что заявители не давали согласия на обработку своих персональных данных администратору этого информационного ресурса. Вынося решение в пользу заявителей, суд снизил размер компенсации морального вреда с учетом степени нравственных страданий до 1 000 руб. каждому³⁴⁰. На наш взгляд, снижение размера компенсации морального вреда до столь незначительных количественных характеристик обусловлено следующими обстоятельствами: сложностью оценки нравственных страданий, еще большей сложностью их доказывания, устоявшимися представлениями о таком способе защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда, сложившимися в том числе на основе позиций высших судебных инстанций. Однако назначение такого незначительного размера морального вреда по делам, связанным с незаконной обработкой персональных данных, с одной стороны, оказывает дестимулирующий эффект на правонарушителей, а с другой – демонстрирует

---

³³⁹ См., например: *Вакулина Г.А.* О праве пациента на компенсацию морального вреда // Юрист. 2023. № 8. С. 35–38; *Захарова О.Н., Епифанцева Т.Ю.* Возмещение вреда, причиненного при использовании искусственного интеллекта // Нотариус. 2023. № 2. С. 6-8.

³⁴⁰ *Апелляционное* определение Московского городского суда от 12 февраля 2020 г. по делу № 33-5874/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

особенности правовой политики государства, не признающего ценность персональных данных.

Кроме того, уязвимость компенсации морального вреда как способа защиты информации о частной жизни гражданина predetermined тем объективным обстоятельством, что при совершении посягательства на частную жизнь гражданина и его цифровой образ у такого гражданина может не быть ни физических, ни нравственных страданий. Следовательно, в отсутствие последних избрание компенсации морального вреда для защиты нарушенного права видится нецелесообразным. Более того, такой способ может быть признан ненадлежащим способом защиты гражданских прав³⁴¹.

Резюмируем вышеизложенное.

Универсальным способом защиты частной жизни гражданина в условиях цифровизации выступает компенсация нематериального вреда, направленная на выполнение компенсационной и превентивно-воспитательной функций. В работе сделан вывод о необходимости легализации такого способа защиты, как компенсация нематериального вреда наряду с компенсацией морального вреда. Неэффективность компенсации морального вреда как способа защиты частной жизни гражданина и в особенности информации о ней predetermined нередким отсутствием в соответствующей категории дел физических или нравственных страданий, наличие которых является неотъемлемым условием применения указанного способа защиты. Представляется, что, регламентируя компенсацию нематериального вреда, необходимо использовать модель строго стандарта ответственности (независимо от вины правонарушителя) в каждом случае наличия соответствующего вреда, независимо от факта физических или нравственных страданий.

---

³⁴¹ См. об этом: *Кузнецова О.А.* Ненадлежащий способ защиты гражданских прав как основание для отказа в иске // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4 (10). С. 116–121.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования были сделаны следующие основные выводы.

Выявлен исследовательский потенциал концепции технологического детерминизма для изучения частной жизни гражданина в условиях цифровой среды, который может быть выражен следующим образом:

– исходная установка технологического детерминизма, обосновывающая необходимость удвоения мира, предопределяет новое представление о сущности частной жизни лица: наряду с его нецифровым бытием, подчиняющимся законам материалистической диалектики, появляется цифровое бытие, основанное на метафизическом концепте;

– нецифровая частная жизнь гражданина в некотором смысле объективна в отличие от цифровой частной жизни, которая согласно концепции технологического детерминизма полностью управляема и в этом смысле субъективна;

– в отличие от нецифровой частной жизни гражданина, его цифровая частная жизнь утилитарна: концепция технологического детерминизма обосновывает причину изобретения законов технологий с целью покорения природы и общества для достижения «потребительских» результатов.

Обнаружены гражданско-правовые квалифицирующие признаки частной жизни: первый – ее объективация через информацию; второй – ее гражданско-правовая охрана путем установления запрета в отношении каких-либо действий с указанной выше информацией; третий – руководящее поведение гражданина в отношении обозначенной информации.

Выделены следующие особенности правового регулирования в исследуемой сфере: во-первых, частная жизнь гражданина исчерпывается информацией о ней, поэтому виды и формы этой информации требуют более детальной конкретизации, чем это сделано на сегодняшний день; во-вторых, институт гражданско-правовой охраны частной жизни гражданина лишен

норм, направленных на регулирование частной жизни как нематериального блага в целом, что требует коррекции; в-третьих, ст. 152.2 ГК РФ не имеет логической связи с иными федеральными законами, регламентирующими информацию, относящуюся к частной жизни гражданина, что усложняет процесс уяснения соответствующих норм права и влечет возникновение правовой неопределённости. К примеру, речь идет о Федеральном законе РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных». Очевидно, что персональные данные составляют сердцевину информации о частной жизни лица, однако не упоминаются в каком бы то ни было виде в ст. 152.2 ГК РФ.

Термин «правовой режим» может быть использован одновременно в двух значениях. В широком смысле гражданско-правовой режим частной жизни гражданина следует понимать как модель социального состояния частной жизни лица, достигаемый при помощи гражданско-правового регулирования, выражающегося в инструментальном комплексе гражданско-правовых юридических средств, направленных на обеспечение неприкосновенности сведений, относящихся к тайне частной жизни и правопорядка в сфере охраны соответствующих нематериальных благ. В узком смысле гражданско-правовой режим частной жизни гражданина есть режим неприкосновенности сведений, относящихся к тайне частной жизни. Понятие «гражданско-правовой режим частной жизни» отражает особый характер отраслевого гражданско-правового регулирования режима тайны информации о частной жизни лица и определяет правопорядок в сфере охраны соответствующих нематериальных благ.

С учетом выявленных в рамках настоящего исследования гражданско-правовых квалифицирующих признаков частной жизни гражданина, констатировано, что структурными элементами гражданско-правовой охраны частной жизни лица выступают юридические средства правовой регуляции различной информации о частной жизни лица. Следовательно, методологическая особенность познания гражданско-правовой охраны

частной жизни лица заключается в последовательном изучении различных видов сведений, относящихся к тайне частной жизни, и особенностей их правового регулирования.

При изучении цифрового образа гражданина обнаружена проблема соотношения индивидуальной личности с его предполагаемым цифровым образом. Цифровой образ гражданина, который состоит из идентификационной, тайной и коммуникационной информации, представляющей особую неимущественную значимость и ценность для личности, необходимо включить в систему нематериальных благ как самостоятельное благо

Цифровой след и цифровая тень, будучи компонентами цифрового образа, являются результатом деятельности в сети Интернет, которая, в свою очередь, нередко порождает юридически значимые последствия, что актуализирует необходимость соответствующего правового регулирования цифрового следа и цифровой тени.

Правовой режим информации, составляющей цифровой след, и правовой режим информации, составляющей цифровую тень, обладает общими чертами: во-первых, их объединяет общий родовый признак, в качестве которого и в случае с цифровым следом, и в случае с цифровой тенью выступают персональные данные, имеющие самостоятельное правовое регулирование; во-вторых, они имеют схожие технические характеристики: существуют в цифровом формате в рамках конкретной информационной системы, которая, в свою очередь, функционирует через сеть Интернет; в-третьих, хранятся неограниченное количество времени даже в случае их удаления пользователем.

В диссертации подробно охарактеризованы виды информации, составляющей цифровой образ гражданина.

Во-первых, это идентификационная информация (цифровые персональные данные, в том числе биометрические персональные данные, и цифровое изображение гражданина). Цифровые персональные данные

объективируются через пользовательский аккаунт в информационно-коммуникационных системах, который появляется в обязательственных правоотношениях между пользователем и администратором информационно-коммуникационной системы, оформленных пользовательским соглашением. Пользовательский аккаунт отвечает признакам нематериальных благ. Анализ правоприменительной практики показал, что всё чаще возникают проблемы наследования пользовательских аккаунтов, которые могут быть сняты путем его включения в наследственную массу на общих основаниях и как исключение из правила о недопустимости передачи по наследству нематериальных благ.

Во-вторых, это тайная информация, включающая сведения, подпадающие под гражданско-правовые режимы охраняемой законом информации и хранящиеся в соответствующих информационных системах. Помимо предусмотренных законом тайных сведений (сведения, составляющие банковскую тайну и хранящиеся в онлайн-банкинге; сведения, составляющие нотариальную тайну и хранящиеся в Единой информационной системе нотариата; сведения, составляющие тайну усыновления и хранящиеся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния; сведения, составляющие налоговую тайну и хранящиеся в личном кабинете налогоплательщика – физического лица; сведения, составляющие врачебную тайну, и хранящиеся на региональных порталах медицинских услуг, а также частных информационных системах), в их число должна быть включена «цифровая тайна» (электронная цифровая подпись, логины и пароли от аккаунтов, биометрические характеристики и т.д.). Особенностью общественных отношений по поводу тайной информации является то, что в них появляется особый субъект – оператор информационной системы, главной обязанностью которого является управление информационными рисками.

В-третьих, это коммуникационная информация о гражданине, содержащаяся в цифровой форме (сведения о местоположении, сведения,

обусловленные личными сообщениями в социальных сетях, мессенджерах, электронных почтах и иных информационно-телекоммуникационных системах). Сведения о местонахождении (геолокационные персональные данные) могут быть идентифицирующими конкретного лица и анонимными, но идентифицируемыми. При этом действующее законодательство предъявляет требования по защите конфиденциальности данных о местоположении только по отношению к идентифицирующей конкретного лица информации и только к начальному сборщику данных. В настоящее время требуется и гражданско-правовая охрана анонимных, но идентифицируемых данных о местоположении.

В условиях цифровизации общественных отношений появляются новые виды посягательств на частную жизнь гражданина и его цифровой образ, а именно: сбор избыточных данных, таргетированная реклама, раскрытие персональных данных клиентов с помощью информационных систем, незаконный сбор и хранение биометрических персональных данных, незаконное использование 3D-моделей органов и тканей человека и др.

Новые правонарушения, появившиеся в цифровой среде, требуют обновления системы способов защиты гражданских прав. В связи с этим обосновано включение в указанную систему нового способа защиты – компенсация нематериального вреда. Такой способ защиты может быть использован независимо от вины правонарушителя и даже при отсутствии физических и нравственных страданий у гражданина-потерпевшего, что на сегодняшний день является препятствием для компенсации морального вреда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. *Конституция* Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>.
2. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. *Гражданский* 41;кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.03.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. *Семейный* кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. *Уголовный* кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 10.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. *Налоговый* кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 14.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. *Кодекс* профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации: утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016 (ред. от 23.04.2019). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. *О банках* и банковской деятельности: Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 29.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
10. *О внесении* изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

11. *О внесении изменений* в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

12. *О внесении изменений* в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

13. *О внесении изменений* в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

14. *О внесении изменений* в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01 мая 2016 г. № 134-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

15. *О внесении изменений* в Федеральный закон «О персональных данных»: Федеральный закон РФ от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. Ст. 4701.

16. *О внесении изменений* в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

17. *О внесении изменений* в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

18. *О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства*: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

19. *О государственной защите* судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон РФ от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

20. *О коммерческой тайне*: Федеральный закон РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

21. *О национальной платежной системе*: Федеральный закон РФ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

22. *О персональных данных*: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

23. *О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

24. *О свободе совести и о религиозных объединениях*: Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

25. *О связи*: Федеральный закон РФ от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

26. *О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

27. *Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

28. *Об аудиторской деятельности*: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

29. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации*: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

30. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022) //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

31. *Основы законодательства Российской Федерации о нотариате*: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

32. *Об электронной подписи*: Федеральный закон РФ от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

33. *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы*: Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

34. *Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера*: Указ Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 10.03.1997. № 10. Ст. 1127.

35. *Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации*: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11 (ноябрь).

36. *Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека*: утв. Президентом РФ 12 января 2023 г. № Пр-19. URL: <http://kremlin.ru>.

37. *Об утверждении Положения о единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица*: постановление Правительства РФ от 16 июня 2022 г. № 1089 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

38. *Об утверждении Порядка предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка*: постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 719 (ред. от 02.06.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

39. *Об утверждении Правил перевода в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг)*: постановление Правительства РФ от 03 марта 2017 г. № 254 (ред. от 18.07.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

40. Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных: постановление Правительства РФ от 06 июля 2008 г. № 512 (ред. от 27.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 28. Ст. 3384.

41. Об утверждении перечня сведений, включаемых в запись акта гражданского состояния, конвертируемую (преобразуемую) в форму электронного документа: распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2934-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

42. Об утверждении документов, предусмотренных подпунктом 1 пункта 1 и пунктом 2.3 статьи 102 Налогового кодекса Российской Федерации: приказ ФНС России от 14 ноября 2022 г. № ЕД-7-19/1085@ (вместе с «Порядком представления в налоговые органы согласия налогоплательщика (плательщика страховых взносов) на представление налоговым органом сведений о налогоплательщике (плательщике страховых взносов), составляющих налоговую тайну, иному лицу или признание таких сведений общедоступными», «Порядком представления налоговым органом сведений, составляющих налоговую тайну, иному лицу») (зарегистрировано в Минюсте России 02 декабря 2022 г. № 71321) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

43. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 01 августа 2018 г. № 428 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. Об утверждении сроков и периода размещения, порядка формирования и размещения на официальном сайте Федеральной налоговой службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, указанных в пункте 1.1 статьи 102 Налогового кодекса Российской Федерации: приказ ФНС России от 29 декабря 2016 г. № ММВ-7-14/729@ (ред. от 07.04.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 24 января 2017 г. № 45378) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

45. Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния: приказ Минюста России от 13 августа 2018 г. № 167 (ред. от 21.01.2022) (зарегистрировано в Минюсте России 15 августа 2018 г. № 51901) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

46. *План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»:* утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18 декабря 2017 г. № 2) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

47. *Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»:* распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (документ утратил силу).

48. *О Декларации прав и свобод человека и гражданина:* постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 26.12.1991. № 52. Ст. 1865. (документ утратил силу).

Международные и зарубежные правовые акты

49. *О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных):* регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принят в г. Брюсселе 27 апреля 2016 г.) // Official Journal of the European Union. № L 119. 2016.

50. Проект положений о трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг (разработан Комиссией ООН по праву международной торговли). [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.9/WG.IV/WP.160> (дата обращения: 16.03.2023).

51. *Постановление ЕСПЧ «Абдулазис, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» ("Abdulaziz, Cabales et Balkandali v. United Kingdom")* от 28 мая 1985 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

52. *Постановление ЕСПЧ по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» ("Boyle et Rice v. United Kingdom")* от 27 апреля 1988 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

53. *Постановление ЕСПЧ по делу «Дикме против Турции» ("Dikme v. Turkey")* от 11 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

54. *Постановление ЕСПЧ по делу «Мессина против Италии» ("Messina v. Italy")* от 28 сентября 2000 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

55. *Решение* ЕСПЧ по делу «Бен Файза против Франции» № 31446/12 от 8 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

56. *Решение* Апелляционного суда Берлина (Kammergericht Berlin, Urteil Ges.) Nr. 21 U 9/16 vom 31. Mai 2017 // FamRZ 2017, 1348.

57. *Решение* Берлинского окружного суда (Landgericht Berlin, Urteil AZ.) Nr. 20 O 172/15 vom 17. December 2015 // MDR 2016, 165.

Судебная практика

58. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гушиной» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

59. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 09 июня 2005 г. № 248-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

60. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

61. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Стерховой Марины Ивановны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями основ законодательства Российской Федерации о нотариате и частью второй статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2206-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

62. *О некоторых* вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 // Российская газета. 2021. 2 июля.

63. *О практике* применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8 (август).

64. *О применении* судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) // Российская газета. 2006. 3 мая.

65. *О применении* судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

66. *О применении* части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. 2019. 6 мая.

67. *Постановление* Суда по интеллектуальным правам от 07 марта 2014 г. № С01-114/2014 по делу № А56-58781/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

68. *Постановление* Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-201/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

69. *Апелляционное* определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 23 октября 2013 г. № 33-4172/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

70. *Апелляционное* определение Волгоградского областного суда от 24 апреля 2014 г. № 33-4427/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

71. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 12 февраля 2020 г. по делу № 33-5874/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

72. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 16 января 2020 г. по делу № 33-451/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

73. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 20 октября 2021 г. по делу № 33-42853/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

74. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 22 мая 2014 г. № 33-14709 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

75. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 28 января 2014 г. по делу № 33-5461 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
76. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 30 августа 2013 г. по делу № 11-27507 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
77. *Апелляционное* определение Московского областного суда от 20 июля 2015 г. по делу № 33-15973/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
78. *Апелляционное* определение Нижегородского областного суда от 02 июля 2019 г. по делу № 33-7683/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
79. *Апелляционное* определение Новосибирского областного суда от 04 июля 2017 г. по делу № 33-6394/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
80. *Апелляционное* определение Санкт-Петербургского городского суда от 3 февраля 2015 г. по делу № 2-3097/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
81. *Апелляционное* определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 октября 2017 г. № 33-19446/2017 по делу № 2-2998/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
82. *Определение* Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03 февраля 2022 г. № 88-166/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
83. *Определение* Московского городского суда от 25 декабря 2013 г. № 4г/6-12632 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
84. *Определение* Московского городского суда от 29 февраля 2012 г. № 33-6709 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
85. *Определение* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07 октября 2021 г. № 88-23887/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
86. *Определение* Пермского краевого суда от 21 мая 2014 г. по делу № 33-4396-2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

87. *Определение* Приморского краевого суда от 28 апреля 2014 г. № 33-3718 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

88. *Определение* Санкт-Петербургского городского суда от 31 марта 2014 г. № 33-4198/14 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

89. *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 5-КГ17-256 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

90. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 03 июля 2018 г. № Ф05-9415/2018 по делу № А40-73666/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

91. *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 09 июня 2017 г. № Ф06-20923/2017 по делу № А49-5389/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

92. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 октября 2018 г. по делу № А13-14168/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

93. *Постановление* Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2020 г. по делу № А76-40662/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

94. *Постановление* Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2017 г. № 19АП-126/2017 по делу № А48-4470/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

95. *Постановление* Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 февраля 2018 г. по делу № А40-131884/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

96. *Постановление* Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 июня 2010 г. по делу № А56-4788/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

97. *Постановление* Новосибирского УФАС России от 25 июня 2015 г. по делу № 06-67/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

98. *Постановление* Пятого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2020 г. по делу № А51-330/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

99. *Постановление* Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06 февраля 2020 г. по делу № А65-7151/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

100. *Постановление* Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 декабря 2021 г. № 17АП-8233/2016(51,52)-АК по делу № А60-51936/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

101. *Постановление* Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2020 г. по делу № А60-17074/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

102. *Решение* Арбитражного суда города Москвы от 12 октября 2017 г. № А40-168121/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

103. *Решение* Арбитражного суда города Москвы от 25 октября 2019 г. по делу № А40-169180/19-51-1466 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

104. *Решение* Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 27 декабря 2018 г. по делу № А58-5241/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

105. *Решение* Белоглинского районного суда Краснодарского края от 22 июня 2014 г. по делу № 2-300/2014 № 2-300/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

106. *Решение* Верховного Суда РФ от 07 декабря 2012 г. № АКПИ12-1475 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

107. *Решение* Ленинского районного суда г. Новосибирска от 14 октября 2014 года по делу № 2-5425/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Монографии, комментарии и учебная литература

108. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.

109. *Баглай М.В.* Конституционное право РФ. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 767 с.

110. *Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н.* Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. 168 с.

111. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учеб. для вузов. М.: Норма, 2002. 640 с.
112. *Богданов Д.Е. и др.* Концептуальные основы правового регулирования отношений в сфере создания и использования биопринтных человеческих органов: монография. М.: Проспект, 2022. 224 с.
113. *Голоскоков Л.В.* Теория сетевого права / под ред. А.В. Малько. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 188 с.
114. *Гришаев С.П.* Право гражданина на изображение [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс».
115. *Гэлбрэйт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 602 с.
116. *Иванов Е.А.* Социальная философия для юристов. Очерк истории: учеб. пособие для студ. юрид. вузов и ф-тов. М.: Волтерс Клувер, 2007. 896 с.
117. *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2003. 780 с.
118. *Кадников Б.Н.* Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: науч.-практ. пособие / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2011. 136 с.
119. *Керимов Д.А.* Обеспечение законности в СССР. М.: Госюриздат, 1956. 167 с.
120. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / сост. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. 356 с.
121. *Красиков А.Н.* Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. 211 с.
122. *Кутафин О.Е.* Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. 405 с.
123. *Лейбо Ю.И., Толстомятенко Г.П., Экишайн К.А.* Права и свободы человека и гражданина. М.: Эком, 2000. 447 с.
124. *Ловцов Д.А.* Системология информационных правоотношений. М.: Рос. акад. правосудия, 2008. 233 с.
125. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 244 с.
126. *Малько А.В., Шундииков К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике: монография. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.

127. *Менгер А.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 494 с.
128. *Микеле де Сальвия.* Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 1071 с.
129. *Морозова Л.А.* Конституционное регулирование в СССР. М.: Юрид. лит., 1985. 144 с.
130. *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М.: Юрид. лит., 1967. 191 с.
131. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 835 с.
132. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 915 с.
133. *Петрухин И.Л.* Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юрид. лит., 1989. 189 с.
134. *Петрухин И.Л.* Личные тайны (человек и власть). М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. 232 с.
135. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 349 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
136. *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под. общ. ред. Е.А. Лукашевой.* М.: Норма, 2002. 435 с.
137. *Розин В.М.* Философия техники. М.: NOTA BENE, 2001. 281 с.
138. *Романовский Г.Б.* Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ-Пресс, 2001. 312 с.
139. *Рушайло В.Б.* Административно-правовые режимы: монография. М.: Щит-М, 2000. 264 с.
140. *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016. 640 с.
141. *Самощенко И.С.* Охрана режима законности Советским государством. М.: Госюриздат, 1960. 200 с.
142. *Селиванов Ф.А.* Благо. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. 66 с.
143. *Соловьев В.С.* Духовные основы жизни. Избранные произведения. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. 540 с.
144. *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. М.: Прогресс, 1976. 250 с.

145. *Толстой В.С.* Личные неимущественные правоотношения. М.: Изд-во Акад. повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 216 с.
146. *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
147. *Федеральный закон «О персональных данных»:* научно-практический комментарий (постатейный) / А.Х. Гафурова, Е.В. Доротенко, Ю.Е. Контемиров и др.; под ред. А.А. Приезжевой. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 11. 176 с.
148. *Флейшиц Е.А.* Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 207 с.
149. *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. 539 с.
150. *Шевченко В.Н.* Социально-философский анализ развития общества. М.: Знание, 1984. 127 с.
151. *Юридическая энциклопедия* / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. 1267 с.
152. *Benatti F.* Danno all'immagine, Digesto civile. Torino: UTET, 2011. VI. 275 p.
153. *Bourke Ch.* Computer Science. Lincoln: University of Nebraska-Lincoln, 2018. 30 p.
154. *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Wiley, 2010. 597 p.
155. *Huth M., Ryan M.* Logic in Computer Science: Modelling and Reasoning about Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
156. *Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H.* Privacy, Big Data and the Public Good: Frameworks for Engagement. Cambridge University Press, 2014. 344 p.
157. *MacQueen H., Waelde Ch., Laurie G., Brown A.* Contemporary Intellectual Property: Law and Policy. Second ed. Oxford: Oxford University Press, 2011.
158. *Palmer V. (Ed.).* The Recovery of Non Pecuniary Loss in European Contract Law (The Common Core of European Private Law). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 534 p.
159. *Rushkoff D.* Present Shock: When Everything Happens Now. Penguin, 2013. 296 p.

160. *Webster F.* Theories of the Information Society. Psychology Press, 2002. 304 p.

Научные статьи и тезисы

161. *Алейникова В.В.* Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты // Закон. 2019. № 7. С. 183–195.

162. *Андреевский К.В.* К вопросу о целевом воздействии на поведение участников бюджетной деятельности в условиях бюджетно-правового режима // Финансовое право. 2022. № 11. С. 18–21.

163. *Аюшеева И.З.* Осуществление личных неимущественных прав при создании биопринтных человеческих органов // Lex russica. 2020. № 7. С. 24–33.

164. *Байгузин Ю.П.* Использование цифровых изображений в почерковедческой экспертизе // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 19–20.

165. *Баринов С.В.* К вопросу об определении понятия «частная жизнь» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 28–30.

166. *Баринов С.В.* Особенности возбуждения уголовных дел по фактам совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 146–154.

167. *Баринов С.В.* Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15–19.

168. *Баринова С.Г.* Технологический детерминизм и технологический тип детерминации // Вестник КрасГАУ. 2010. № 9. С. 195–201.

169. *Барышева К.А.* Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. 2017. № 12. С. 151–162.

170. *Батурин С.С.* Об основных конституционных правах человека и гражданина в аспекте оперативно-розыскной деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 46–48.

171. *Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В.* Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 61–68.

172. *Безнощенко Н.В.* Соотношение банковской и налоговой тайны // Налоги. 2017. № 9. С. 12–15.

173. *Березин Д.А.* Нематериальные блага – объекты оценки // Юрист. 2017. № 24. С. 14–18.

174. *Белобабченко М.К.* Нарушение банковской тайны и права на защиту персональных данных // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 26. С. 18–26.

175. *Богданов Д.Е.* Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 678–704.

176. *Богданов Д.Е.* Влияние биопринтных технологий на развитие гражданско-правовой ответственности // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 9 (166). С. 88–99.

177. *Богданов Д.Е.* Влияние аддитивных технологий на определение модели деликтной ответственности оператора онлайн-платформы // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 7 (164). С. 76–85.

178. *Богданов Д.Е., Богданова С.Г.* Определение модели ответственности за вред, причиненный использованием технологий искусственного интеллекта в российском и зарубежном праве // Образование и право. 2023. № 6. С. 217–224.

179. *Богданов Д.Е.* Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 11 (180). С. 102–123.

180. *Богданов Д.Е.* Технология 3d-печати как триггер четвертой промышленной революции: новые вызовы перед правовой системой // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 238–260

181. *Богданов Е.В.* Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 29–33.

182. *Боровиков А.* Цифровые двойники и цифровые тени в высокотехнологичной промышленности // Seldon. News. 2018. 26 октября.

183. *Бояркина Л.А., Бояркин В.В.* Цифровой след и цифровая тень как производные персональных данных // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 62. С. 79–80.

184. *Будылин С.Л.* Лорд Ноттингем и электронная почта, или Дело о подписанном имейле. Комментарий к делу Golden Ocean Group Ltd v. Salgaocar Mining Industries PVT Ltd & Anor [2012] EWCA Civ. 265 (9 march 2012) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12. С. 40–46.

185. *Буйнов Д.О.* Виды цифровых следов преступлений в сфере экономической деятельности и особенности их исследования экспертом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 140–148.

186. *Вакулина Г.А.* О праве пациента на компенсацию морального вреда // Юрист. 2023. № 8. С. 35–38.
187. *Виниченко Ю.В.* Метод правового регулирования и принципы регулирования гражданского оборота // Современное право. 2022. № 9. С. 5–14.
188. *Воронцова С.В., Золотарева А.Ю.* Сохранение банковской тайны и новые электронные технологии // Налоги. 2010. № 22. С. 20–25.
189. *Восканян Р.О., Вольдимарова Н.Г.* Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 34–39.
190. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5. С. 91–104.
191. *Гаврилов Э.* Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.
192. *Газизов В.А.* К вопросу об использовании цифровой фотографии в расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 2 (6). С. 81–85.
193. *Гапанович А.В.* Цифровые следы и цифровые тени: правовая квалификация // Юрист. 2022. № 6. С. 2–7.
194. *Германова А.А.* Основные нотариальные действия на современном этапе и их усовершенствование с помощью цифровизации нотариата // Нотариус. 2020. № 5. С. 3–6.
195. *Горбатов Р.О., Романов А.Д.* Создание органов и тканей с помощью биопечати // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2017. № 3(63). С. 3–9.
196. *Грибунов О.П., Нарыжный Е.В.* Основные аспекты применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 33–35.
197. *Гришаев С.П.* Право на неприкосновенность частной жизни. 2012. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
198. *Данилова О.А.* Проблемы правового регулирования банковской тайны // Финансовое право. 2020. № 5. С. 21–25.
199. *Дохолян З.М.* Банковский сектор как драйвер развития цифровой экономики // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: материалы Всерос. науч.-практич. конф. 2020. С. 47–52.

200. *Едидин Б.А., Крымская К.В.* Сбор избыточных данных: вопросы правового регулирования // *Право и цифровая экономика*. 2022. № 2. С. 27–32.
201. *Ершова Е.Н.* Аккаунт в социальной сети как сложный объект интеллектуальных прав // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2017. № 3 (18). С. 68–70.
202. *Жарова А.К.* Проблемы анонимности субъектов в сети Интернет // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 5. С. 135–159.
203. *Жижилева А.А.* О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // *Вопросы российской юстиции*. 2019. № 3. С. 913–918.
204. *Закройщикова Д.К.* Нотариальная тайна в уголовном судопроизводстве // *Нотариальный вестник*. 2012. № 3. С. 9–24.
205. *Захаренко Д.С.* Правовые проблемы использования изображения гражданина // *Юрист*. 2016. № 21. С. 17–21.
206. *Захаркина А.В.* Динамика гражданско-правового обязательства, исполняющегося путем применения информационных технологий (смарт-контракта) // *Ex Jure*. 2021. № 3. С. 130–144.
207. *Захаркина А.В.* Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020. № 47. С. 66–82.
208. *Захарова О.Н., Епифанцева Т.Ю.* Возмещение вреда, причиненного при использовании искусственного интеллекта // *Нотариус*. 2023. № 2. С. 6–8.
209. *Иванова К.А.* Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 9. С. 32–38.
210. *Исаков В.Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // *Проблемы теории государства и права* / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 258–259.
211. *Кавеева А.Д., Гурин К.Е.* Искусственные профили «ВКонтакте» и их влияние на социальную сеть пользователей // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21, № 2. С. 214–231.
212. *Кадников Б.Н.* К вопросу о понятии частной жизни человека // *Международное публичное и частное право*. 2007. № 1. С. 67–69.

213. *Карцхия А.А.* Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1(30). С. 25–29.
214. *Кирилина В.Е.* Правовой режим налоговой тайны // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4. С. 79–84.
215. *Кириллова Е.А.* Электронное взаимодействие нотариата с Единым государственным реестром ЗАГС: новеллы законодательства // Нотариус. 2017. № 5. С. 32–34.
216. *Колосов В., Шварц М.* Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 4. С. 38–46.
217. *Комиссарова Е.Г.* Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 2. С. 23–29.
218. *Комиссарова О.Р.* Социальные сети и наследование персональных данных: этические и прагматические аспекты // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2018. № 1(14). С. 21–26.
219. *Кондаков А.М., Костылева А.А.* Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. № 3. С. 207–219.
220. *Корсик К.А.* Некоторые аспекты правозащитной функции нотариата // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1(138). С. 242–243.
221. *Корсик К.А.* Нотариат в федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» // Нотариальный вестник. 2020. № 12. С. 2–5.
222. *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Обеспечение безопасности персональных данных, получаемых субъектом предпринимательской деятельности // Правовое обеспечение модернизации экономики и бизнеса в условиях цифровизации: монография. М.: Проспект, 2023. С. 111–116.
223. *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Общие положения информационной безопасности: понятие, категории доступа, содержание и сфера применения // Правовое обеспечение модернизации экономики и бизнеса в условиях цифровизации: монография. М.: Проспект, 2023. С. 97–103.
224. *Косьяненко Е.М., Бажина М.А.* Правовые аспекты обработки персональных данных в сфере транспортного обеспечения физических лиц // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 2. С. 45–49.

225. *Котенко Е.С.* Понятие и признаки мультимедийного продукта // *Lex russica*. 2013. Т. 95, № 6. С. 601–615.
226. *Крохина Ю.А.* Принципы определения налоговой тайны в законодательстве России и зарубежных стран // *Финансовое право*. 2015. № 8. С. 26–30.
227. *Кузнецова О.А.* Ненадлежащий способ защиты гражданских прав как основание для отказа в иске // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. № 4 (10). С. 116–121.
228. *Кузнецова О.А.* Экономико-социальная природа и правовая форма краудфандинговых отношений // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 473–483.
229. *Курова Н.Н., Строганова Н.К.* Единая информационная система нотариата: новые реалии, проблемы и перспективы // *Нотариус*. 2021. № 5. С. 45. С. 44–48.
230. *Лепешкина Н.П.* Неприкосновенность частной жизни, что это? // *Адвокатская практика*. 2005. № 2. С. 37–39.
231. *Лобурев С.Н.* Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния: ожидания против реальности // *Семейное и жилищное право*. 2020. № 2. С. 3–6.
232. *Ловцов Д.А.* Концептуально-логическое моделирование юридического понятия «тайна» // *Информационное право*. 2009. № 2. С. 12–15.
233. *Ложис З.З., Чупахин Р.В.* Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // *Российский следователь*. 2022. № 4. С. 23–27.
234. *Малеина М.Н.* Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // *Государство и право*. 2014. № 7. С. 40–47.
235. *Малеина М.Н.* Право обучающегося и преподавателя на индивидуальный облик // *Lex russica*. 2019. № 3. С. 24–33.
236. *Малько А.В.* Правовые средства как общетеоретическая проблема // *Правоведение*. 1999. № 2. С. 4–16.
237. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // *Известия вузов. Правоведение*. 1996. № 1. С. 16–29.
238. *Микрюков В.А.* О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // *Юрист*. 2013. № 13. С. 36–39.
239. *Миронов В.А.* Вслед за создателем. Технологии биопринтинга // *Наука из первых рук*. 2013. № 4. С. 14–25.

240. *Митягин К.С.* Правовая природа страницы социальной сети // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5. С. 74–77.
241. *Михайлова Е.В.* Цифровизация правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов (в деятельности суда и нотариата) // Нотариус. 2022. № 7. С. 35–39.
242. *Наумов В.Б.* К вопросу о формировании института идентификации субъектов в системе российского информационного права // Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы: сб. науч. работ / отв. ред. Т.А. Полякова, И.Л. Бачило, В.Б. Наумов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. С. 151–152.
243. *Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 7–12.
244. *Новиков В.* Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49.
245. *Новиков В.А.* Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.
246. *Новоселова Л.А.* Использование в медицине технологии объемной печати (3Дпечати) с точки зрения авторского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 53–54.
247. *Овсянников П.Ю.* Административная ответственность за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также государственной и иной охраняемой законом тайны // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 24–26.
248. *Овчинникова Ю.С.* Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 73–81.
249. *Одинцов С.В., Миронов Э.Ю.* Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика // Современное право. 2020. № 11. С. 97–104.
250. *Орлов М.О.* Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 155–161.
251. *Очеретяный К.А.* Бытие в цифре: модусы цифрового существования // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 299–302.

252. *Панарина М.М.* Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // *Наследственное право.* 2018. № 3. С. 27–28.
253. *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2014. № 1. С. 298–303.
254. *Пилипенко Ю.С.* Особенности профессиональных тайн // *Законодательство и экономика.* 2008. № 3. С. 34–39.
255. *Прошунин М.М.* Информационная асимметрия: финансово-правовой аспект // *Законодательная экспертиза.* 2013. Вып. 1. С. 113–121.
256. *Пучков В.О.* Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // *Арбитражные споры.* 2020. № 3. С. 143–158.
257. *Родыгина В.Е.* Трансформация института налоговой тайны в условиях цифровой экономики: правовые аспекты // *Финансовое право.* 2019. № 10. С. 20–24.
258. *Россинская Е.Р., Рядовский И.А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // *Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019.* С. 6–9.
259. *Савельев А.И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // *Вестник гражданского права.* 2020. № 1. С. 60–92.
260. *Сараев Д.В.* О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // *Юрист.* 2002. № 7. С. 3–6.
261. *Семикаленова А.И.* Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2019. № 5. С. 115–120.
262. *Сенчищев В.И.* Объект гражданского правоотношения // *Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского.* М.: Статут, 1999. С. 109–160.
263. *Скворцов А.* Поддельные аккаунты: erat, est, fuit? // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* 2015. № 2. С. 25–34.
264. *Скляр М.А.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // *Экономическое возрождение России.* 2019. № 3 (61). С. 103–114.
265. *Смирнов А.* Новая реальность: какие угрозы несет сбор пользовательских данных // *RB.RU.* 2019. 29 марта.

266. *Сперанская Л.В.* Право на неприкосновенность частной жизни. 2022. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
267. *Старостин С.А.* Классификация административно-правовых режимов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2020. № 11. С. 3–10.
268. *Столяров Д.А., Денисов Л.А.* Теоретико-правовые аспекты цифровизации юриспруденции в России (на примере нотариата) // *Нотариус.* 2022. № 6. С. 44–48.
269. *Сыропятова Н.В.* Правовые режимы банковских счетов в России // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2020. № 2. С. 348–363.
270. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // *Журнал российского права.* 2018. № 2. С. 5–17.
271. *Танимов О.В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // *Актуальные проблемы российского права.* 2020. № 2. С. 11–18.
272. *Тарасова Е.А.* Современный нотариат = электронный нотариат? (цифровизация нотариальной деятельности) // *Пермский юридический альманах.* 2019. № 2. С. 337–344.
273. *Темникова Н.А.* О понятии «нематериальное благо» в семейном праве // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 2007. № 4 (13). С. 82–86.
274. *Тужилова-Орданская Е.М., Ахтямова Е.В.* Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2021. № 2. С. 263–284.
275. *Фридман В.Э.* Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // *ИС. Авторское право и смежные права.* 2019. № 8. С. 45–56.
276. *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права.* 2018. № 9. С. 5–16.
277. *Хесуани Ю.Дж., Сергеева Н.С., Миронов В.А., Мустафин А.Г., Каприн А.Д.* Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати // *Гены и клетки.* 2018. № 3. С. 38–45.

278. *Черданцев А.Ю.* Цифровые следы как криминалистический феномен // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4. С. 178–180.
279. *Чорный В.Н., Сенатова Е.В.* Административно-правовые режимы функционирования структурных подразделений исправительного учреждения // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 32–35.
280. *Шахназаров Б.А.* NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 12–21.
281. *Шебанова Н.А.* Современный внешний облик индивидуума: свободен ли выбор? // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 4(62). С. 176–196.
282. *Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г.* К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 63–67.
283. *Шуралева С.В.* Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 527–551.
284. *Юрлов И.А., Быкова М.А.* Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 51–58.
285. *Balkin Jack M.* Information Fiduciaries and the First Amendment (February 3, 2016) // UC Davis Law Review. 2016. Vol. 49. № 4. Yale Law School, Public Law Research Paper. № 553.
286. *Bergmann S.* Publicity Rights in the United States and Germany: A Comparative Analysis // Loyola of Los Angeles Entertainment Law Journal. 1999. Vol. 19. Pp. 479–480.
287. *Calo R.* Privacy, Vulnerability, and Affordance // DePaul Law Review. 2017. Vol. 66. Pp. 591–604.
288. *Casey E.* Maturation of digital forensics // Digital Investigation. 2019. № 29.
289. *Di Ciommo F.* Privacy in Europe After Regulation (EU) N 2016/679: What Will Remain of the Right to Be Forgotten? // The Italian Law Journal. 2017. Vol. 3, № 2. Pp. 623–646.
290. *Gajda A.* What if Samuel D. Warren Hadn't Married a Senator's Daughter? Uncovering the Press Coverage that Led to The Right to Privacy // Michigan State Law Review. 2008. Vol. 35. Pp. 35–59.

291. *Gatt L.* Preface. The contradictions of the privacy law // *European Journal of Privacy Law & Technologies*. Special issue. 2020. Pp. VII–X.

292. *Knetsch J.* The compensation of nonpecuniary loss in GDPR infringement // *European Journal of Privacy Law & Technologies*. Special issue. 2020. Pp. 63–70.

293. *Logeais E. & Schroeder J.-B.* The French Right of Image: An Ambiguous Concept Protecting the Human Persona // *The Loyola of Los Angeles Entertainment Law Journal*. 1998. Vol. 18. P. 551.

294. *Luna F.* Elucidating the Concept of Vulnerability: Layers Not Labels // *International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*. 2009. Vol. 2 (1). Pp. 121–139.

295. *Malgieri G. & Niklas J.* Vulnerable data subjects // *Computer Law & Security Review*. 2020. Vol. 37. 105415.

296. *Polito P.* The Protection of Our Image: Between the Right to One's Own Image and the Right of Publicity // *The Italian Law Journal*. 2018. Special Issue. Pp. 69–81.

297. *Reiter E.H.* Personality and Patrimony: Comparative Perspectives on the Right to One's Image (2001–2002) // *Tulane Law Review*. 2002. Vol. 76. Pp. 673–726.

298. *Ruda-Gonzalez A.* Liability for the Unauthorized Use of Personal Data in Social Networks: the Case for Collective Redress // *European Journal of Privacy Law & Technologies*. 2020. Special Issue. Pp. 80–92.

299. *Sadiku M., Tembely M., Musa S.* Digital Forensics // *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*. 2017. № 7. P. 274–276.

300. *Warren S.D. and Brandeis L.D.* The right to privacy // *Harvard Law Review*. 1890. Vol. 5. Pp. 193–220.

Диссертации и авторефераты

301. *Анисимова А.С.* Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 222 с.

302. *Арзуманян А.Б.* Нематериальные блага как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 201 с.

303. *Валеев М.М.* Вещи как объекты гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 215 с.

304. *Галыгина И.П.* Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 25 с.
305. *Грибанов Ю.И.* Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. 355 с.
306. *Ермолова О.Н.* Нематериальные блага и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 150 с.
307. *Жеребкин В.П.* Уголовно-правовая охрана частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 197 с.
308. *Кадников Б.Н.* Уголовно-правовая охрана конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 196 с.
309. *Каминский Б.Б.* Индивидуальный правовой статус личности: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 179 с.
310. *Космынина П.В.* Правовой режим предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 200 с.
311. *Лисицына Н.В.* Банковская тайна как объект правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 55 с.
312. *Макеев П.Н.* Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 187 с.
313. *Маркелова К.А.* Банковская тайна: правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.
314. *Мефодьева К.А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 228 с.
315. *Овсянников Д.В.* Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 21 с.
316. *Палькина Т.Н.* Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.
317. *Родионов О.С.* Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 157 с.

318. *Романовский Г.Б.* Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 16 с.
319. *Сысоев Ю.Е.* Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
320. *Темникова Н.А.* Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка в семейном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 197 с.
321. *Тимешов Р.П.* Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 208 с.
322. *Трофимова Т.В.* Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 198 с.
323. *Трущенко И.В.* Использование цифровой фотографии в криминалистических экспертизах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 185 с.
324. *Шамсумова Э.Ф.* Правовые режимы (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 213 с.
325. *Шевченко И.А.* Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 23 с.
326. *Шундигов К.В.* Цели и средства в праве: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 22 с.